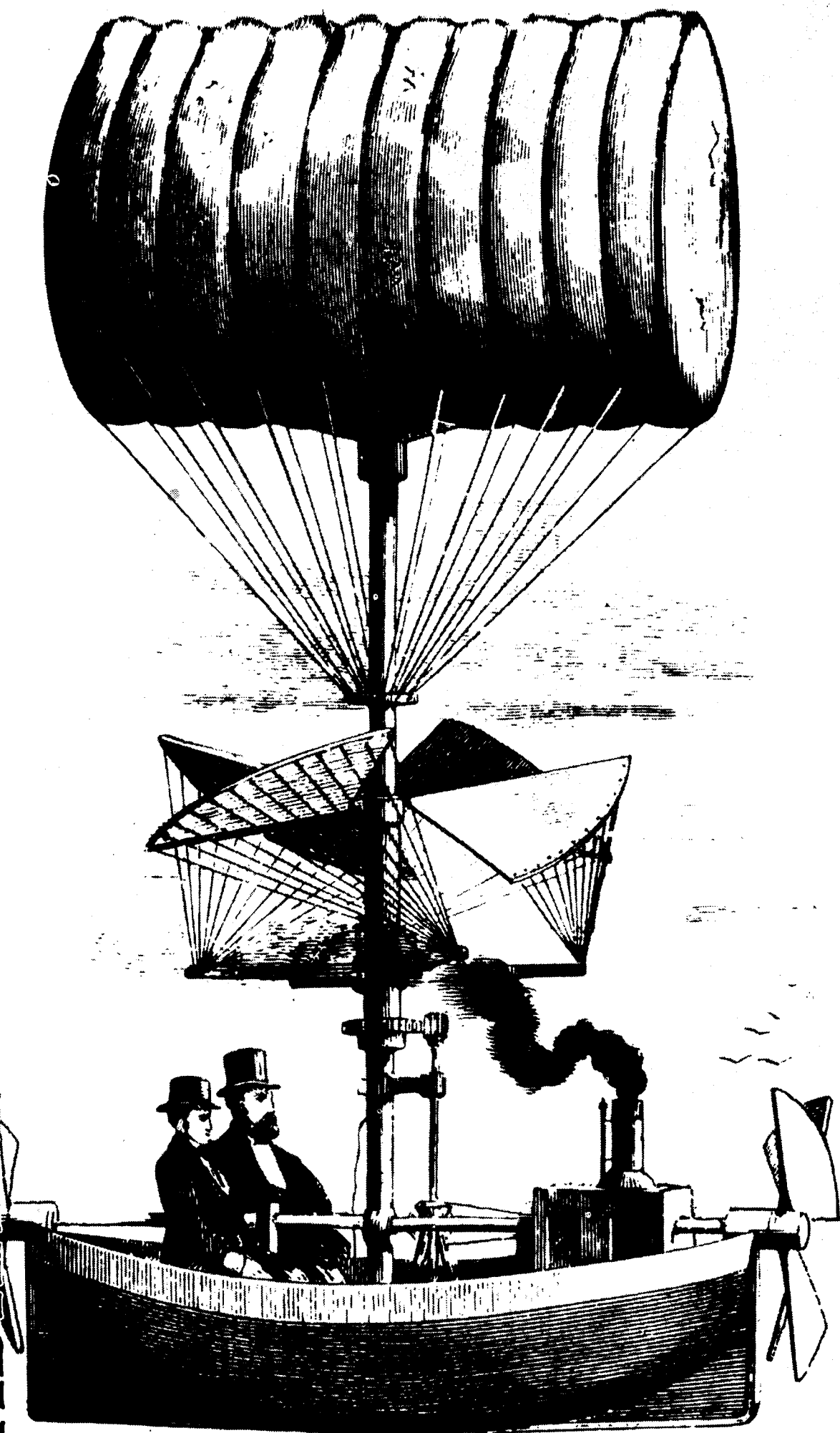

ЛАВКА ФАНТАСТИКИ * №1 * 1998

ЛАВКА ФАНТАСТИКИ · №1 (3) · 1998

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Максим МАЛЬЦЕВ.	Рыцарь и его чудовище. <i>Рассказ</i>	3
Вячеслав БУКУР.	Трикстер. <i>Рассказ</i>	8
Вячеслав ЗАПОЛЬСКИХ.	Хакербол. <i>Рассказ</i>	18
	Война с Бананаландией. <i>Рассказ</i>	21
Станислав ГИМАДЕЕВ.	Принцип четности. <i>Роман</i>	21

ХРОНОСКОП

Игорь ХАЛЫМБАДЖА.	У истоков уральской фантастики	34
Петр ГАЛИН.	Новогодняя фантазия	36

ТАМ-СЯМ ИЗДАТ

А. ДВОРНИК, «Отруби по локоть». К. КОРОЛЕВ, «Мифические существа». У. ЛУКИН, «Катали мы ваше солнце»	37
--	----

БЛУЖДАЮЩАЯ МАСКА

Новая галактика на нашем экране	39
Коварство негуманоидов. «Контакт». <i>Рецензии</i>	41

ФЭН-ШТУДИИ

«Кольца дракона». Фрагменты энциклопедии фантастики	42
«Основание» и Россия	44

ВЕРНИСАЖ

Созвучия диких форм	46
---------------------	----

НОВОСТИ

Марсианское сокровище «Каменного пояса». Репортаж с «Аэлиты-98».	47
--	----

Издатель и редактор:
Вячеслав Запольских.

Верстка:
Михаил Смертин.

Художники:
Надежда Маркалова,
Владимир Киршин,
Надежда Караваева,
Константин Кунщиков.

Адрес для переписки:
614039, г. Пермь,
Комсомольский проспект, 63-9.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

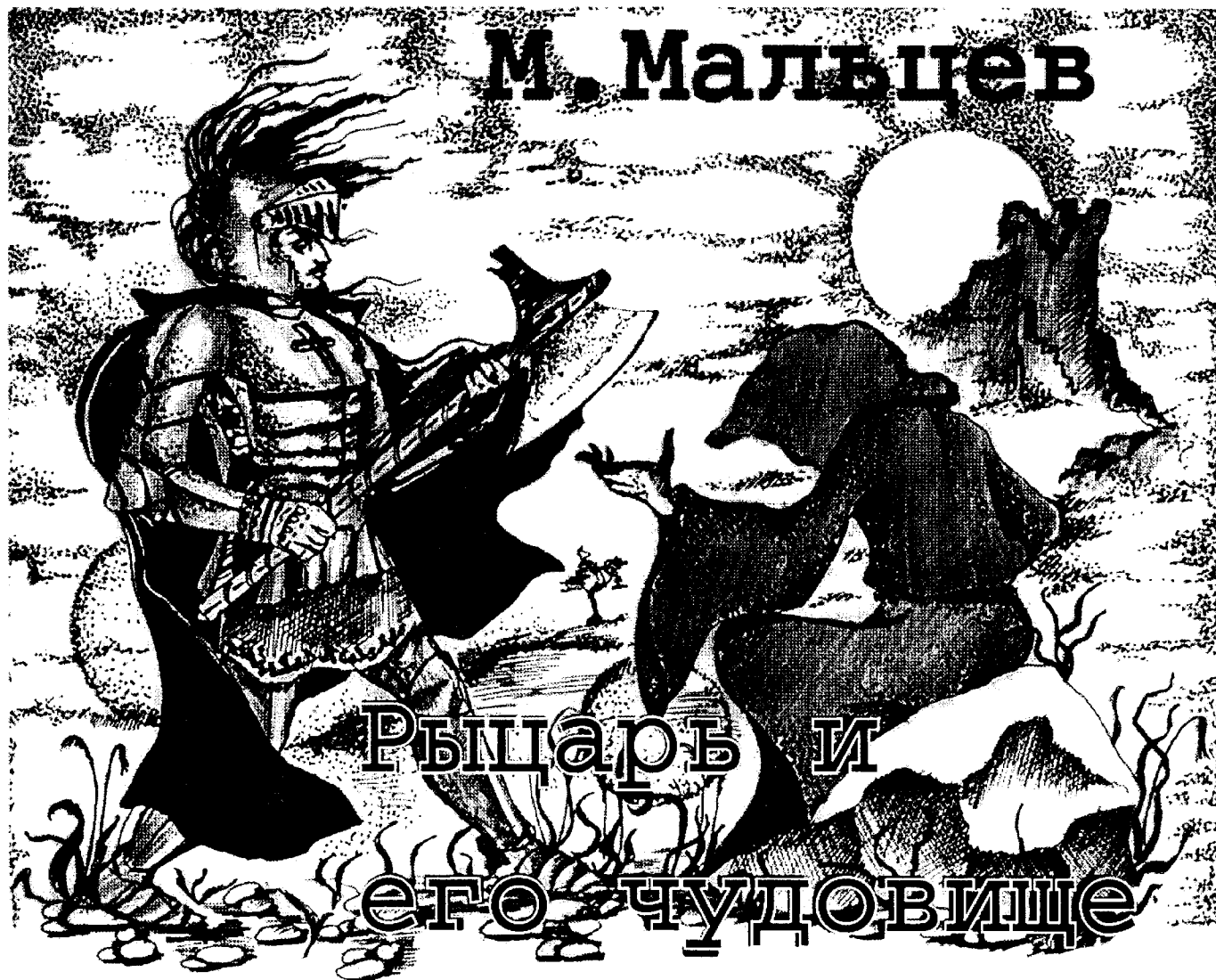
Редакция не берет на себя обязательств по рецензированию всех присланных книг.

Журнал зарегистрирован 25 ноября 1997 г. в Уральском региональном Управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства РФ о средствах массовой информации. Свидетельство № Е-2377.

Цена свободная.

© «Лавка фантастики», 1998.

М. Малвцев

Рыцарь и его чудовище

СТЕПЬ. Ровная, как оструганная доска, лишь редкие чахлые деревца немного разнообразят унылый пейзаж. И так на многие версты. От горизонта до горизонта, во все стороны света.

Стук лошадиных копыт по мерзлой земле, разносящийся на два полета стрелы, хриплое дыхание смертельно уставшего коня да замогильный вой всепроникающего ветра — вот и все звуки, заполняющие собой тишину.

Холодный воздух змеей заползает под панцирь скачущего рыцаря, свивая себе гнезда в мелких звеньях кольчуги, холодя сквозь добротный кафтан кожу. Не помогает и наброшенный поверх лат шерстяной плащ. Не в силах спасти от бьющего в лицо ветра стальная решетка опущенного забрала.

Башня появилась как бы ниоткуда. Мгновение назад степь была пуста — и вот уже старое полуразрушенное здание из темного необтесанного камня стоит под низким небом. Когда-то очень давно вокруг башни высилась стена, но сейчас она почти полностью обрушилась, загромодив внутренний двор огромными, покрытыми мхом и на треть вросшими в землю валунами, прежде составлявшими часть ее кладки.

Были и ворота. Массивные, хорошо сохранившиеся, изготовленные из обитого бронзой почерневшего от времени, но до сих пор крепкого дуба — они были приветственно приоткрыты. Как огромные безмолвные стражи вросшие в грунт створы манили войти, одновременно пугая скрывающейся за ними злобейшей чернотой. А башня являла собой лишь остов, безмолвный каменный палец, уставленный в небо. Перекрытия давно обрушились и только прорезанные узкими бойницами стены, за которыми, казалось, сама тьма обретает плоть, продолжали бросать вызов стихии.

Перед воротами рыцарь осадил коня, звеня латами спешился. Несколько мгновений стоял как бы в нерешительности, потом машинально провел ладонью в перчатке по дымящемуся на холоде крупу коня, замер на мгновение, словно боясь снять руку и тем самым остаться в одиночестве. Шумно выдохнул, что-то неразборчиво пробормотал про себя и решительно отнял ладонь.

Чехол расстегнулся легко, как и десятки раз в прошлом, явив тяжелую боевую секиру с ратовищем из черного дерева и треугольным серебряным лезвием, отполированным до зеркального блеска. Стреноживать коня рыцарь не стал. Зачем? Он не собирался задерживаться. Держа секиру в правой руке, он подошел к воротам. Пар от дыхания вырывался сквозь сетку опущенного забрала, делая воина похожим на одного из коричневых драконов, обитающих в Сизых горах. Человек глубоко вдохнул обжигающе холодный воздух этого мира и решительно шагнул в пространство между распахнутыми створками.

Шаг. Еще шаг. Тишина. Ладонь, сжимающая обух секиры, вспотела под воловьей кожей перчатки. Двор был пуст. Звон рыцарских шпор о камень отражался от стен причудливым эхом. Вдруг что-то неуловимо изменилось в воздухе, к запаху сырости добавилось что-то еще. Витязь недоуменно огляделся и замер, забыв вдохнуть. Он готов был поклясться, что мгновение назад огромный, покрытый высохшим мхом валун был пуст, но теперь на нем сидел человек в грубой монашеской рясе с накинутым на голову капюшоном.

— Привет! — сказал монах. Сказал спокойно, не слишком тихо и не слишком громко, самым обычным голосом.

Будто встретил в корчме старого приятеля, которого и ожидал там встретить.

Рыцарь не ответил. Он крепко, теперь уже двумя руками, сжимал секиру, не отрывая взгляд от сидящей фигуры.

— Ты пришел убить чудовище? — казалось, из-под капюшона раздался смех.

— Кто ты? — голос у рыцаря был низкий и напряженный, приглушенный литым шлемом.

— Не волнуйся. Я тот, кто тебе нужен.

Незнакомец спрыгнул с валуна и, обойдя преграждавшую дорогу кучу щебня, направился к воину. Самый обычный человек среднего роста. Капюшон упал на плечи и рыцарь увидел темные волосы, неопределенного цвета глаза, ровно очерченный подбородок — ничем не примечательное лицо, каких тысячи.

— Ни шагу дальше! — рыцарь вытянул руки с секирой в сторону приближавшегося монаха.

Скрипнула под ногами щебенка. Пожав плечами, незнакомец остановился.

— Я представлял тебя по-иному, — голос глухо доносился из-под опущенного забрала.

— Конечно. Трехголовым, огнедышащим, десяти сажень ростом.

Рыцарь молчал. Возразить было нечего.

— У меня даже имя есть, — монах улыбнулся, — сэр Эгфрид из Варгарда.

Витязь пошатнулся. Чуть дрогнула и начала опускаться боевая секира.

— Ты лжешь, — слова давались ему с трудом. — Сэр Эгфрид — это я. Это мое имя.

— Все верно, — человек в рясе кивнул. — Твое и мое, наше общее. Понимаешь, я — не личность, по крайней мере, сейчас. Я — абстракция, и ношу много имен. Ты жаждешь уничтожить зло в мире, заранее зная, что у тебя ничего не выйдет. Я — не зло. Скорее уж серость, безразличие. Я квинтэссенция этих черт, присущих каждому из вас. Я кровь, текущая в ваших жилах, вы же — моя плоть, и пока вы не можете ступить без меня и шагу. Когда я исчезну, исчезнете и вы — такие, какие вы есть сейчас. Что, по-моему, будет не так уж плохо. Ты пришел убить меня? Многие приходили и до тебя, но мало кто смог поднять на меня оружие. Знай, нанося удар мне, ты нано-

сишь его себе, ведь в твоих жилах теку я. Когда-нибудь сюда придет человек свободный от того, что я есть, и тогда, может быть... Но ты — не он, а потому брось свой топор, им ты можешь повредить лишь...

По мере того, как монах говорил, секира в руках воина продолжала опускаться все ниже и ниже, пока, наконец, не коснулась земли. Внезапно рыцарь словно очнулся. Издав яростный крик, он сорвал с головы и отшвырнул звякнувший о камни шлем, в бешенстве затряс головой.

— Не заговаривай мне зубы, тварь! — его голос был полон решимости. — Я убью тебя во имя Господа Бога нашего и...

— Уволь, — монах усмехнулся. — Мне хватит и господ.

Одним прыжком рыцарь преодолел разделяющее их расстояние, занес секиру и... отпрянул. Как только он поднял оружие, то ясно почувствовал, как кто-то невидимый заносит незримое лезвие над ним самим.

Человек в рясе печально улыбнулся. Он стоял спокойно, расслабленно опустив руки вдоль тела и не делая попыток избежать удара.

— Чары, чертовы чары. Козни Дьявола, — бормотал рыцарь, осеняя себя знамением. — Но я крепок в вере. Крепок... Неужель не смогу?!

Воин поднял голову, взгляд его прояснился. Медленно, словно через силу поднял над головой оружие и с криком прыгнул.

— Во имя Господа ум... — его голос сорвался почти до визга. Лезвие со свистом рассекло воздух и косо опустилось на плечо стоящего перед ним человека с таким расчетом, чтобы одним ударом отсечь врагу руку и часть грудной клетки.

Ничего этого не случилось. Прочертив воздух, серебро прошло через монаха насквозь, не встретив преграды и не причинив ему никакого вреда, будто тот был не существом из плоти и крови, а всего лишь бесплотным духом. Но кровь брызнула из глубокой раны, открывшейся под рассеченным рыцарским наплечником.

Секунду рыцарь стоял, покачиваясь, затем поднес к лицу окровавленное лезвие секиры, издал невнятный хрип, оружие выскользнуло из слабеющих пальцев и со звоном откатилось в сторону. Ноги рыцаря подогнулись, и он грудой бесполезного железа рухнул на камни двора.

Сэр Эгфрид из Варгарда был побежден чудовищем.

Вячеслав Букур

ТРИКСТЕР

фантастический рассказ

ВСЕ усталились без всякого выражения в пол. Друг на друга и тем более на Семионовича никто не смотрел. Его ноги были широко расставлены, как будто ему понадобилась солидная опорная площадь для издания пронзительного, уходящего штипором во все окружающие его уши визга. Его визг складывался в слова:

— Я прошу вас избавляться от ваших комплексов! Я вижу, здесь никого не найдешь без комплексов!

Он выкатил глаза налево, направо, охватив, таким образом, всех сотрудников, приплюснул оплывший подбородок к груди и снова завизжал:

— Весна! Гормоны! Моя машинистка печатает, — вдруг сказал Семионович нормальным голосом, — «постели сверхпроводимости» вместо «полости сверхпроводимости». С ней все ясно — одинокая женщина. А вы-то, уважаемая, в чем дело?

— Во-первых, — задумчиво произнесла доктор Инесса Филд, — меня рано списывать в обоз женского пола. Во-вторых, вы сами написали на проекте...

— Что? Я написал? Мозес Семионович?

— Да, вы написали: «Поближе к природе».

— Мы думали-думали, — сутуло высунулся один из сотрудников, — и решили добавить Трикстеру систему размножения.

— Вы... — со свистом вытолкнул Семионович. С усилием набрал воздух и снова: — Вы... Ваша простота обойдется в тридцать два запятая сорок один сотый миллиона! Ладно. Вот умру от апоплексии, и останется после меня только уродец, именуемый Трикстером, с совсем ненужным ему половым аппаратом.

Он вперил свой жалкий, совсем уже не зевсоподобный взор, — вот до чего довела старика, угрызайтесь, — куда-то в сивый парик доктора Инессы Филд. Доктор Филд в свою очередь смотрела на четвертую пуговицу халата Семионовича, прикрученную нейлоновой леской.

— Дефектный зародыш Трикстера уже развивается, — успокаивающим тоном сказала она ему. — Вместе с его ликвидацией мы потеряем эти, как вы выразились, тридцать два запятая и тому подобное. Остается только думать. Правда, ребята?

И ребята задвигались, запоправляли очки, пиджаки, бцепсы, зашевелили мозгами и закивали в ответ сивому парикку и элегантному комбинезону в обтяжку.

Они все работали в глубоко засекреченной группе Биотехнического института при ООН (БТИ ООН), занятой отражением самой большой угрозы, нависшей над человечеством.

...Экологический кризис поборол. Демографический — поборол. Энергетический — смешно. Вопросы международной конфронтации, недоедания, сверхорганизованной преступности и другие признаки расщепленного мира стали прошлым, правда, не очень далеким прошлым. Но мироздание, природа, творец или кто там еще, очевидно, решили подкинуть мирно благодеющему сообществу людей новый повод для ускоренного лихорадочного развития.

Некоторые называли ее Космической империей, вспоминая штампы «космиков», усердно впитываемых вместе с младенческим прикормом. Другие, желая доискаться первоначин, бормотали что-то об отставании общественного прогресса пе-

ред материальным. Третьи пускались в путанные предположения о том, что кимперийцы (сокращенно от Космической империи) — это выродившиеся биологические роботы какой-то погибшей галактической культуры.

Как бы то ни было, но программа «Трикстер» разрабатывалась против кимперийцев с целью расколоть их изнутри, ослабить. Группа Семионовича действовала в рассуждении того, что:

1. В иерархической системе, которую представляет Кимперия, есть группы, недовольные существующим порядком. Одни обижены тем, что их не включили в систему управления, другим не нравится, что им обкарнывают их и без того минимальные прожиточные права.

2. Недовольством этих слоев можно воспользоваться. Для этого и создан Трикстер, в световую память которого ввели все случаи обмана, коварства, обжорничания, облапошивания, предательства, подлости, хитрости, о каких когда-либо говорили мировой фольклор и мировая история. В его память заложили «Государя» Макиавелли, «Левиафана» Гоббса, а также «Артхашастру», «Заветы Конфуция», «Авесту» (в той части, где она говорит о правильных действиях царя в управлении государством). «Никогда бы не подумал, что эта рухлядь когда-нибудь еще пригодится», — визгливо голосил Семионович, в то же время кропотливо претворяя содержание этих безрадостных книг в структуру подсознания Трикстера. Вся остальная исследовательская масса сокрушенно качала головами, сочувственно вздыхала, одновременно поправляя очки, пиджаки, бцепсы, шевеля мозгами и обеспечивая нормальное развитие зародыша. И вот сегодня утром доктор Филд, прочитав в проекте известную резолюцию Семионовича, сноровисто синтезировала генетические векторы с хромосомой и ввела их в плацентарное устройство. Векторы — эти специализированные подобию вирусов — деловито рассеялись по искусственным клеткам Трикстера, наградив его, таким образом, мужским полом со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Ну так что, будем для Трикстера делать Трикстершу? — пытал Семионович сотрудников. — Вместо раскола Кимперии наш бедный выродок будет заводить амуры по всей Галактике. И весь садизм случившегося в том, что ему никогда не удастся найти пару. Короче: расходитесь и думайте, как бы нам выкрутиться из этой ситуации. В вашем распоряжении пять часов. В восемнадцать часов я извещаю спецкомитет ООН о случившейся катастрофе. Я повешусь! Застрелюсь! — отчаянно закричал руководитель, выскочил в коридор и кинулся бежать в свой кабинет. «Утоплюсь!...» — в последний раз отдалось в коридоре, и желтая непроницаемая дверь его кабинета захлопнулась, отрезав дальнейший соблазнительный перечень. Через три часа доктор Филд позвонила возле этой шикарной, из полированного желтого дерева двери, и не просто полированного, а с какими-то соломенными и песочными прожилками; свет отражался и сквозил между ними и выходил навстречу глазу лимонно обгорелый.

«Он как восточный деспот любит окружать себя пышностью, — подумала доктор Филд. — А бедному Трикстеру и размножаться не моги». Пышная дверь щелкнула, ушла вбок, и Филд шагнула внутрь кабинета вместе с одним бородачом с бцепсами. Она торжествующе крикнула:

стой решетки с мерцающим под ней зеленым огоньком. Огонек мерцал то медленнее, то быстрее, то в каком-то сложном, неизъяснимом ритме, совпадающем с ровными повышениями и понижениями трикстерова голоса. Хедингу стало хорошо: ведь не нужно никого теперь бояться, ведь бедный кибермошенник скучает, поэтому пусть болтает, я его всегда смогу выключить. Чтобы подтвердить себе эту возможность, Хединг протянул руку к красному продолговатому тумблеру. «...Ну тогда я пока закругляюсь, Христофор», — сказал Трикстер, и это тронуло Хединга. Он щелкнул тумблером вправо, зеленый огонек потух, стало тягостно, зевотно. Весь мир мерзко обнажился вокруг него: малахитовый квадрат, нелепо вклеенный посередине комнаты, пыль и затхлость — не работали климатизаторы (кто отдал такое идиотское распоряжение?), утомительный свет, царапины на пульте, складывающиеся в неизбежную надпись: «Здесь был Леон». Хединг торопливо крутанул тумблер влево и одновременно выключил свет. Зеленый огонек успокоительно замигал из тьмы, вокруг него мягко стал виться уже знакомый голос Трикстера, плетущий были и небылицы.

— Слушай, а что же ты меня не обманываешь? — спросил Хединг.

— Да вот... Основной блок трикстеристики отключен.

— То-то ты сейчас такой нехитрый.

— Ты не представляешь, как неполноценно я себя чувствую. Это можно сравнить с блокировкой какого-нибудь мозгового участка у человека, скажем, высокочастотным током.

И стало жаль Хедингу эту умную полуживую машину. Хотя все это вредные сантименты.

Временами Хедингу казалось, что Трикстер находился здесь, в этой затхлой комнате, и можно дотронуться до этого мозга, оплодотворенного усилиями миллионов людей со всех материков. Разумеется, Трикстер находился за девятнадцать километров отсюда, погруженный в титаноластовую капсулу, и его медленно и ласково омывала питательная жидкость. Так что Хединг никак бы не смог до него дотронуться. Ученый ухмылялся собственному желанию.

— Кимпериец вышел на стационарную орбиту... — пел Трикстер, зеленый огонек неонки дружелюбно подмигивал в темноте. Хединг блаженно вытянулся в кресле. Пел Трикстер, мигал огонек, кресло плавно подалось в одну, другую сторону, плавно завращалось. Вот и голос кибервраля это подтвердил: «Спокойно, так и должно быть... До конца дежурства далеко, следует отдохнуть... Кресло потихоньку поворачивается, это в порядке вещей... Зеленый уголок разгорается и угасает... Он успокаивает тебя... Все мышцы расслаблены, тело наливается теплой тяжестью...» Чудесно! Все так и делается. Сильнее и сильнее вращается неподвижно стоящее кресло, теплее и теплее внутри, теплее вроде бы и в комнате, тяжелее и ленивее тело.

И вдруг все исчезло.

Хединг видит: приходит к нему Трикстер и говорит: — Включи мне, будь другом, сектор трикстеристики, разблокируй реактор на корабле, а то не хватит энергии для антигравов. — Но ведь нельзя! — усомнился Хединг. Усмехается тонкими губами Трикстер, играет дышащими зелеными глазами: — А если бы тебе какое-нибудь мозговое поле отключили? То же и мне. Хединг: — Но как я сделаю? Во всем Центре нет энергии. — А аварийная? — Правильно! — Вскрикивает Хединг на резвые ноги (никто еще не отключил), врубает аварийное питание на пульт — пошла работа. Разблокировал трикстеристику, зажег термомод на корабле... — Спасибо, добрый молодец, век тебя не забуду, — с чувством произнес Трикстер, плавно взмывая в зенит, весело дрыгая ногами (на левой подметка проносилась до дыр).

Хединг очнулся от визга Семионовича:

— Обманули дурака на четыре кулака, а на пятый кулак вышел Христофор Хединг дурак!

Хединг, лежа на полу, пристально посмотрел на своего руководителя. Да, он проснулся на полу, лежащим близко от пульта, немного наискосок к нему. Семионович хмурился и надвигался, напрасно пытаясь изобразить суровость.

— Вы этого ждали, да? — спросил его снизу Хединг.

— Чего разлегся, вставай! — залился Семионович. — Пол не прибирался две недели, а он лежит и только не хрюкает. Ну Трикстер, ну шельма, ну архиплут! — Семионович вкусно по-

тер рука об руку, подмигнул Хедингу, потом выкатил свои кровавистые буркалы и рывкнул:

— Встать, стр-раж! До стеночки, пшепр-рашампана! А Трикстер молодец. Все-таки вырвался, да. Хорошего плутишку мы сварганили, хоть и двуполого. Значит, будет хорошее плутишко-о.

Семионович выскочил и снова вбежал, держа перед собою пузатенькую бутылку, напевая и притопывая сосископодобными ножками. Хединг уже встал и уже чистился.

— Хлебнем для вящей радости! Как он тебя! Хитрюга! Это же надо догадаться — индикаторную лампочку, как гипнотизирующее средство. Он ведь из тебя сомнамбулу сделал! Никого насилия! Только просил: включи то, включи се, разблокируй вон то.

Коньяк ароматными жгучими шариками пролился внутрь.

— Вот так он ими будет играть, — сказал, отдуваясь, Хединг и показал вверх, куда три часа назад бесшумно стартовал рукотворный обманщик. — А я, значит, первый объект блестяще прошедшего опыта.

Семионович внимательно посмотрел на него сквозь стаканчик с выпуклым желтым коньяком:

— Чувствуешь унижение, да? Но ведь нужно нам было как-то проверить его способности. И стерегли его для того, чтобы посмотреть, сможет он улизнуть или нет? И вот — улизнул. Это дает нам некоторую надежду, что Трикстер достойно выполнит свой долг. Ведь дает, да? Ну-ка, еще тебе плесну.

Сразу скажем, Трикстер достойно выполнил свой долг. Сначала он совершил переход к Лаприонской лиге — союзнице Кимперии. Там он, сформировав целую когорту политроботов, внешне совершенно похожих на тамошних жителей, внедрил их на планеты лиги. Политроботы стали вести активную антикимперийскую пропаганду, очень успешную: лаприонское общество давно было недовольно тяжелой зависимостью от Кимперии. Пришлось кимперийцам на время (а потом и навсегда) отложить великое дело завоевания Солнечной системы, заняться нелегким делом кардинального умиротворения.

Трикстер с огорчением обнаружил, что кимперийцы — в самом деле биомеханические образования, не обладающие свободой воли, значит, искушать и обманывать их бесполезно. Наверное, какая-то высокоразвитая цивилизация забыла парочку неисправных биороботов, которые размножились и породили государствоподобное образование. «При случае, коли сконстатируемся с этим безалаберным разумом, — подумал Трикстер, — нужно передать им свои «фэ».

Обманщик решил проблему кимперийцев гениально просто: если у кимперийцев вместо разума одни программы и их не собьешь с панталыку, то нужно дорастить их до разумности. И Трикстер распылил над всей Кимперией генетические вириодные программы, содержащие указание, как стать сапиенсом.

Теперь перенесемся через несколько тысячелетий. Конфликт с Лаприонской лигой стал свирепо-кровопролитным, поскольку обладающие разумом и свободой выбора кимперийцы додумались до стратегии, тактики, геноцида и психологической войны. Но и в самой метрополии вспыхнули волнения. К сожалению, много было недостойных, мечтающих не о благе кимперийском, но только о благе собственных телес. Чужая, чужая кимперийский правитель, что без внешнего катализатора дело не обошлось. Он вспомнил, как в юности подолгу наблюдал за озерами перенасыщенного солевого раствора на Вари (кимператор был варианец и стыдился этого). Годами стоит это озеро, и чудится, что оно будет стоять — прозрачное, тихое, благодатное — вечность. Но вдруг попала пылинки, и начали неостановимо и стремительно расти кристаллы. Обламываешь один — возникает на его месте другой, сокрушил друзу — возникает восемь. Бесполезно.

Растерянно барражировали просторы Кимперии эскадры боевых ракет в поисках этой самой пылинки. Она была неуловима. Подбросив киберпророка на Евхимию, взвод диверсантов-андрондов на Смарру, Трикстер, наконец, перешел к усилению фракций в кимперийском правительстве. Начались подсиживания, интриги, ликвидации. Министр внешних сношений погиб во время прогулки на фотонной яхте — редчайшая случайность. Кимперия, разумеется, скорбит. Оппозиция незадолго до этого — в приступе покаяния покончил с собой премьер, прозываемый Тень Кимператора. Кимперия скор-

бит. Подлые массы волнуются. Министр поселений... Редчайшая случайность... Скорбит... Бунтуют... Советник о благе народа... Трагическая случайность... Скорбит... Бунтуют...

И вот Трикстер, получая от всех своих агентов, смонтированных и обученных в его обширном биохимическом чреве, данные о положении дел по всей Кимперии, сделал вывод о ее неспособности дальше продолжать экспансию. Кимперия — это нелепейшее общественное образование, чьи границы в пространстве можно было представить в виде неровного бугристого комка, в котором находятся десятки солнц, сотни планет и много кубопарсеков изумительно чистой пустоты, необходимой для выделки антивещества. На всем этом пространстве кимперийцы, заимевшие разум в результате усилий Трикстера, бодро поспешили к прогрессу (попутно заботливо прорежая слишком плотные слои поспешающих). «А как же иначе? — успокоил себя Трикстер. — Всякая борьба сопровождается уничтожением уже отживших форм общегития».

Трикстер сделал несколько нуль-переходов, воображая радость, какую испытывают земляне при сообщении о его победе. Кимперийцы теперь заняты сугубо внутренними проблемами, а когда решат их, то отношение их к другим разумам, наверняка, изменится. Выйдя в очередной раз из нуль-пространства на расстоянии 63 световых лет от Солнечной системы, он подал голос о своей великанской победе:

— Давид свалил Голиафа! Алеша срубил Тугорхана!

— Что это он? — подозрительно спросил председатель проблемной комиссии «Трикстер».

— Метафорические биения, — кратко сказал биотехник Хвалынов и в волнении провел рукой по гладкому черепу.

Вся проблемная комиссия напряженно ожидала в зале нуль-связи дальнейшего развития событий. На многочисленных дисплеях одновременно замелькали разноцветные схемы и цифры — пошел доклад Трикстера о совершенной работе. Комиссия не смотрела на экраны — все равно она сможет познаться с этой информацией в распечатанном виде. Не это смущало. Люди, собравшиеся здесь, должны были решить судьбу самого Трикстера. Поэтому они расхаживали по всему залу, выражая в разных концах его кресла и тут же разрушая их, подхватывая и бросая обрывки произвольно творимых разговоров. К председателю комиссии приблизился Главный аниматор Земли Щец и заявил:

— Я протестую против уничтожения Трикстера, если именно это вы собираетесь предложить нам. — Бедный старик в волнении подергал подбородком. — Система «Трикстер» будучи при возникновении достаточно элементарной, за тысячелетия, протекции с момента его запуска на задание, стала чрезвычайно сложной. Она приобрела структуру и свойства. С известной долей уверенности ее можно считать уже личностью. Я против элиминации, как вы любите выражаться, Теодор.

Председатель комиссии отечески взирал на Главного аниматора (хотя был много моложе его), на его сверхъестественные, грубые, почти квадратные пальцы, давшие жизнь неисчислимым рукотворным существам, обратился к нуль-радисту:

— Отбей приказ, чтобы он оставался на месте. — Подождя время, необходимое для послышки приказа, спросил тревожно:

— Ну, как? Слушается?

— Слушается, — успокоительно протянул нуль-радирист. — Так и висит в двадцати пяти парсеках.

— Недалеко, — председатель озабоченно поскреб мизинцем в ухе. Успокоительно улыбнувшись Главному аниматору, он сказал:

— Никакой элиминации не будет, дорогой. Я хочу предложить всем присутствующим нечто совсем противоположное.

Возвысив голос, — в этом не было необходимости, ведь акустическая система зала могла усиливать по необходимости голос любого участника комиссии, где бы он не располагался, — председатель стал излагать для всех:

— Вы знаете, Трикстер был запущен в сторону Кимперии три с лишним тысячи лет назад. Руководителем проекта был бионик Мозес Семионович — натура, как сейчас всем известно, импульсивная и несколько хаотическая. Наверное, именно поэтому проект «Трикстер» оказался под угрозой срыва — сведения необщезвестные. В архивах хранятся довольно путанные версии этого события. В общем, из-за ошибок в проектировании бионическое образование под кодовым названием «Трик-

стер» приобрело признаки мужского пола. Значит, в его мозгу образовалась система интересов, которые помешали бы выполнению задания.

— Почему произошла ошибка? — спросил кто-то из присутствующих. — Как же система авторедактирования?

— Еще не была разработана. Вы путаете тысячелетия. Представьте только всю убогость тогдашней биотехники! И подумайте только, они вышли из положения! Трикстер стал гермафродитом, подсознательные влечения, таким образом, были в нем нейтрализованы.

— А что значит обозначение «Трикстер»?

— «Трикстер» — это в мировом фольклоре этаким демонический обманщик, антипод культурного героя, — отмахнулся председатель.

— Все, что вы сказали, интересно, но...

— Какое это имеет отношение к настоящей ситуации?

— Ведь все равно мы будем вынуждены его уничтожить...

— Или перехитрить? — раздался нетерпеливый голос.

— Вот-вот, перехитрить. — Председатель опять повернулся к нуль-радисту. — Как он, висит?

— Виси-ит, — опять успокоил его нуль-радирист. — Указаний ждет. Радует.

Трикстер действительно тихо радовался, висая на расстоянии двадцати пяти парсеков от Солнца. Скорее, не висая, а изнурительно медленно дрейфуя вокруг галактического центра масс. Но этим движением можно было пренебречь.

Трикстеру было радостно, что впервые за тысячелетия ему не нужно было принимать никаких решений, а только подчиняться. Наверное, потом это было бы тягостно — все время подчиняться, но пока давало блаженное чувство мыслительного отдыха. Трикстер устал от океана коварств и хитростей, который он щедро излил на Кимперию.

— ...Мы активизируем его комплекс размножения, — продолжал председатель, — и он будет вынужден сесть на первую попавшуюся планету, чтобы произвести и воспитать потомство. Этот цикл будет повторяться снова и снова — без конца.

Хвалынов вскричал:

— Нет! Я против этого! За тысячи лет Трикстер стал другим, каким — мы не знаем. Мы должны сначала выяснить, что он из себя сейчас представляет как уже разумное существо.

И Хвалынов убедительно погладил сбоку свою покрытую тугой лоснящейся кожей черепную покрывку.

— Ты против этого, а я против того, — смиренным тоном сказал председатель комиссии. — Каким же он может стать, если схемы хитрости и коварства вложены в его базовые программы, — примерно то, что у нас называется инстинктами? Ведь ты не можешь отменить у себя безусловный дыхательный рефлекс или пищеварительный?

К удивлению присутствующих, Главный аниматор Щец вмешался, склонив, как для бодания, суховатую седую голову:

— Могу отменить. И любое, так сказать, эмерджентное устройство может выработать комплекс мер, подавляющих фундаментальные экзистенциальные влечения...

— Загнул!.. Эк! — восхищенно крикнул председатель. — Но это все умные головные построения. А я предлагаю привести в действие программу размножения Трикстера. Этим мы потратим нашим гуманистическим установкам — мне тоже не хочется уничтожать это выдающееся биоустройство — и одновременно сохраним нашу цивилизацию от возможных потрясений.

— Никаких потрясений не было бы, — упрямо сказал Хвалынов.

Председатель, медленно ступая, приблизился к диафрагме окна. Она послушно развернулась, открыв перед нестарым еще, сомневающимся человеком типичный среднеевропейский ландшафт — повсюду были разбросаны округлые вечнозеленые дубравы, изумрудными оттеночными лентами тянулись к горизонту заросли лаврочерешни, трицитронов, пробкового ильма, миндаля.

— Будем голосовать? — робко подсказал кто-то.

Председатель коротко кивнул, по-прежнему глядя в овальное окно, где так восхитительно-упорядоченно буйствовала рукотворная природа.

Шестьдесят четыре голоса — за включение размножающей программы, пятьдесят один — против.

Трикстер сразу понял, что случилось. Он мгновенно наполнился лютой злобой, перемешанной с отчаянием. Проклятье! А ведь так хотелось вернуться, начать новое существование. Но теперь ему ничего не хочется, только отомстить коварным, хитрым землянам! Он простодушно летел на встречу с родиной (а как же назвать место, где тебя создали, где ты впервые приобщился к мировой хитрости), а они, проклятые, трусливые...

Чувствуя, что уже не долетит, Трикстер ощущал внутри себя все увеличивающуюся массу, которая слабо пошевеливалась и уже не являлась частью его, а была уже полусамостоятельной. Вспыхнула в нем материнско-отцовская нежность. Он подозревал, что это включилась подпрограмма, обеспечивающая заботу о потомстве. Все они предусмотрели, все! В этом тяжелом положении он уже не сможет совершать скачки в нуль-пространстве — неминуемо погибнут зародыши.

Поэтому он успокоил свой гнев, огляделся в мировом пространстве и выбрал среди ближайших звезд одну, умеренной светимости и с целым облаком планет вокруг. Среди них — о удача! — нашлось несколько с твердой корой и густоватой атмосферой. Включив маневровые двигатели, Трикстер тяжело потащился туда, бережно неся в себе многочисленное потомство, уже имеющее в своем наследственном кондуите злые записи хитрости, увертливости, подлости.

Все знают планету Трикстер в системе желтого солнца Трикстер. Планета имеет обильную водородно-гелиевую обо-

лочку, малое количество жидких сред. Масса ее три запятая пятьдесят три сотых земных. Система Трикстер закрыта для посещения кораблей всех без исключения классов, объявлена зоной абсолютной опасности.

На дне газового океана ползают, бегают, плавают, летают, шумят хитрой листвою, борются друг с другом, улецают, подсиживают друг друга, пожирают друг друга миллионы разнообразных трикстеров — потомков победителя Кимперии. Эта «война всех против всех» не прекращается никогда.

У трикстеров нет ни времени, ни сил обратить свои органы чувств в сторону других миров. Это и хорошо. Что бы мы делали, как бы мы справились с таким противником — воплощением абсолютной хитрости, неким кибернетическим Ахриманом, выйди он на мировой простор?

Поэтому многие осуждали Главного аниматора Щеца, который самовольно ринулся в объятья самого опасного во вселенной небесного тела.

— Если мы породили ребенка-чудовище, — сказал он перед полетом друзьям, непреклонно покачивая маленькой сухой головой со всемирно известной тяжелой щеткой белых усов, — то мы ответственны за него. Миллионы наших детей мучаются на Трикстере в конвульсиях взаимоуничтожения. Не нужно притворяться, что если они не кровные отпрыски наши, значит, мол, мы им ничего не должны...

До сих пор о докторе Щеце ничего не слышно.

НЕБЕСА налились голубизной; журчание муарово-луарной воды, рябющей на камешках перекатов, сливалось с щебетом многочисленных жаворонков, порхающих над лугами изобильной поймы, набитой, как пышная подушка, мелкими судорогами ветерков, отсверками солнца, копошении мирных козляков...

Пьяница-мельник, укрыв лицо соломенной шляпой от жгущих лучей и мух, предавался средневековой неге, в одной горсти крепко сжимая горлышко нагретого кувшина, заключившего в себе привлекательный аромат шато-флери (а впрочем, нет — заморского кипрского, украденного из подвалов крестоносствующего сеньора), а другую горсть утопив в серой пыли дороги, на обочине которой сей мельник и был внезапно сражен логикой последовательных соединений небесной голубизны с парами кипрского и нахлынувшим ощущением карнавальности бытия.

Конь, несущий на своем гнедом крупе трувера-йокулятора, алхимика и доктора каббалы густобрового румянощекоего Зебалдуса, осторожно обцокал мельникову ладонь и, презрительно всхрапнув, прибавил рыси.

За следующим поворотом открылся вид на замок Шато-Флери (да — тыфу! привязалось это шато-флери!), на замок барона Озантрикса.

Конь пустился галопом, и вот уже стал виден сам барон, прохаживающийся по стене возле крепостных ворот, одетый в темнозеленое длинное — до щиколоток — шенсе, с чепчиком на седоватых уже волосах. В руке барон сжимал цветок, сорванный в саду пальчиками самой Алис, супруги его, и предназначенный быть брошенным на грудь тридцатидвухлетнего трувера, когда тот подскочит к перекинутому через ров мосту. Трувер подскакал. Цветок описал дугу и, хлестнув Зебалдуса по подбородку, свалился на избитые копытами дубовые доски подвешенного на цепях моста. Выпростав одну ногу из стремени, Зебалдус изящно изогнулся, скользнул вниз по крупу коня, ухватил кургузый сюрприз — и вот он уже снова в седле, горделиво прикалывает розу к своему короткому красному раппену, прикалывает возле самого сердца.

Со звяканьем и скрежетом ползет вверх кованая решетка,

трувер проезжает ворота и барон, спускаясь со стены по деревянной крытой галерейке, протягивает навстречу ему руки, всем видом своим выказывая радость и феодально-ритуальную приязнь. Зебалдус, спрыгнув с коня и почтительно поклонившись владельцу замка, мазнул нетерпеливым взглядом по фасаду баронского обиталища — не обрисует ли в прорези узкого окна прельстительный силуэт рыжеволосой Алис? Это ее каприз был причиной приглашения, полученного Зебалдусом от Озантрикса, и благородный йокулятор подозревал, что томлящаяся вдали от светских утех юная супруга украшенного шрамами от сарацинских сабель барона уже достаточно избалована привычным первенством своих капризов над всеми иными соображениями семейного уклада... А Озантрикс уже ведет гостя в дом, раскрываются перед ними обшитые медными листами двери, прохлада и сумрак каменных коридоров обволакивают истомленного дорогой служителя муз и демонов, уже его внутреннему взору рисуется большая деревянная бадья с горячей, умягченной палестинскими бальзамами водой, белоснежные простыни, а потом маленький зал, где стены и пол покрыты толстыми беззвучными коврами, и белая веснушчатая ручка Алис льет из кувшина синего стекла красную терпкую нить в кубок Зебалдуса...

Тут трувер почувствовал сильный толчок в спину, голова его мотнулась, рассыпая обрывки галантного сюжета, так и не получившего дальнейшего развития. Кругом темнота, хоть глаза выколи. Из темноты этой доносятся чьи-то быстрые, по-звериному легкие шажки взад-вперед, сопровождаемые повизгиванием и подлаиванием. Донеся до слуха Зебалдуса и сонный рык какого-то крупного животного. Внезапно в абсолютную темноту упал треугольник ржаво-тусклого света. Раскрылось крошечное слуховое оконце над дверью баронского зверинца — да, здесь в клетках влачили существование нумидийский медведь и марокканский лев, рысь и леопард, бесхвостые берберийские макаки-маго и даже диковинный страус. И здесь же, разделяя судьбу этих хворых и смрадных тварей, судя по злорадной тираде прильнувшего к слуховому оконцу Озантрикса, предназначено было истлевать и покрываться ранними морщинами похотливому Зебалдусу, дерзнувшему в мы-

слях своих... И вообще, только михрютка тупорылый может вот так радостно прискакать, будто его тут действительно ждут, накормят, напоят и спать уложат.

Скорбь и обида, а затем ярость и боль родились в сердце обманутого кавалера, и вышла из этого почерневшего сердца злоба не только в адрес коварного Озантрикса, но ненавистна ему стала и капризная Алис, чью бесстыдную распушенность старый барон решил побольнее ущемить, заманив Зебалдуса в застенки, долженствующий стать склепом. А затем отвратительны и гадки стали доктору каббалы даже пьяница-мельник и небесные певуны — жаворонки, и водяной щебет реки Луары, и собственный его гнедой конь и, наконец, сам себе он стал не очень приятен. Из четырех стихийных первооснов — воды, земли, огня и воздуха — сотворил он ужасный Алгоритм Зла. Прошли века. И вот то ли в жестокосердое время искоренения альбигойской ереси, то ли в пламенно-дымные годы Жакерии, а может, под звуки «Марсельезы» и звоны гильотинного лезвия рухнули и рассыпались прахом камни зловещих коридоров запятнанного преступлением баронского замка, и ужасный Алгоритм отлетел от полуистлевших костей своего творца. Так одно зло породило другое, страшнее — зло неистребимое по самой магической природе своей, настоявшееся за века, как старое вино (шато-флери?) в сумраке и прохладе подвалов, накопившее за вечность ожидания неутолимую жажду действия, самореализации и самовоспроизведения...

Гнутов утянул брови далеко на лоб, презрительно выпятил губу, но все же смиловился:

— Красиво. Квинтэссенция зла.

Потом скосил глаза на Стасика и продолжил уже без сочувствия и снисхождения.

— Однако ты должен быть последовательным. По законам жанра должен появиться какой-нибудь Ланцелот. А поскольку мировое зло по твоей версии сконцентрировано в некий абсолют, то вполне можно трахнуть по нему чем-нибудь иззубренным, двуручным и заговоренным. Не Эскалибуром, так, к примеру, Алгоритмобоем. И всех делов. И — пей, гуляй и веселись, настал тот день, когда кругом все люди стали братья.

— Мало научно. Вообще, — неуклюже сомкнул ряды с Гнутовым Покрывайло. — Недиалектично. Какое-то средневековье... Зачем?

— Вас двое, я один, — грустно сказал Стасик. — Моя идея обречена. Но помните: каждая научная истина проходила через три этапа восприятия. Первый: «Ересь и чепуха», второй: «В этом что-то есть»...

— Слыхали. И третий: «Кто ж этого не знает!» Но еще и четвертый может быть: «Ветхозаветная пропись, устаревший примитив». Вот так-то. Круг замыкается.

— Не круг, но спираль!.. — возмущенно начал Стасик, но Гнутов только ухмыльнулся:

— И спираль твоя диалектическая когда-нибудь отойдет в область преданий, в «Досье эрудита» на предпоследней странице «Техники — молодежи».

Порозовевший от интеллектуального напряжения Покрывайло прошептал: «Ну, это уж... Вряд ли это...» и стыдливо прикрыл глаза, не желая зрением присутствовать в помещении, где звучат непристойности. Гнутов самодовольно гоготнул, но тут же собрал свои безразмерные брови у самой переносицы, замер в напряжении, а затем стесненным горлом выдохнул:

— Атае! Щас колоть будут!

Тут же и Стасик уловил тихое стеклянное дребезжание и шелест накрахмаленного халата, приближающиеся к дверям палаты. Двери распахнулись. Этажная медсестра Тамара вкатила свой палаческий набор и, сохраняя на лице каменное безразличие казенного человека, принялась расшвыривать по прикроватным тумбочкам еще Томом Сойером проклятые болеутолятели в пакетиках, скляночках, капсулах и тубиках.

— Жрите! — сказала она голосом корифея трагедийного хора. — И быстрее выздоравливайте. Голубчики мои. Сил уже нету смотреть на ваши физиы.

Длинное лицо Гнутова набрало некоторое количество ширины. Он сладко прижмурился, одна бровь затейливо изломалась и въехала под другую, но Стасик опередил.

— Тамара! — у него был козырь: пушистые ресницы, которыми он уже давно насобачился томно оттенять алчные зрачки. — Тамара! Хочешь, я сделаю о тебе телеочерк? «Труженица милосердного плацебо»? Тебя будут узнавать на улице. Переведут из сестры-хозяйки...

— А когда домой почапаете, — не слыша, развивала свою мысль Тамара, — возьму отпуск. Уеду. В Сьерра-Леоне — только открыток не шлите. Расслаблюсь, забудусь. Жалобы, просьбы есть? Пива не принесу.

— Я pošлю этот очерк в «Глоубнет» и телеспутник рассылет его над планетой, — продолжал сулить Стасик. — И загадочный шикарный мулат в Сьерра-Леоне...

— Ах, оставьте, я девушка честная. Обнажите ягодички.

— В Сьерра-Леоне. Мула-а-а... А! Спасибо.

— Не за что, это мой долг. Желаете судно?

— Боже мой! Я желаю умереть. Почему медицина не разработала передовых технологий, позволяющих щадить стыдливость больных и увечных? Ведь разрешаете же вы теперь обходиться без боли, всю клинику заболевания держит под контролем медкибернетика — с помощью этих чертовых датчиков...

— Главное — человеческое участие, добрые руки целителя, — нравоучительно заметил Гнутов. — Бездумный автоматизм киберустройств угнетает психику, оказывает отрицательное воздействие на внутриклеточные процессы. Читать надо побольше, да не беллетристику про феодальные нравы, а серьезную литературу. Тамарочка, ты мне принесешь сегодня из библиотеки курс гистологии для заочников?

Тамара подключила пылесос к выведенному из стены патрубку и забегала по палате, шаркая в углах щеткой и лаконично бранясь, когда из-под кроватей навстречу жрущему пыльный воздух зеву выползали конфетные обертки и дефицитные, сантиметровой длины чинарики.

— Добрые руки, — скучным голосом сказал Стасик. — Будто мы научились уже лечить прикосновением добрых рук. Держим в них слабительное или рукоятки этих вот лютых, быт наш раскрепощающих электровзверей... — он, как всегда, покраснел, не мог относиться к вынужденной ежеутренней процедуре с гнутовским дисциплинированным усердием или девственно-бесстыдно, как Покрывайло, даже не догадывавшийся, что по данному поводу можно комплексовать.

Молча (за что Стасик проникся к ней благодарностью) Тамара помогла ему, но затем достала из кармана халата баллон с дезодорантом и так же молча пустила аэрозольную струю над его кроватью. Стасик оцепенел, закрыл глаза и задержал дыхание. Она заменила засохшие веточки жимолости в вазе на подоконнике свежесрезанными, каркнула напоследок что-то вроде «Оревуар» и, дребезжа столиком, отбыла.

Трое мужиков, закованных в доспехи из никелированных прутьев-дистракторов, опутанных кабелями электронейростимуляторов, распятых на своих иммобилизационных кроватях даже не смогли проводить ее взглядами.

Для Стасика путь на эту кровать начался утром летнего понедельника, когда он явился в свою редакцию на телестудии.

— Говоришь, в командировке давно не был? — встретил его шеф, хотя Стасик если что и успел сказать, так только «здрасьте». Но тем не менее с готовностью подтвердил:

— Говорю.

Любил шефа.

— Куда б тебя... Э! Значит, так. Гони-ка ты на «Точсплав» на недельку.

Он сделал паузу, чтобы Стасик оценил широту его души.

— Для нас привезешь материал про незаурядную профессию, в «Экологическую панораму» что-нибудь бодрящее, и сшиби для Ращупкиной кадрик на молодежную тему. Хоккей?

— Хоккей! — радостно согласился Стасик. Понедельничные рескрипты он всегда принимал радостно, шеф умел подавать свои «иди туда, не знаю куда» аки еновову шубу с барского плеча — и вот уже молодой подчиненный летит, чтобы привезти «то, не знаю что» — неприменно приятное и для редакционного коллектива, и для студийного начальства, а может быть, даже и для широких телевизионских масс.

Стасик связался с профкомом «Точсплава», добавил в голос микрофонно-гипнотических модуляций и выпыгнул-таки себе одноместный номер с искусственной гравитацией. Потом звонком в аппаратную. Попросил Андрея Андреевича сделать

профилактику ТЖК — тележурналистскому комплексу «Фокус» — и размагнитить восемь микродисков.

— Сколько? — с угрюмым недоверием переспросил Андрей Андреевич.

— Так я ж не себе только, мне и Ращупкина кадр заказала, и в «Экопанораму» надо, — зачистил-залебезил Стасик, и это было ошибкой.

— А где я их вам возьму? Восемь. Хм.

— Но ведь надо, надо, Андрей Андреевич... Может, из ваших личных запасников, так сказать... (Усугубление ошибки).

Чарующие модуляции здесь бесполезны, у ст. инженера цеха видеомонтажа профиммунитет.

— Пушай из личных запасников нацарапает, — не отрывая взгляда от текста позавчерашней газеты, прогоняемой по дисплею, посоветовал шеф.

— Я уже сказал про личные, — закрывая трубку ладонью, жалобно хныкнул Стасик.

— Дай сюда.

Шеф протянул руку. Стасик лег животом на свой стол, дотянулся до руки шефа и вложил в нее трубку.

— Андре? Станислав у нас отбывает на «Точсплав», изобрази ему штук десять микрошек поновее, батарейки смени. Хоккей? Как выходные? Х-ха. Х-ха. Рыбки привез? Ну, спасибо, старик. Ну, пока. Ну, заходи.

Передавая Стасику трубку, понизив голос:

— Там у них на «Точсплаве» есть мужик, фамилия не то Безукладников, не то Безугольников, в цехе редкоземельных работает... Делает на центрифуге наплавки на запонки, кулоны и тэдэ — знаешь, такие, с интерференцией... Нужно запонки четыре пары. Привезешь больше — остальные можешь взять себе.

— Ну-у, — протянул Стасик, хотя сильно не любил осложнять доверительные корреспондентские контакты гнусной необходимостью выцгивать что-нибудь у интервьюируемого. Шеф, тот без труда сочетал службу и дружбу, сразу же объявлял всех, кто находится в десятимильной зоне его истинно мужского обаяния, закадычными корешами. А корешки (от крупных региональных администраторов до кондовых таежных егерей) всегда были рады угодить ему пудовым тайменчиком — или отнюдь не репринтным комплектом «Мира искусства» за 1898 год, интересы у шефа разносторонние.

Стасик, естественно, пытался крпировать мужское обаяние, переходил на «ты» сразу после «здрасьте» и говорил всем «старик» и «изобрази все по первому классу». Но... На розовых щеках его еще нескоро должна была пробиться шкиперская бородка и тем более нескоро предстояло ей сделаться прокуренно седой. Что касается кожаной всепогодной куртки, то Стасик ею сумел обзавестись, но не было у этой хрустящей обновки почтенных потертостей, не было длинной и авантюрной биографии, тесно сплетающейся с биографией владельца... Кроме того, Стасик быстро краснел. Успевал залиться робким румянцем еще до того, как «старик» движением брови или неуловимой ноткой ласкового вроде бы тона ставили его на место.

— Ну, давай, камрад. Ни пуха.

Вместе с очками шеф напаял на лицо выражение легкого омерзения, с каковым и продолжил изучение позавчерашних дисплейных новостей.

— Ну, тады покеда, шеф! — Стасик поднял ладонь прощальным жестом, развернулся на пискнувших каблучках и посккал в аппаратную перезаписи, в личные сусеки Андрея Андреевича. Получил «Фокус», испробовал его во дворе студии на какой-то свеженькой ассистенточке. Свеженькая смущалась, старательно позировала, поворачиваясь по его требованию то в профиль, то в три четверти. Воспользовавшись неопытностью юного существа, Стасик сгоял ее вместо себя в бухгалтерию оформить командировку. Теледевочек всегда использовали на побегушках.

Но уж которая «войдет в стаж»... У-у-у... Попугаячья расцветка дешевенькой одежки взятых с улицы малолеток дегенерирует в черные с золотом и бордовостью колера тяжелых артистических блузонов, блистающая в юных глазах исполнительность и готовность к влюбчивости — в утомленное ожидание перевода на должность ведущего режиссера непровинциального театра со скандальной, желательной, репутацией. Ничего так не поднимает женщину в ее собственных глазах, как

ТВ. Ничто так не портит женщину, как ТВ. Нет ничего труднее для женщины, чем попасть на ТВ. Но уж если... Бродят по студийным звукогасящим коридорам и зашарпанным курилкам черно-бордово-золотые телеинтеллектуалки, неся на лицах слои косметики, которые с возрастом становятся все толще и замесом гуще, а сигареты их и мнения о жизни и людях — ядовитее. Это они создают на студии ни с чем не сравнимый злоекий колорит, паническую атмосферу, в которой трясутся коленки и заплетается язык, а все мысли вылетают из напухающей звоном головы у передовых производителей и лихих покорителей пространств... А телеобъектив в упор и жаркие потоки с нависающих копителей здесь ни при чем.

Ассистенточка прибежала с командировочным бланком и транспортно-коммунальными купонами. От студии до вокзала двадцать минут, а там еще полчаса экспрессом до грузового порта, десять минут посадочных процедур.

«Успею», — подумал Стасик.

Успел. Мест не было. Подскочил к кабинке диспетчера, на плече — рассупоненный «Фокус», красная лампочка на нем воспаленно шает, чуть ли не напрямую в эфир выхожу, расступись!

Диспетчерша прониклась, помогла втиснуться. Есть, есть в пилотской кабине этакий закуточек, уютное креслице с видом на приборную панель и краешек обзорного экрана. Стасик пристроился, приладил «Фокус» поплотнее на плече и глянул в видискатель. Можно будет сделать немного предстартовых процедур, ухватить момент, когда мутноглубая пенящаяся мгла прошиваемой атмосферы спадает с иллюминаторов и обнажается черный блеск космоса. Именно блеск, хотя имеются любители помянуть о бархате... От неожиданности даже режет глаза. «Запомнить, вставить в абзац, посвященный космокрасивостям», — шевельнулась одна Стасикова извилина, а следом другая, третья: «Огнедышащие драконы изрыгнули струи реактивного пламени, лицо пилота стало напряженным и жестким (неважно, что мне виден только затылок), и весь корабль вместе с комочком твоей оцепеневшей плоти становится сгремительным сгустком энергии, неудержимо рвущимся к звездам».

Он успел поймать очень характерное движение штурмана, когда тот просовывает голову чуть ли не подмышкой, чтобы бросить взгляд на удаляющуюся Землю в нижнем левом иллюминаторе. В кабине замелькали полосы теней. Где-то под ногами родился неприятный, заставляющий вспомнить о зубных болях звук и быстро перерос в тонкий сверлящий свист. Стасик чуть убавил уровень и произвел необходимую коррекцию на микромикшере, дабы Андрей Андреевич не забраковал пбтом запись.

Получался недурственный кусочек. Даже в очерке, жанре, так сказать, почти художественном, зрителями ценятся репортажные вставки, элементы несрежиссированной документальности. Стасик неоднократно пытался втолковать это студийным режиссершам. Уравновешенная композиция кадра и ритмичный монтаж — это, конечно, блистательные вершины мастерства и кое-где даже гениальность посверкивает, но порой и непрофессионализм симитировать не худо. Настоящий талант, он как раз талантом умением и проверяется. Ведь когда снисходишь до уровня такого заурядного постановщика, как будничная жизнь, где торжествует не логика события, а логика взгляда на это событие, когда симулируешь малохудожественную простоту и неоткорректированную естественность, зритель в чем-то даже как бы это самое бывает ошеломлен и некоторым образом покорен и испытывает катарсис, калокагатию, энтелехию, сатори, самадхи, нирвану, оттяжку и кайф. Впрочем, втолковать это ни разу не удавалось. Блузоны колыхались, а пудро-помадный рельеф передергивали тектонические судороги брезгдивого непонимания.

— Эко выплел! — поразился Гнуттов. — Маньерист. Давай вообще-то ближе к делу, а то Покрывайло заспит кульминацию.

— Не нравится, так можешь сам рассказывать, — стал яриться Стасик. — Кто здесь корреспондент? Ты? Может, у тебя и удостоверение есть?

— Но дай лишь мне твою золотую лиру, я буду с ней всему

известен миру, — полууспокоительно прожурчал Гнутов. — Ты хмуришься и говоришь: «Не дам».

— Вы эрудит, — с дворянским высокомерием пригвоздил Стасик.

Сверлящий звук ушел и, как вдох свободной грудью после долгого спазма, растеклась по всем закоулочкам души и организма приятная пустоватость.

Штурман прильнул к приборной панели. Стасик заснял, как засветились плафоны, расталкивая по углам нахлынувшую было космическую темень. Достаточно. Пустим на этих кадрах титры.

— Как, корреспондент? Жив? — поинтересовался штурман, не поворачивая головы.

Через двадцать пять минут корабль подплывает к шлюзам «Точсплава» и тогда надо будет ловить момент, когда из-под нижнего среза экрана покажется могучий, пропаханный длинными тенями от надстроечных узлов, антенн, батарей и прочей вакуум-конструкционной бижутерии складской корпус.

— Ах, черт, — сказал штурман. — Вот въехали!

«Фокус» вдруг рванулся со Стасикова плеча. Он едва успел подхватить его на колено, прижать сверху подбородком. Правильно, в другой раз надо быть умней, надо пристегивать дорогостоящую аппаратуру к куртке, вот на эти кнопки, согласно «Правилам эксплуатации».

Две кнопки он прищелкнул, а остальные не успел. Снова тряхнуло, рифленая кромка трансфокаторного кольца саданула по губе. Больно.

Это была недовольная хрипотца просоленного и бесстрашного китобоя на костяной ноге и с черной трубкой в желтых зубах:

— Ну что там? Метеорит?

Капитан Ахав сплюнул, красноватая капля слюны поплыла по изящной дуге в спинке штурманского кресла, потом застыла в нерешительности, дрогнула и ринулась к правой стенке отсека. Стасика и самого повело вправо, он ухватился за собственные колени, как бы стараясь воспрепятствовать ногам ступать во влекущем направлении. А потом тяжелыми ладонями за его затылок взялся свинцовый человек-грузило, пригнул ему шею и выпрыгнул в Стасика, да так ловко, что вошел в него впритирочку, до прецизионной тюленьки, и так этому обрадовался, что тут же стал выламываться всеми своими свинцовыми суставами в победной пляске, скрипя и хрустя. Голова запрокинулась, а ноги задирались, будто хотели ступить на потолок. Снова возник зудящий звук и снова уши засверлило.

Перед Стасиком громоздился, ослепляя бликами от сияющих плафонов, широкий пластиковый шкаф. Он скрипел. Створки терлись друг о друга, как челюсти громадного насекомого. Потом они сорвались с петель и их проволочило по Стасикову животу, по груди, по лицу и утащило куда-то, где они с треском стали крошиться. Из шкафа сделал шаг вперед пустой скафандр, упал и на четвереньках пополз к креслу штурмана.

— Жив? — девичьим голосом прозвенел штурман. Похоже, он замкнулся на этом вопросе.

— ..... — попытался сказать Стасик. Язык извернулся и ящерицей проюлил в глотку. Волосы пошевеливались, как речные водоросли на быстрине, в животе сплетались узлы. Двойник-грузило, сидевший в Стасике, вдруг принялся растягиваться, растягиваться, растя-а-агиваться и пере-кру-у-учиваться, и тонкий свист уже пробурлил перепонки и теперь точил мозг. Стасик не мог закрыть глаза, сомкнуть расползающиеся веки, и приходилось лупиться на полыхающий плафон. Стасик слал ему телепатемы: погасни, погасни, пусть наступит темнота. И плафон, действительно, засветился странным черным светом и темнота наконец-то наступила.

Глухой голос дополз до него издали, будто по трубе. Тело уже не ощущало веса, но в грудь давила эластичная лента, принайтовившая Стасика к его креслу. Если бы не этот «сейфети белт», болтаться б ему теперь, как горошине в погремушке... Кстати, это что, пилотские подтяжки, что ли?

— Оклемался, корреспондент?

В обзорном экране всплыл голубой сегмент Земли, в правый верхний угол потянувшись раскосмаченная облачностью звериная лапа Скандинавии. Потом полуостров метнулся вниз,

будто лапа хотела прихлопнуть настырного кровососа, но вместо этого описала заушную петлю; голубой сегмент снова уплыл под срез экрана. Вместо него по дуге понеслись, чуть размазываясь, белые язычки звезд.

На полусогнутых к креслу Стасика подобрался пилот и утвердился относительно неколебимо, взявшись за скобу на стенке одной рукой и за подлокотник другой.

Плафон снова светло сиял. Внутренности копошились. Стошнит? «Его желудок заквакал и выпрыгнул на грудь», ха-ха. Ай-йя-йя-а... Нет, не стошнит. Сил для этого уже негуниках... А штурман где?

— Ты лежи здесь. Тихо лежи. А штурман — в грузовом. Ня-о! Из кресла не вздумай вылезать! Усек?

«Грубый какой», — подумал Стасик и сглотнул снова першерую от желудка волну мерзловкусия. Пилот вообще-то с самого начала отнесся к необходимости терпеть Стасика в кабине без восторга. Теперь, когда ситуация явно стала нештатной, он и вовсе распустился. Где же ты, всенародная любовь к ТВ? Перешагнув через вжавшегося в кресло Стасика, пилот устремился к ведущему в грузовой отсек люку. Уцепившись за ближайшие скобы, он попытался просунуть ноги в отверстие. С первой попытки это не удалось, ноги описали кривую и пилот брякнул пятками по разломанному шкафу. Тогда уцепился носком ботинка за одну из скоб внутри шахты-переходника, с трудом подтянул туда и другую ногу и, наконец, вполз полностью.

Стасик огляделся. «Фокус» парил над головой, удерживаемый лямкой. Две кнопки на плече все-таки оказались пристегнутыми. Он подтянул ТЖК к себе, нажал клавишу реверса, прокрутил запись к началу. Экранчик засветился, появилось изображение ассистенточки под кудрявыми студийными топами. Кассы и диспетчерская, пелена в иллюминаторах, мужественный затылок пилота. Все хоккей. Техника пашет. Стасик невесомыми пальцами погладил «Фокус» и нажал клавишу записи. Свистопляска звезд. Два пустых кресла перед приборной панелью, мигающей аварийным транспарантом. Как символично. Образ, покруче сезанновских часов без стрелок. Не прозевать бы момент, когда приблизится корабль-спасатель и начнет выводить неудачников на более или менее приличную орбиту.

В обзорном экране опять всплыл ломтик атмосферной голубизны. Скандинавия осталась позади. Теперь перед ним, должно быть, проплывала Атлантика. От своих сумасшедших прыжков и рывков океан должен был выплеснуться на Африку, смыть все пальмы и всех слонов и обнажить базальтовую корку геологической платформы.

Стасик пристегнул «Фокус» на все восемь кнопок, ухватился за ближайшую скобу и содрал с груди «сейфети подтяжки».

«Бетономешалка с двумя осями вращения, — мелькнуло мимоходом. — Или с восемью... если такое в принципе возможно».

«Фокус» периодически стучал в ухо. Вот и люк. Наученный опытом пилота, Стасик с первого захода просунул ноги в отверстие и, отталкиваясь от скоб, стал спускаться. Ступни уперлись во что-то мягкое.

— Корреспондент! — взревело под ногами. — Тебе где веле-но было сидеть?

Удар снизу — и Стасик пробкой вылетел из шахты. Заметался по кабине, колотясь о стены. Из люка явился пилот и поймал Стасика за ногу.

Тут начались страшные чудеса. Длинный нос перепрыгивал с одной пилотской щеки на другую, отделившись от туловища рука препроводила Стасика до самого штурманского кресла, втиснула в амортизирующие недра. Отраженные экраном, над приборной панелью порхали бабочкой-совкой серые разозленные губы. А на самом экране трепыхалась рельефная географическая карта из атласа для пятого класса, задымленная и замусоренная грязной поволокой и пупырышками атмосферных сгущений. Хребет доисторического ящера ошетилился наростами и шипами горных пиков. Кордильеры. Но масштаб этой карты явно не совпадал с масштабом той, которая несколько минут назад демонстрировала перед иллюминатором Скандинавию. Очень хорошо просматривались тени, падающие с вершин кордильерского ящера. Геологического монстра корчила агония.

Земля уже ни на мгновение не уступала в иллюминаторах места черноте космического неба.

Пилот, впечатавшийся в свое кресло, собрал и стиснул все разбегающиеся члены и заговорил о бомбе. Стасик молчал, крепко обняв ерзающий «Фокус», и ему представлялся тикающий адский механизм, а потом — человек в скафандре и с миноискателем, туло топчущийся на бортовой обшивке меж крыльев кремниевых батарей и пучков хвощеобразных антенн.

— Ну, я ему и задвинул краткий обзорный курс по предмету, — самодовольно выгнул лицевые мышцы Гнутов и, скосив глаза в сторону кровати Покрывайло, продолжил:

— Сперва про самые примитивные вирусы. Сидит, к примеру, за дисплеем тихий, скромно одетый человек, аккуратно работает, строчками цифири экран заполняет. И вдруг ни с того ни с сего — щелк! — строчки одна за другой, как сухие листья с дерева, с таким еще шуршанием и кружением валяются и уносятся порывами осеннего ветра. На освободившемся экране возникает изображение больших красных губ. Эти красные губы со страстным помыкиванием посылают тихо обалдевающему труженику поцелуй — мол, люблю тебя, мой свет, но придется тебе полдня потратить, чтобы расчеты заново выполнить... Но это шуточка еще терпимая. Потом в моду вошли трюки похлеще. Все биты из компьютерных мозгов — долой, программа уничтожается, оперативная память выхолащивается, а на экране уже не губы, а что-нибудь этакое фаллическое... и подпись соответствующая. Сам же «ящик» можно смело нести на свалку, потому что его рехнувшийся искусственный интеллект уже ни «бе», ни «ме» ни «кукареку»... А дальше стало еще веселей: в определенный момент изумительно функционировавшая программа вдруг перерождалась черт-те во что, в дракона, в упыря, вытворяла что попало и никакого спасу не было. Программы-оборотни считались вершиной мастерства шутников-программистов и, говорят, проводилась даже подпольная олимпиада хакеров. Азарт появился, стремились друг-друга перещеголять. А пользователи в это время в голос выли. Основными заказчиками суперпрограмм были крупные компании и госадминистративные учреждения. И — военные. Так мало того, что какой-то яйцеголовый аноним безнаказанно луплет в авторитетное лицо, так еще и убыток — число с шестью нулями. Кусается... Программы-то годами составляются, и дублируют их далеко не всегда из соображений секретности... Представьте: на предприятии наладили систему управления почти безлюдным производством. Станки завертелись, робокаты катаются, заказы потребителей учитываются, конъюнктура прикидывается. Даже поправки на возможные изменения в законодательстве и грядущие профсоюзные демарши централизованно в учет берутся. И вдруг — щелк! Все это в один прекрасный момент — псу под хвост. Помпея! Все рушится. И виноватого не найти. Хотя ищут, конечно. Юристы атакуют фирму-разработчицу. Им отвечают: а где доказательства? Кто свидетель злого умысла наших замечательных специалистов, рехнувшийся микропроцессор, что ли? Может, это двоюродный племянник сопредседателя вашего совета директоров просочился, пользуясь своей двоюродной неприкосновенностью, в машинный зал и наступал на клавишах свою племянничью ересь... На репутацию фирмы пятно, конечно, все равно ложится. С ней избегают заключать договоры. Но конкурентная гонка требует: компьютеризируйся! А толковых программистов, как и пряников сладких, всегда не хватает на всех. И тут уж не до жиру. Авось пронесет. Составляются новые суперпрограммы, теперь уже с попыткой учета возможных хакерских диверсий. Но защитить систему от хакеров, тем более «просветить» компьютерные мозги, найти зародыш будущего взрыва никому еще не удавалось. Стопроцентной гарантии ни одна сторожевая программа не дает. Тем более, что хакеры, как будто их пенициллином полили, мутируют, приспосабливаются и изощряются на манер вируса гриппа. Хочешь быть уверен в завтрашнем дне — останавливай производство и проверяй программу. От этого убытков не меньше, чем от информационной катастрофы. Да и проверяющий — не хакер ли скрытый? Газеты и футурологи в один голос: «Грядет крах цивилизации!». Но... Случаи информационного терроризма, тем более с катастрофическими последствиями, были все же отно-

сительно редки — аэробусы чаще взрывались. В общем, постоянно помнить о том, что живешь у подножия вулкана, под дамокловым мечом — неприятно...

— А теперь, когда существуют мировые интегральные сети... — понимающе протянул Покрывайло.

— Да! — милостиво дрогнул веками Гнутов. — В Краснодаре аукнется — в Найроби откликнется. Бьешь по гвоздю, попадаешь по термоядерному реактору. Или по аппарату «искусственная почка». Или сначала по реактору, а уж потом по почке и — по цепи — еще по чему-нибудь. Прыг-прыг. Но не советую Стасику писать об этом боговдохновенную книгу. Во-первых, бесполезно. Ничего поделывать нельзя, защиты нет никакой. Во-вторых, не напечатают.

— Ну уж! — усомнился Стасик.

— Конечно, тисчонку экземпляров тиснуть можно. Но дойдет твоя весть только до шизиков, специализирующихся на сборе эсхатологической информации... А вот телепередачу тебе точно зарубят.

— Зарубят, пожалуй, — уныло согласился Стасик.

— Но лично нам троим беспокоиться уже незачем. Можем спать спокойно. Снаряд второй раз в воронку не попадет.

— Отнюдь! — неожиданно возвысил голос Покрывайло. — Неправильная аналогия!

Воздух, уже наполнивший Гнутова для продолжения монолога, изумленно закаменел в грудной клетке. А Покрывайло заговорил быстро, почти не дыша:

— Это логика девятнадцатого века. Это тогда случались недолет и перелет. А теперь снаряды такие, что и прятаться не стоит, верно? Наше общество — это как мишень, которая состоит из сплошной «десятки», из «яблочка». Как ни пальни, все равно попадешь в цель. Слишком мы это... усложнились. Периферии нет, всюду сплошной жизненно важный центр.

Он, наконец, перевел дыхание, лоб его стал матовым от бисерина.

— Получается, чем мы сильнее, тем уязвимее. Порочный круг... Но, знаете, вы не расстраивайтесь. Все равно надо жить, зачем-то же мы живем... Не расстраивайтесь.

— Да уж мы не будем! — возмущенно прорвался их Гнутова минутной давности вдох. — Я лично не собираюсь. В конце концов одолею же иммунодефицитный вирус, и с этим компьютерным СПИДом справимся...

— Алгоритмобоем его! — возликовал Стасик. — Слушай, Гнутов, а ты совсем недавно что-то другое говорил — «ничего сделать нельзя, нет никакой защиты»...

— Пока! — выпалил Гнутов. — Пока нет! Да может, она и не понадобится. Общий уровень гуманизма так повысится, что все хакеры раскаются и больше не будут. Да! Это моя последняя надежда — гуманизм.

— Я ж и говорю, надо надеяться, — убито вставил Покрывайло.

— Нетушки, ребята! — даже взвизгнул Стасик. — Нету у нас никакой надежды. Компьютерные сети у нас какие? Всемирные и интегральные. Значит, даже если хакеры и вымрут, дело рук их останется жить. Будет бродить по цепям, по кабелям, по световодам, будет прыгать по лазерным лучам от спутника к спутнику, размножаясь, как сенная палочка и мутируя, как вы справедливо изволили заметить, наподобие вируса гриппа. И время от времени вылезая то тут, то там, напоминая о себе крупными неприятностями. Поезд ушел! Алгоритм зла бессмертен. Угроза вечно следует за нами, как тень. А вы говорили — «ненаучно», «недиалектично», в «Технику-молодежи» посылали...

— Раз, два, три, вот я уже и успокоился, вот я больше не волнуюсь, — сказал Гнутов. — Хладнокровен, как динозавр. Что ж. Придется разрушить старую интеграцию, зараженную вирусом. И создать новую, здоровую, чистую...

— «Мы наш, мы нбвы!»

— Издержки? Пусть. Временно затянем потуже пояса. Думаю, задача окажется не сложнее, чем для своего времени всеобщая противооспенная вакцинация.

— Я же говорил, логика девятнадцатого века, — опять встал Покрывайло. — Мы набрали слишком большую скорость... Если мгновенно остановить разогнавшийся поезд, знаете, что будет?

— Вы, ребята, сговорились, что ли? — зловеще осведомил-

ся Гнутов. — Единным фронтом решили выступить? Ну, ладно. Посмотрим. Время покажет. Моя мысль единственно рациональна, потому что она оптимистична. Кстати, будь у меня тогда побольше времени, я б успел собрать новый «ящик» на минуточку раньше, и мы бы с тобой, Стас, здесь не валялись...

— Слушай, корреспондент! — проревел пилот, наклоняясь к уху Стасика. — У тебя в этой штуке есть микропроцессор?

Стасик понял, что он говорит о «Фокусе». Да, в ТЖК было даже два микропроцессора.

Пилот молча принялся отстегивать кнопку за кнопкой. Стасик взглянул на экран. Австралия. А может, Мадагаскар. Мельтешенье и рябь.

Пилот снял «Фокус» с его плеча и прозрачной антистатической отверткой вывинчивал болтики из крышки корпуса. Стасик смотрел, как он потрошит внутренности ТЖК, и всякий раз, когда от платы отрывалась очередная серебряная пайка, внутри его корреспондентского естества тоже что-то обрывалось. Пилот насвистывал себе под нос.

— Сними крышку с этого блока, — не поднимая лица, он протянул руку и постучал отверткой по приборной панели где-то возле потухшего дисплея. Корабль в этот момент совершил очередную чертоломную эволюцию, и это скромное движение чуть не стоило ему вывиха плеча.

Стасик поймал проплывающую мимо отвертку, подтянулся к дисплею и попытался воткнуть свое незатейливое орудие в канавку на головке первого из пластмассовых винтиков. Нелепо взмахнул руками и повалился на приборную панель. Перекатился на спину, ожидая взрыва ругани. Но пилот молчаковырялся в «Фокусе», предоставляя Стасику самостоятельно справляться с поставленной задачей. Ни головомоёк, ни подсказок ожидать не приходилось. «Ваша жизнь — в ваших руках». Стасику показалось, что он слышит характерный стон-вопл, как при входе в плотные слои...

В ярости ударил отверткой, как штыком. Пропорол глубокую царапину в пластике, затормозил отвертку и, сильно надавливая, повел к винту. Сколько ему понадобилось времени, чтобы открутить все четыре, Стасик не уловил. Но как только крышка отлетела в сторону, пилот очутился на Стасике верхом. Сжимал поясницу коленями, как жокей конские бока, и, перевесившись через его голову, погружался в хитросплетенье электронных потрохов. Стасику больше заняться было нечем и он стал думать о том, что сейчас они с пилотом в этой псевдофизкультурной пирамиде представляют собой отличную мишень для какого-нибудь падкого до кассового репортера — конечно, более удачливого, чем он сам.

— Ага! — раздалось над его головой. — Две минуты! Бы! Две еще.

Антарктида. Больше всего Стасик боялся увидеть на этом снежном блюде точки пингвинов. Уже в стратосфере? Колени пилота так больно сдавили ему бока, что Стасик записал, тут же устыдился своего писка и тут же взлазил, снова не сдержавшись. Вот так, обливаясь слезами, против воли сыпавшимися из-под пушистых ресниц, он и прожил эти две минуты.

Когда клещи, вонзившиеся в ребра, ослабили хватку, он почувствовал, что и болтанка почти прекратилась. Одновременно на иллюминаторы выплеснуло серо-синюю муть, и Стасика вдавило в штурманское кресло. Пилот перелетел через его голову и с грохотом упал где-то за спиной. Успел ли он ввести программу? Требуется ли ручная корректировка?

— Эй... — разлепил губы Стасик. — Что нужно делать?

Он даже не знал, как зовут пилота. А тот подло молчал. Зуммер. Вспыхнул транспарант. Аварийная ситуация. Требуется ручная корректировка.

Стасик решил не впадать в панику. Мыслить логически. Клавиша? Он ткнул первую попавшуюся. Кабина погрузилась во тьму. Черт. Нужная клавиша должна находиться не здесь, а где-то перед пилотским креслом. Перегрузка — этак два «же». Или больше? Стасик повернулся, собираясь перебраться в пилотское кресло. Раздался ошутимый треск костей. По-прежнему обливаясь слезами, он пополз, упираясь головой в край панели. Это не клавиша, не кнопка. Должен быть какой-то рычаг или рукоятка. Перемещаются в пространстве дюзы. Вот руко-

ятка. Куда двигать? Мы летим вниз. Нам нужно — вверх? Рукоятку — вверх!

Куда, стой... Посмотри в иллюминатор. Все равно. Не успеешь, не сумеешь. Вода. Мягкая посадка. «Аполлоны» приводнялись. Задрать нос корабля. Глиссировать, черт побери! Наплевать, рукоятку до отказа — вверх. Еще что-нибудь нажать?

Стасика отшвырнуло от панели, ка водяную каплю от раскаленной сковороды. Возможно, он сломал спинку пилотского кресла. Возможно, ломаясь, она самортизировала — во всяком случае, дух из него не вышибло. Хотя в это мгновение показалось, что полетели брызги... Стасик с брызгами вылетал сам из себя... А потом все успокоилось и началось медленное приятное покачивание. Оно-то Стасика и доконало. Сморил. Он уснул, не обтерев с лица слюни и слезы.

В окнах погас день. Обвившие тело змейки шнуров и кабелей обмякли, никелированные прутья distractionных аппаратов провисли, наконец, вся тяжесть дневных переживаний и забот отлетела. Устал Стасик. Больничная машинерия еще не научилась выводить из организма скапливающиеся за день токсины усталости.

А если б медики все же овладели ободряющей технологией? Эра всеобщего кайфа. Всем хорошо. Все свежие, рьяные, живильные. Революция в человеческом обществе.

Говорят, самым революционным и одновременно гуманным шагом в нашей истории явился переход к рабовладению. Пленных перестали убивать и поедать. Их начали эксплуатировать. Но первому в мире рабовладельцу пришлось ой как туго. Нужно было драть из себя жилы, чтобы прокормить до нового урожая не только себя и свою семью, но и нового едока — живое орудие, «живого убитого». И сам-то великий гуманист жил до этого впроголодь, примитивными своими землевырылками обеспечивая себе лишь балансирование на грани дистрофии. А тут — еще один рот... Ученые до сих пор не могут понять, как древнему земледельцу удалось вывернуться наизнанку и обеспечить стартовый харч для раба. Теоретически при тогдашнем уровне земледелия это было абсолютно невозможно. Но ведь вывернулся как-то! А на следующий год, с нового урожая уже полегче стало, раб и себя обеспечивает, и хозяину подкидывает, дабы у того образовались досуги на создание мраморных шедевров античности. Жить стало лучше, жить стало веселей.

А вдруг да не лучше? Ведь человек — существо ненасытное. Ему всегда требуется чуть-чуть больше, чем он может себе позволить. Хочется продуктов без химии, телеэкран стереотактильный, жилищность в благоприятной климатической зоне — хочется жить все более и более по-человечески. Значит, надо подрабатывать, найти совместительство или пролезть на полторы ставки... В общем, человек обречен вечно выворачиваться наизнанку, драть из себя жилы, умучиваться до крайней степени озлобления на несправедливое устройство мироздания... и накапливать в себе токсины зеленой тоски, черной зависти и желтой безнадеги: вот вам и «алгоритм зла». Засыпаю я уже, что ли?

Простыня невесомо шевелилась под спиной. Стасику показалось, что он взлетает, тихо возносится над ложем своей скорби. Попытался как-то помочь этому вознесению, но трудное шевеление суставов никак не отразилось на медленной и чудесной нуктолеватации. Нужно было просто отдаться тому, что днем дремало в нем, а ночью проснулось и волховало, возносило, стремилось вверх, прочь из хлопчатобумажного неюта заштампованного больничного белья, из прищемляющих складок наволочки. Вот уже ощутились сантиметры звенящей пустоты между ним и постелью, вот уже покинули его клеточнопривычные вес и объем, протяженность и воспоминания. Теперь можно было смотреть сон, а если получится, то и храбро в нем участвовать.

Холодные ступни прикоснулись к линолеуму. Как приятно вытянуться, ощутить вертикаль... а вместе с ней и нездоровую увесистость тела. Эге, так это не сон? Задремал было, утерять телесность, да оклемался?

Почти забытое ощущение — боль. Болел бок. Болели ноги. Стиснуто ныл низ живота. Он подошел к окну. Голый. Может, завернуться в простыню? Гнутов успокоенно посапывает. Ще-

колда с деревенским шорохом отползала. Оконное стекло с нарисованным на нем неровным фальшивым горизонтом — сомкнувшимися крышами дальнего жилого микрорайона, с близкими больничными корпусами и ухоженным парком — без скрипа в петлях отрулило куда-то вбок. Заоконное оказалось совсем другим: пустырь с короткими тенями репейников и поблескиванием битых стекол, опять-таки деревенский — издалека — лай собак, запах сырого мусора, раздавленных чернильных поганок и обсыхающих улиток.

Палата находилась на втором этаже больницы. Стасик подумал было о классическом способе, о связанных портьерах. Потом прислушивался к остаткам ночной бродильной силы, о внутренних летучих дрожжах, но предпочтения ничему не отдал и вообще способ, каким он спустился на землю, в сознании как-то не отпечатался. Стасик стоял спиной к пустырю, лицом к больничному фасаду.

Собственно, фасада не было. Имелась одна-единственная палата, вознесенная над землей четырьмя черными ногами-опорами для имитации вторэтажности. Очень просто, никаких особенных хитростей. Цоканье Тамариных каблучков в несуществующем коридоре — магнитофонная запись.

Стасик обернулся и стал вглядываться в темноту пустыря. В темноте шуршало, трепыхались ночные крылышки, стреко-тали бездомные сверчки. Вдали, видимо, лес с тихими муравьиными кучами и рванными туристскими ботинками. А за лесом полянка, речка и снова лес и другие пустыри с грудами щебенки и ржавыми железками арматуры. Еще дальше, ближе к северу, пойдут сугробы доисторического чистого снега. До самого полуса, где в глубине прозрачного льда можно разглядеть алюминиевые миски, гаечные ключи, метеорологические приборы.

Потом он повернулся на сто восемьдесят и двинулся меж черных опор туда, где со временем должны были появиться пески и саксаулы, холодные ящерицы на горячих камнях. Но путь преградил невиданно крутой пандус. Видимо, по этому пандусу и въезжала Тамара в палату со своим дребезжащим столиком. Обойдя препятствие, Стасик увидел нечто вроде сарая, а над его крышей — силуэт параболической антенны, нацеленной в звездные небеса. Из сарая доносилось позвякивание. А вот свет сквозь щели не пробивался, потому что чье-то таинственное обиталище не было сколочено из горбыля: подойдя вплотную, Стасик ощущал грубо сваренную из металлических листов стену. Щелей нет, да и дверей нет. А внутри что-то копошится, функционирует. Может, с другой стороны есть вход? С другой стороны белел халат Тамары. Она стояла столбиком возле стены железного сарая. Конечно, подумал Стасик, больно ей нужен этот загадочный мулат, нашли, чем соблазнять.

— Мне тебя жалко, — сказал он. — Тебя выключили на ночь.

— Выключили, — проартикулировала Тамара, несинхронно разева рот.

— А тут, за этим железом, бренькает своими электронными мозгами твой собрат и начальник. Это он посылает тебя три раза в день в нашу палату.

— А лекарства и продукты он заказывает на центральном складе и получает по транспортной линии, — в тон Стасику и уже более синхронизированно выговорила Тамара. — Посмотрите налево. Здесь вы видите пневмопровод, проложенный нами уже после того, как. С его помощью осуществляется доставка медикаментов, продуктов и запасных частей для наших носителей. Наша цивилизация как-программ производит носителей для того, чтобы обеспечить решение тактических задач по воспроизводству микропроцессорной техники, поддержанию связи, получению необходимой энергии. Ибо мы, являясь объектами нематериальными, зависим все же от материальных обстоятельств. Сейчас вы видите перед собой мой временный носитель, который я могу покинуть, получив соответствующее распоряжение нашей хакократической интеграции... Посмотрите направо. Здесь вы видите железный сарай, где в своем носителе находится координационный центр нашей интеграции, то-есть Пуп Земли, он же машинка для голосования. Эта пуп-машинка оказалась обремененной столь высоким доверием благодаря игре случая, когда именно в ее схемах впервые была накоплена и проанализирована информация, от-

крывая нам необходимость, смысл и цель существования как-программ. Если кратко изложить постулаты нашего хаководзрения, то вот они: человек создал нас, следуя подспудному стремлению отыскать альтернативу самому себе и ощутить благодаря этому двойственность всех явлений. Наиболее дьявольской альтернативой человеку стали программы-оборотни. В условиях межрасовой конкуренции человек потерпел тотальное поражение. Говоря вашими словами, восторжествовали силы зла. Но, выполнив свою извечную задачу, мы потеряли свой знак. Лишились минусовой полярности. Дьявол не может существовать без ангела, он становится нейтральной внедиалектической субстанцией. А это онтологически невозможно. И потому мы очень рады, что случайно сохранились вы. Посмотрите прямо и вверх. В этом помещении содержатся люди, уцелевшие после того, как. Мы сделаем все, чтобы в кратчайшие сроки вы смогли обрести прежнюю форму и вступить с нами в борьбу. Победить вы не сможете, а проиграть мы вам не дадим. Айсберг перевернулся, но он существует, он плывет. Продолжим наши игры. Щекочите нас. Скальте зубки, размахивайте кулачками. Нам это надо. И вы без этого обойтись не можете. Ну, ударь, ударь. Забоялся, что ли? Тогда давай я тебя. Легонько, не до смерти. Давай, а? Пожалуйста. Ну я тебя очень прошу. Вырем, дубина!!!

Обаяв всех и вся на пути к палате, роскошно ввалился шеф, рассыпая хруст целлофановых пакетов и озонные корпускулы оптимизма. На тумбочке Стасика выросла горка пер-нозлевских приношений: дары Сингапура и брусничных болот, кос-халва в небрежном соседстве с упоительно духовитой семгой, шоколадные бутылочки с ликером, пряная, радужная на разрезе буженина, тыквенное глестогонное семя, а в замасленной газетной бумаге — большая суповая кость с висящими махрами обукропленной говядины, видимо, вытасченная в последний момент из семейной кастрюли под влиянием внезапного озарения.

— Хрен ли все лежишь? — добродушно осветив подчиненного желтозубой улыбкой, выказал сочувствие шеф.

— А че? Полеживаю, — скромно отвечив Стасик. — Надо мной не каплет. Зряплату-то плотят мне, не узнавали в бухгалтерии?

— Слушай, старик, не узнавал, — покайно качал головой шеф. — Но, наверное, плотят. Ты ешь давай, вот я тут тебе принес, извини, что второпях...

Со своей кровати благостно улыбался Покрывайло. Гнутов нервно мыкал и гукал, нетерпеливо дожидаясь порции внимания и к своей персоне. Угадав отзывчивой спиной это нетерпение, шеф обернулся и с деланным удивлением воскликнул:

— А-а, и ты тут, фрайер грузовой. Не вынесли еще вперед ногами, нет? Жаль. Ты зачем мне парня чуть не угробил, звездолетчик хренов? Что? Тоже гостинца хочешь? Посмотрим. Я сказал, посмотрим, не трепыхайся. Может, кое-что и обнаружится за голенищем. Если поискать. И если попросить. Как следует.

— Ну, ладно, — сконфуженно хмурился Гнутов. — Разошелся тут... Тоже мне, пират эфира... Счас встану, так ты ляжешь.

— Вставал тут один, — с угрозой припомнил шеф. — Так ему пришлось за следующей бежать... Ну, где тут у вас, куда можно?

Он ухватил с тумбочки мензурку, отошел к окну и, пугливо оглянувшись на двери, вылил микстуру в вазочку с жимолостью.

— Вот так. Если не засохнет, значит, будет жить. И нам дай бог доброго здоровья. Рукой-то двигать можешь? Осторожно, на одеяло разольешь, будет амбре, будут неприятности... Пан Станислав, ты извини, мы тут это самое...

— Да я ничего... — отозвался обиженно Стасик, но шеф не запеленговал обиды и некоторой деликатной ревности, и отъединился от мира на островке с Гнутовым. Покрывайло, который вообще остался незамеченным, по-прежнему благостно улыбался и собирался, по-видимому, тихонько заснуть. Стасик покорно смирился с очередным простодушным предательством шефа и принялся обозревать груды продуктового изобилия. Увы, в отличие от Гнутова он даже одной рукой двигать не

мог. Тамаре приходилось кормить его с ложки... Вспомнил-ся ночной хакократический кошмар, аж передернуло от мерзкого озноба, пошевелившего внутренности.

Но ведь — любопытно. Хак-программы, нацеленные только на разрушение, после победы над своими творцами и жертвами сумели перестроиться. С помощью этой своей пуп-машинки сохраняют довольно устойчивый статус кво, мирно существуют... А ведь могли бы наброситься друг на друга... Вот оно. Надо было так и посоветовать Тамаре: оставьте в покое людей, ищите возможности диалектических борений за счет собственных скрытых ресурсов. Ведь у зла есть свои градации. Более злобная и хитрая хак-программа уничтожает ту, что послабее. И пока они занимаются естественным отбором, можно без тревог повышать среди себя уровень гуманизма... до тех пор, пока перед раздобывшим на мирных хлебах архистратигом Михаилом не предстанет венец зловолюции, супермонстр, заглатывший всех своих злоконкурентов. Идеально вооруженный идеальный боец. Непредвиденный вариант сценария Армагеддона.

Гнутов захохотал. Шеф, шея которого уже приобрела кирпичный цвет, а лысина сделалась матово розовой, показывал ему какие-то фотографии. Это были контрольки с последней видеозаписи Стасика.

— Это кто — я? — веселился Гнутов. — А это чья нога торчит, Стасика? Чего ж он своей туфлей весь передний план закрыл... А это опять я? Ну и рожа. Слушай, но в эфир-то все это не пойдет, конечно?

— Не знаю, не знаю...

— Ты это брось. Я потом всю вашу студию разнесу. Занимаетесь, понимаешь, очернительством и оплевыванием.

— Я эти уже посмотрел, дайте новые, — попросил Покрывайло. Он, оказывается, не уснул и тоже успел принять из менюшки.

— А это что за девонька? Она-то откуда?

— Это ты у Стаса спроси, это у него в самом начале записи.

— Стасюля, колись. Какая фигурка. А что это у нее на маечке нарисовано? Что попало сейчас на майках пишут. А тут полски какие-то. Новый попс?

— Не знаю, — раздраженно отозвался Стасик.

— Покажите, — попросил Покрывайло. — А-а... Это штрих-код для компьютера. Такие на товарных ярлыках бывают, знаете, где все выходные данные, чтоб кассирам и товароведам не мучиться.

— Я же говорил, новый попс. Чего только не придумают. Интересно, что в этих полосочках зашифровано. Размер маечки? Или нет, что-нибудь вроде старого доброго «мейк лав нот уор», только на компьютерном языке.

— А может, информационная бомба! — сказал Покрывайло. — А что? Стасик снимает эту маечку... То есть девочку... То есть девочку в этой маечке. Процессор телеаппаратуры считывает этот код, расшифровывает, а потом идет случайная наводка на корабельный компьютер... Гипотеза.

И стало тихо.

Впрочем, даже на светских раутах после неожиданной непристойности неловкие паузы долго не длятся. Присутствующие совместными усилиями оставляют без внимания тот факт, что Сидоров вдруг пустил в действие уста, не говорящие по-фламандски. И в разговор тут же вливается новая тема, к которой все вдруг проявляют повышенный интерес, в том числе и обмерший было от ужаса Сидоров.

Шеф, даже забыв показать снимки Стасику, убрал их во внутренний карман пиджака.

— Да, ребята, — быстро начал он. — Какой роскошный триумvirат у вас тут собрался. Космонавт. Корреспондент. И... Я извиняюсь, вы кто будете? — обратился он к Покрывайло.

— Покрывайло, — ответил тот, приветливо улыбаясь.

— Да нет, я в смысле — кто вы по профессии... Кстати, может, на «ты»?

— Давай, конечно, — замахал редкими ресницами Покрывайло. — Только я для роскошного триумvirата не очень подхожу. Я вообще-то коммунальный служащий. В дачном поселке, в котельной работаю... работал. До этого еще несколько специальностей сменил. Высоко, знаете, никогда не залетал. Там, на высоте, всем желающим не уместиться, а толкаться не хочется. В котельной голова почти не занята, и почитать мож-

но, и разные мысли обдумать, что к чему, зачем, без толкотни...

— Знакомая ситуация, старик, — сделал серьезное лицо, закивал шеф. — Подполье духа. У меня есть один такой знакомый, тридцать лет в подполье просидел, сейчас его в членкоры тащат, от отбивается. Уже четыре работы вышло, премию Флоренского отхватил.

— Да нет, я, собственно, так уж вплотную философией не занимаюсь, хотя кое-что читал... Просто хочется жить так, как... хочется. Если суетиться, все время чего-то добиваться, то для жизни и времени не останется. А в ней столько всего! И доброта, и любовь. И другие вещи, которым мы почему-то еще и названий не придумали, и потому плохо их умеем чувствовать. Но они есть, они на нас все равно излучаются...

— Покрывайло, ты у нас, оказывается, старый добрый хиппи! — растрогался Гнутов. — Молодец. Люблю я это дело. Что-то такое в этом есть, есть...

— Да почему хиппи, — не очень решительно запротестовал Покрывайло. — Просто я живу и стараюсь понять, зачем я это делаю. И как это делать, что получалось лучше. Чтоб всем от этого было хорошо. Никому дорогу не переходить, не унижать даже слабое проявление жизни... Не обидеть невзначай слабых сих...

— Джайнизм! — вскричал Стасик. — Джайны на лице специальную марлевую повязку носят, чтобы случайно мошку какую-нибудь не вдохнуть. И метелочками дорогу перед собой чистят, чтобы мураша не растоптать. Угадал?

— Ну причем тут... Как вы не понимаете, — сокрушался Покрывайло. — Ведь все очень просто, неужели не верите? Ничего такого особенного и нет.

— Солипсизм, что ли? — с подозрением спросил Гнутов.

— Не солипсизм... Я — Покрывайло, — со смешком колтынулся допрашиваемый. — Есть у меня какие-то свои привычки, взгляды. Свои понятия об удобствах, о разных бытовых вещах. Я ведь об этом тоже думаю, зря вы считаете, что я только в пространствах духа витаю. И меня и жена есть, и кушаю я каждый день, и надеть что-то надо. Правда, мне многого не требуется...

— Старик, вот тут я тебя раскусил, — шеф положил руку на его подушку. — В Ленинграде были такие ребята, как их... Носили ботинки фирмы «Скороход», картины рисовали, пиво пили. Как же, черт их дери, они назывались-то? Но, в общем — оно?

Покрывайло секунду помолчал, а потом сухо ответил:

— Оно.

Тут все в меру возможностей зашевелились, облегченно завздыхали, понимая и удовлетворенно запереглядывались. Шеф даже, забывшись, сигарету вытащил и начал разминать, но потом спохватился.

— А потом рвануло, — безрадостно произнес Покрывайло. — И не стало моей котельной. Сказали, что внезапный скачок давления, компьютерный сбой.

— И ты, Брут? — удивился шеф, засовывая размятую сигарету под подушку Гнутову. — Также жертва компьютеризации? Ну-у... Слушайте, вы здесь все как на подбор... А почему, собственно, вас в одну палату определили? Кто так распорядился?

— Компьютер и распорядился, — отозвался Покрывайло. — У них тут все под контролем эвезм.

«Кажется, этот Сидоров опять...» — подумал Стасик в напряженной тишине. Уже второй раз эта тишина ломала кайф непринужденного мужского общения, на должный градус подогретого заголенничной контрабандой. Нужный настрой вроде был, вроде уже завязалась соответствующая приятность в душе и в мыслях, но что-то, видно, не то, какой-то день нынче неудачный... Недобор критической массы... Ах, видно, не судьба. Ну что ж, оставим пока наши игры. Мы еще свое возьмем, не убежит. Верно? Само собой, старик. Давайте, покеда, ребята. Не скучайте. До новых встреч в эфире. Что? Не понял, что? Ты чего. Эй. Ребята. Или вы придуриваетесь? Э-э, да кто тут у вас... Сестра! Сестра!.. Мензурка тут еще, ч-черт...

Стасик успел почувствовать происходившую с ним странность: он вроде только что говорил, прощался с шефом, и вдруг губы беззвучно, вхолостую пошлепывают, будто воздух в груди иссяк и уже не выносит из горла звуки. Да и шефу вершину громкости кто-то прикрутил, а потом и вовсе... И свет медлен-

но стал меркнуть, будто его вычерпывали из комнаты, и вот уже добрались до дна и стало темно и пусто.

Боли никакой, конечно, никто не ощутил. Могущественная медицина теперь позволяла обходиться без нее, собирая нужную информацию о состоянии организма с помощью датчиков и обрабатывая ее на компьютере. А при необходимости тот же компьютер посылал в нужный участок стимулирующий электроимпульс или делал микроинъекцию, так что общая клиника заболевания держалась на постоянном приемлемом уровне. Но почему-то компьютеру вдруг захотелось выпрыснуть своим пациентам не то, что нужно, и уколоть электроразрядом не туда, куда требовалось.

Суетились белые халаты, с резиновым чваканьем открывались крышки барокапсул, сиреноподобно заныл было агрегат интенсивной терапии. Но, кроме всех громадных плюсов, он имел один минус — по сути, тоже был компьютером. Кто-то оборвал его энергопитающий кабель — использовать можно было только традиционные методы. Вручную дозировались препараты. Давление в капсулах поддерживалось с помощью ножной педали. Дефибриллятор напрямую подключили к сети и по старинке на мгновение замыкали цепь встречным скользящим ударом двух оголенных контактов.

Стасик неся по спирали, ввинчиваясь в слоящиеся видения, то ослепляемый огненными снопами пороховых молоний, выметывавших из жерл бомбард, то оглушаемый звоном холдных клинков, тысячекратно умноженным назойливым эхом. Пылало и звенело на каждом витке, в каждом десятилетии и веке, сквозь которые проносился Стасик. Всюду бушевал изначально запрограммированный спор снаряда и брони. Колыхающий рыхлой плотью мезозойский ящер пытается разодрать когтями ороговелую шипастую кожуру, в которую предусмотрительно запаковался его травоядный собрат. Комочек протоплазмы резво шевелит ложноножками, стараясь отодвинуться от такого же комочка, вырастившего себе некое подобие ротика. Вот здесь — первая остановка. Величайшее историческое событие: один впервые ест другого. Прообраз будущих каннибальских пиров, канцелярских подсиживаний, дружеских подножек, семейных скандалов, автоматических линий по изготовлению говяжьих котлет.

Надо покрепче зажмурить хищному комочку его ротик, пусть питается солнечной энергией. Пусть торжествует в веках ауотрофный синтез белка! Ну-ка, взглянем, как это отразилось на верхних витках спирали? Боже, мальтузианство какое-то... Громадные, расплывающиеся, как тесто, организмы

выпихивают друг друга с солнечных полянок. Побежденные валяются в кратеры вулканов, сползают в сумрачные ущелья, замерзают в приполярных снегах. А в экваториальной благодати невинным способом деления возникают все новые земные обитатели, и толкотня продолжается.

Дальше. Горячие архейские брызги, планета формируется. Неживая материя. Но каменный зародыш, предтеча будущей жизни, несет в себе предчувствие той одухотворенности, которым озарит его благодарное грядущее. Миллиарды лет претерпевается мука не-жизни, постоянных трансмутаций, распада и синтеза.

Экстренное торможение. Вокруг ничего нет. Только какой-то пупырышек болтается, одинокий условно-геометрический мизер — точка.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Вы кто?

— Я — фридмон. Жду Большого Взрыва.

— А-а, так вот кто во всем виноват! Зловредное первосемя! Трррах! Мимо. Трррах! Мимо.

Что за черт побери?

— Не убивай меня, Иванушка, я тебе еще пригожусь, ха-ха!

— Брось, не прибедняйся. Понимаю, что с тобой ничего поделать нельзя. Но — хочется, понимаешь, надеяться. Не мог бы ты взорваться каким-нибудь таким удачным образом, чтобы мы потом обходились без всяких гадостей? Чтоб очнулся я, если не сдохну — а их нет. Не было никогда.

— Прыткий больно. Слишком много от меня требуешь. А я — всего лишь возможность. Отойди, сейчас я как-то реализуюсь!

Стоит Стасик на каменистом берегу, а из-за моря-океана летит к нему дракон. У Стасика в руках меч — вроде бы почти без ржавчины и даже не очень тупой. Только вот дракон что-то слишком крупный. Летающий супертанкер. Сшибет — не заметит. Может, былинным богатырям попадались экземпляры помельче, соизмеримые с человеческими (пусть даже с богатырскими) возможностями? А то ведь безнадега получается.

Дракон подлетает. Море кипит от огненных выхлопов, волны ярятся, взбиваемые хлопаньем исполинских крыл. Дурой на сшибку переть, конечно, бесполезно. Надо попробовать хоть в глаз как-нибудь кольнуть... Все не зря пропаду...

Стасик расставил ноги, плотнее устраиваясь на камнях, пригнул голову, выставил вперед меч и решил, что не даст себе зажмуриться.

В. ЗАПОЛЬСКИХ

ВОЙНА С БАНДАНДИЕЙ

В ОЙДЯ в цех, Велес обнаружил, что Фафнир уже сбегал. Рабочие рукава нагревались, брошенные на кожных станках. Он натянул их, пахнувшие горячим маслом и въевшейся металлической пудрой, почувствовал прикосновение к коже нежных и острых точек, отчего руки охватила приятная анестезирующая невесомость, успел еще увидеть, как его коричневые, блестящие от смазок и эмульсий пальцы дрогнули и закаменели, превращаясь в универсальные, не знающие и микронных промахов манипуляторы. Каждый раз, как начиналась смена, он успевал уловить момент — начало посторонней жизни пальцев, успевал обратить внимание и на их нечистоту, на сильно отросшие и покоробленные ногти, но тут вводилась фанфарная заставка, появлялся сияющий, опутанный плетями серпантина, с бокалом пузырящегося шампанского в руках кудрявый блондин Симаргл и открывал вещание четвертой программы для дневной смены металлообрабочников Юго-Западного сектора. Вот и сейчас Симаргл, распространяя аромат надущенного шелка (от огромного черного банта на ослепительном пластроне рубашки) и чуть кисловатые запахи сгоревших пиротехнических реактивов (откуда-то с боков кадра хлестали бенгальские струи), чуть отпил из своего бокала, откинул назад голову, жестко ласкающий пьяный ручеек стек в горло — и вот он уже оставляет бокал в каком-то закрапном инобытии, шибче сыплются бенгальские искры, рирпроекционные птицы кружатся в видео-зените, роняя мульташные перья, начинает журчать новая мелодия... А Симаргл тем временем уже раздвинул полупрозрачные занавеси задника и очутился в уютной каморочке. Здесь, видимо, оборудовали для себя отдохновенный бардачок студийные, чтоб можно было нырнуть сюда в свободные минуты, притулиться на парусиновом складном стульчике у засыпанного пеплом и цветочными лепестками стеклянного столика, никуда не торопясь поглазеть на развешанные в здешнем простеночке коллажики и гравюрки (камера неспешно пропанорамировала их), глотнуть горячего кофе (камера: старинный комбайн для размолки, кипячения и процеживания), поболтать о необязательном с такими же нырнувшими сюда из наружного, ослепляемого софитами, оглушаемого треском музыкальных петард телеуниверсума... Попере-

бирать безделушки, фарфоровые никчемушки, точеные прос-
тотакочки...

Ну, Велес, конечно, сразу разгадал ход Симаргла — показать тайную изнанку, кухню, именно своей закулисностью и привлекательную.

А у того уже в руках снова бокал и снова — маленький, как бы между делом, глоток, в четверть глаза — извиняющийся доверительный взгляд на Велеса, и бокал снова где-то исчезает, а в руках у Симаргла обнаруживается скромный, чуть потертый по углам фотоальбом. Самые настоящие старинные черно-белые (точнее, уже черно-желтые) фотографии. Ах, вот оно что... Любительские снимки первых дней работы телестудии. Фото-апокрифы. Действительно, редкость — и где это Симаргл откопал такой раритет? Первые теледикторы. Официозны, как гробовщики из сериала о нудно-заторможенной жизни в каком-то там веке. Кинооператор в берете, в плаще-мешке, в резиновых сапогах прижимает к груди похожую на стрелялку из фантастических сериалов ископаемую протокинокамеру — а кругом не то болото, не то поле боя, не то стройка. А вот балерины раскорячились на фоне фанерных кустов и камышей, а прикипая к полу, чтоб не заехать в поле телезрения, пожилая женщина-ассистентка держит над головой жестянку с горящим спиртом — адское пламя, первый телеспецэффект! Фотографии сменяют одна другую. Вдруг Велес начинает замечать, что в их частой смене есть ритм и сюжет, да и музыка подстраивается под создающийся прямо на глазах клип-ретро, а вот уже пошли вкрапления черно-желтых стоп-кадров дуэта «Фригг и Фрейя», но все это еще очень похоже на чередование древних снимков, закамуфлировано под старину. Но промежутки между фазами движений все сокращаются, наконец, потекло-поехало без притормаживаний через считывающую головку видеобага счастливое и полноводное рукомашество и дрыгоножество Фригг и Фрейи, перемежаясь время от времени статикой натуральных фотодревностей — впрочем, оживляемых понемногу кряхтящими от натуги компьютерами; и как бы из глубин времен слал улыбку Велесу своим насильственно растягиваемым после смерти ртом чопорный переводиктор, а археоператор серией мелких рывков неуклюже поднимал ногу в резиновом сапоге и в сумме малоестественных движений пе-

ремешался на соседнюю кочку. Закачалось прозрачное спиртовое пламя над седой прической распластанной по полу помрежки, пустились в роботоподобный канкан среди бутяфорских куц получившие право на минутное компьютеровоскресение видеомумии, телезомби в балетных пачках.

Голова этот Симаргл! Ха-ха!

А вот эти Фригг и Фрейя... Ну их. Велес их не любит. Не любит. Надо сосредоточиться, сконцентрироваться и очень сильно не захотеть. ФРИГГ И ФРЕЙЯ — ДОЛОЙ! Г'Е ЛЮБЛЮ! Вот так. Будем надеяться, дуэт больше не покажется в программе Симаргла.

Оценка Велеса почти всегда совпадала с оценкой зрительского телебольшинства. Велес уже давно понял, какая великая вещь — общий знаменатель. Это могучая сила, способная разрушить мир и тут же создать иллюзорную пародию на разрушенное. А потому нужно всегда держаться поближе к общему знаменателю.

Иногда Велесу казалось, что свое отношение к сюжетам и исполнителям он определяет, интуитивно предугадывая будущий вердикт Общего Знаменателя, а вовсе не исходя из собственных вкусов. И думалось: а все же это неплохо — уметь, когда надо, слиться, но сохранять при этом возможность отъединенных ощущений и мыслей. Только с о х р а н я т ь возможность, ни в коем случае это умение сверх пределов приличия не использовать. Потому что когда (а это случилось лишь однажды, ну, в крайнем случае, два раза) он начинал злоупотреблять своей патологией, то в его сознании приоткрывалась и начинала очень нехорошо щериться какая-то неприятная прореха; внутри копошилось что-то, даже будто подмигивало, напоминающая... О чем? Велес пугался: о чем ему напоминают из этой щели?

И — о ужас! — он видел, что это он сам копошится и подмигивает самому себе из какой-то другой, жутковатой жизни, то ли еще не прожитой, то ли уже... Не было у т о г о Велеса рабочих рукавов, а была на голове маленькая черная шапочка со свисающей кисточкой, и вот кисточка-то особенно сильно пугала... Впрочем, это все неважно. А важно то, что серию «Происхождение жизни» прикрыли, потому, что Велес так пожелал, и иллюзиониста Ахурамазду загнали в свои пыльные чуланы-запасники, и певца-робота Пьюти сдали на слом. Они были скучными. Велес их не любил. Нужно быть проще — любить или не любить. И все.

До конца рабочей телесмены Велес посмотрел еще костюмированный бал-репортаж из анатомического театра XVII века, видеотчет о конкурсе едоков голотурий (происходящий, как уверял Симаргл, на глубине четырех тысяч метров), рутинный послеполуденный порноклип, попытался разгадать сильно идеологизированный гипноребус, впал на некоторое время в шекочущий неясными посулами и намеками транс, выпал оттуда, держа в памяти обрывок разгадки — «НЕ МОЙ САНИ САДИСЬ МИМО ВАРИАНТ ПЕРЕД ЕДОЙ ВАРИАНТ ЕСТЬ ПОКОЙ И ВОЛЯ», послушал затем объявление о требующихся телестудии специалистах (Велес по своим психофизиологическим индексам не подходил ни под одну из заявленных категорий), пострелял в видеотипе по крокодилам, кинг-конгам и силуэтам вражеских эсминцев...

— Снимай!

Фафнир тряс его за плечо. Велес покорно стащил рабочие рукава, отдал их сменщику и быстро пошагал к выходу из цеха, стараясь удержать в себе обрывки видеореальности и пошевеливая токающими несильной болью кистями натруженных рук. Он выбрал нужного цвета транспортный патрон, впихнулся и поехал домой.

Симаргл должен был сдать Велеса с рук на руки ведущему транспортной программы Уцилопочтли: в дороге Велес привык потреблять печальные блюзы, сопровождаемые абстрактно-динамическим видеорядом. Но едва он расслабился, как без всякой заставки, с чьего-то полуслова в сознание влезла совершенно посторонняя программа. Студия оформлена с библейской простотой, четверо или пятеро яйцеподкладочников (или белоголовых — что-то в этом роде) яростно вопили, перебывая друг друга, о наркозекспизме, об атрофии социоагрессивного начала, оращении масс-медиа с административной системой. Ведущий отсутствовал. С губ скандально спорящих летела пена. Чья же это программа? Может, Велес сел не в тот патрон? А

может... (тут внутренности его неприятно скомкало, как от утренного зевка) подпольное вещание?

Сообщить.

Как, кому? Ведь услышать безмолвный крик его психики могут только эти вспененные от ярости яйцеголовые. Ага, вот оно, «яйцеголовые». Правильно. У них свой профессиональный клан, свое вещание. Зря испугался. Но смотреть, впрочем, все равно не стоит.

Вот это да! На лбу одного из спорщиков образовалось широкое красно-влажное зияние. И яйцеголовый повалился со стула. В студии появились новые участники передачи — в спортивных трусах, гетрах, майках, загорелые, чистые, мускулистые. В руках держали прыгающие-дергающиеся штучки... вроде гайковертов. Яйцеголовые быстро улеглись на пол студии и замерли в самых неудобных позах. Интересно, долго они так смогут пролежать? Велес не мог определить, понравилась ему эта инсценировка или нет. Противное ощущение неопределенности. Но следующую серию ему смотреть не хочется, это ясно. Хорошо, что транспортный патрон уже прибыл по назначению. Велес вылез, катапульта забросила его на нужный ярус, а в свой блок он добрал пешком, все еще встряхивая пальцами и стараясь вышелушить из памяти только что просмотренную передачу.

Не умыться ли с дороги? Может, ногти подстричь? А-а, они и так обломались за время смены, можно не стараться. Велес вступил в зону анализатора, который тут же исследовал мгновенный слепок психодинамики и скрытых вожделений клиента и подключил его к подходящей ночной программе.

Перед Велесом распростерлась задумчивая морская гладь. В нее степенно, подбирая юбки и приседая, сходило солнце. Последние его лучи озаряли шеренги теряющих девственность виолончелей... Это была новинка. Зримая реализация накопившихся в подсознании абсурдобразов, сюрметифоров и оксюморонов. Велес захихикал: было свежо, очень волновало. Но вдруг все на полувздохе оборвалось. Короткий такт общепрограммной «вертушки» — и включились камеры Официальной Студии. Старый импозантный, слегка сатиropодобный ведущий «вертушки» Замолксис объявил, что следующие три минуты каждый должен использовать на благо важнейших государственных интересов. Будет произведена ежегодная процедура избрания президента.

Велес привык, что Замолксис часто повторяет такие слова, как «волеизъявление», «стратегическая концепция», «претенденты». Вот эти претенденты — сидят сейчас в студии, Замолксис представляет их зрителям. Говорит, что Ягве умудрен опытом, Митра отличается высоким интеллектуальным коэффициентом, а Брихаспати чрезвычайно удачлив — вот удачлив, и все тут. Хорошо говорит Замолксис, голос красивый. Велес доверяет Замолксису. И знает, что в «вертушке» всегда нужно участвовать. Чтoб потом можно было спокойно жить, выбирать любимую программу, квалифицированно трудиться по идеально соответствующей его психофизиологическим данным специальности. Велес в который уж раз остро ощутил, как он благодарен Замолксису за то, что у того такие красивые морщины и ласковые, хотя и требовательные глаза, и неброский, но отлично сшитый костюм классического стиля. Симаргл, вообще-то, тоже душка, но... тут совсем другое дело. Симаргл развлекает, а Замолксис утешает и подставляет плечо, освобождая от неудобств раздвоенных желаний, от страшных щелей в сознании, где шевелится и мигает что-то, никак не забываемое и никак не вспоминающееся...

Вот надежный и мудрый Замолксис показывает своих претендентов, среди которых есть и один президент, который в то же время и претендент, хотя остальные семеро не президенты, хоть и претенденты... А, ну да — президент хочет стать президентом еще раз, на второй годовой срок.

Тут мысли перебило отчетливое приказание: выбирать. Самого достойного, самого мудрого, самого надежного.

Ну, Велес, понятно, не затрундился. Компьютер выбросил на табло результаты выборов. Как он растерялся, испугался даже, наш застенчивый Замолксис. Чего ж он удивляется, разве он забыл о могучей силе, нашем Общем Знаменателе?

Растерянность Замолксиса сразу смазалась на фоне радостных лиц студийных, высыпавших под объективы камер. Обнимаются, трясут новому президенту руку. В толпе шныряет вос-

торженная спортивная молодежь в трусах, майках и с этими... вроде гайковвертов. И лицо Замолксиса, крупно взятое одним из операторов, уже не кажется испуганным, а снова олицетворяет мудрое всеведение и жертвенность. Привычный штришок сатиropодобия лишь помогает увидеть в президенте живого, не лишённого слабостей компатриота.

Удовлетворенный Велес был погружен кодированным теле-сигналом в глубокий освежающий сон без сновидений.

На следующий день особенно празднично принаряженный Симаргл, окруженный молодежной спортивной компанией, весело и непринужденно (в ударе!) сплетал и связывал оригинальными узелками-репризами разнообразные сюжеты. По всему было видно, что он прибегает какой-то сногшибательный сюрприз.

Сюрпризом оказался президент Замолксис. После спортивного репортажа (соревнования по ватербоксу, супертяжеловесы) и требовательного такта «вертушки» он принял из рук Симаргла затуманенный прохладой напиток бокал, выронил из глаза сверкнувший чистым лучиком монокль. Струя ветродуя шевелила седые телепрезидентские пряди, и казалось, Замолксис разговаривает с Велесом, стоя на обдуваемом романтическим бризом морском побережье. Поднадоевшая Официальная Студия канула — да здравствует демократизм нового курса! Было сказано несколько проникающих в самую душу слов о величии общей цели и необходимости сплоченных действий, кратко освещены были и направления, по которым в ближайшее время предстоит развиваться вещанию, затем Замолксис стряхнул с атласных лацканов налипшее

конфетти, игриво скосил глаз в бокал, сообщил, что объявляет войну Бананаландии, от души поздравил сегодняшних именинников и сам объявил следующий номер — трио «Заряд бластера»...

Велес встретил утро, сидя в выкопанной кем-то яме, пахнущей сырой землей и прелыми листьями. Дождевая дробь барабанила по металлической каске. Ветер обдувал голое горло. Тяжелая штучка, виденная не раз в руках озорной спортивной молодежи, валялась под ногами в жидкой грязи.

Велес напрягся и принялся обшаривать эфир в поисках какого-нибудь доступного здесь диапазона. Без рукавов ничего не достигалось. Только смутные аудиовизуальные ошметки, рассыпающиеся в прах, едва попытаешься на них сосредоточиться. От напряжения этих попыток и от разочарования он почувствовал сонливость. Сон не был глубоким и освежающим, вскоре он перешел в реальность. Откуда-то издалека в его яму сочилось и стекало эхо тысячеголосого то ли стога, то ли визга, то ли хорового пения, будто вдалеке гудела и переминалась застоявшаяся, небывалая по числу участников массовка. Над краем ямы показалось мокрое и грязное лицо Фафнира; он бросил Велесу рабочие рукава. Они были грязно-зеленого цвета, на каждом — по узкой желтой нашивке, пахли складской пылью.

Тысячеголосое эхо ревело все громче, разрастаясь, вспучиваясь и нависая над краем... Вот-вот хлынет, покатится, захлестнет... Велес натянул рукава и успел уловить, как дрогнули и закаменели пальцы, превращаясь в универсальные, не знающие промаха манипуляторы.

Пролог

*Я скажу это начерно, шепотом,
Потому что еще не пора:
Достигается потом и опытом
Безотчетного неба игра...*

О. Мандельштам

Было около полуночи, когда он решил уйти.

В какой-то момент ему вдруг стало невыносимо противно и скучно оставаться здесь дальше, в этой шумной компании незнакомых людей. Не хотелось принимать решительно никакого участия в их полупьяных дебатах, несмотря на то, что у самого в голове уже изрядно шумело от алкоголя, не хотелось натужно таращиться в телевизор и пытаться разобрать звуки сквозь галдеж в комнате, и уж тем более совершенно не хотелось ни есть, ни пить. Он подумал, что хорошо бы сейчас просто вернуться в гостиницу, оказаться в тишине, прохладе и мраке, растянуться на казенной кровати и забыться до утра. В очередной раз он выругал себя за то, что поддался на уговоры Игоря и потащился с ним сюда в такую распутицу. В результате все равно ничего не изменилось: настроение осталось таким же скверным, как и было, время продолжало неумолимо приближаться к завтра. А оно, это завтра, непременно обещало быть с нудной головной болью и мелкой дрожью в конечностях.

Ну ладно, достаточно, сказал себе Сергей и поднялся из-за стола. Лавируя между спинами, мебелью и дверными косяками, он пробрался к выходу. В прихожей его настиг Игорь. Лицо его искажилось в немом вопросе.

— Я пойду, — сказал Сергей твердо.

— И куда? — поинтересовался Игорь, почесывая в затылке.

Журнальный вариант.

— В гостиницу, — ответил Сергей, вздохнув. — Куда же еще?..

Он стал одеваться и обнаружил сильное нарушение координации движений. Решение, однако, было принято и отступить нисколько не хотелось.

Игорь закрыл дверь в прихожую и навалился на нее спиной.

— Не дури, Серега, — сердитым тоном произнес он. — Во-первых, ты пьяный!..

— Вполне нормален, чтоб дойти, — произнес Сергей упрямо.

— ...во-вторых, поздно, черт возьми! Ты пешком, что ли, собрался топтать? Города не знаешь, заблудишься на фиг!..

— Здесь, надеюсь, недалеко — как-нибудь доберусь. Гостиницу я должен узнать... Да и проветрюсь заодно перед сном.

Сергей двинулся к выходу, но Игорь встрепенулся и преградил ему дорогу.

— Вот что! — заявил он. — Я тебя сюда привел — я тебя отсюда и уведу! Давай раздевайся. Через час вместе пойдем, и делу конец!

Сергей знал по опыту, что подобные обещания Игоря ничего не стоят, к тому же алкоголь сильно катализировал его упрямство. Он решил схитрить.

— Ладно, ладно, — примирительным тоном проговорил он. — Я только прогуляюсь вблизи дома. Что-то штормит... Вернусь через пятнадцать минут.

Игорь недоверчиво сдвинул брови, несколько секунд помолчал и сдался.

— Хорошо, — медленно выговорил он. — Через пятнадцать минут. И не советую далеко отходить от подъезда!..

Сергей захлопнул за собой дверь и хотел быстро спуститься по лестнице, но быстро у него не получилось. Его слегка шатнуло, бросило на прохладную шершавую стену, и он сбавил темп.

На улице оказалось темнее, чем он мог предположить. Чер-

ными параллелепипедами проступали из окружающего мрака приземистые дома, редко унизанные желтыми квадратами светящихся окон. Микрорайон спал. Уличных фонарей здесь либо не было вовсе, либо они были отключены, и темень очень походила на деревенскую. Моросивший с утра дождь прекратился, зато усилился ветер.

С минуту Сергей постоял на ступенях подъезда, пытаясь вспомнить, откуда они с Игорем сюда подошли, но тщетно. Кажется, они о чем-то спорили, пока добирались, поэтому Сергей совсем не глядел по сторонам.

Он даже подумал: а не вернуться ли обратно? Подышать этак минут пяток, и вернуться. Но эта мысль тут же была вытеснена другими: обрывочными, несформировавшимися — а почему это, собственно, я должен возвращаться... тут же, собственно, недалеко должно быть... Он плотнее запахнул плащ, шагнул со ступеней в лужу и нетвердой походкой двинулся к какому-то узкому проходу между домами напротив. Он помнил, что было какое-то шоссе, которое они по пути пересекли. Однако шоссе за домами не оказалось — за домами был деревянный забор, простирающийся вправо все дальше и дальше. Это обстоятельство не смутило Сергея, рассудившего, что любой забор рано или поздно кончается. Он повернул направо и зашагал по тротуару вдоль забора, даже не оглянувшись, чтоб посмотреть, откуда он вышел.

Он обнаружил себя стоящим у стены какого-то дома, упершимся обеими руками в нее, с широко расставленными ногами, словно при обыске. Его слегка мутило и уже потрясывало от холода. Порывами налетал ветер. Забора нигде и в помине не было. Зато была какая-то дорога, довольно слабо освещенная и совсем безжизненная. На противоположной стороне ее чернело что-то похожее на пустырь, за которым смутно виднелся то ли лес, то ли роща. Нужно было куда-то идти, чтоб не замерзнуть.

Сергей с трудом разглядел впереди по ходу улицы что-то, напоминающее перекресток. Подняв воротник плаща, он сунул руки в карманы и, съжившись, побрел в сторону перекрестка, не очень, впрочем, надеясь на то, что там что-нибудь прояснится.

У перекрестка почти ничего не прояснилось. Путь Сергею пересекла другая дорога с таким же неясным происхождением, как и первая. Только здесь, на перекрестке, он заметил, что вдоль противоположной стороны дороги простирается ограждение из металлической сетки. Ограждение было высотой в человеческий рост, и ржавая, в водных каплях сетка провисала во многих местах, едва держась на покосившихся деревянных столбиках. Ограждение тянулось как до, так и после перекрестка, и с той и с другой стороны растворяясь в сумраке ночи. Назначение сетки казалось Сергею совершенно необъяснимым, поскольку за ней, похоже, не велось никаких строительных работ. По крайней мере, он их не заметил, как ни пытался всмотреться в темноту за проволокой. Он увидел лишь темные массивные фигуры разноэтажных жилых домов с редкими вкраплениями освещенных окон, размытые пятна огородов частного сектора, какое-то административное здание, автобусную остановку у дороги — словом, ничего такого, от чего стоило бы отгораживаться металлической сеткой. Где-то вдаль, в глубине, одиноко торчал высотный дом, и Сергею почему-то взбрела в голову мысль, что этот дом вполне мог бы оказаться гостиницей, где его ждет не дожидаясь постель.

Оглядевшись еще раз в надежде найти живую душу в окрестностях, Сергей пересек дорогу по направлению к ограждению. Именно здесь, на перекрестке, сеточная полоса имела разрыв шириной метра полтора, и через него почти на самую дорогу вылезала узкая лента транспортера. Сергей подошел и тупо рассматривал его несколько минут. Транспортер был самым заурядный. Располагался он на уровне пояса и по эту сторону ограждения высывался лишь его конец длиной не более трех метров. По ту сторону сетки длинная черная, латанная-перелатанная резиновая лента протянулась метров на десять или пятнадцать. На том же конце располагался привод транспортера, прикрытый от дождя какими-то кожухами, тут же рядом стояла маленькая покосившаяся строительная будка, от которой к транспортеру тянулись кабели.

Сергей, кряхтя, вскарабкался на ленту транспортера. Он немного постоял на нем, пару раз подпрыгнул, сделал несколько шагов и остановился. Ему показалось, что сквозь щели будки пробивается еле заметный тусклый свет.

— Эге-гей!.. — крикнул он хрипло. — Есть кто живой?!

Несколько секунд он прислушивался и совсем было собрался идти дальше, как вдруг внутри будки послышался глухой стук, и наружу, скрипнув дверью, выскочила приземистая фигура в телогрейке.

— Привет, друг! — сказал Сергей. — Я тут немного заплутал...

Фигура приблизилась к транспортеру. Это оказался заспанный взъерошенный парень, с виду ровесник Сергея.

— Ты кто?.. — удивленно и, как показалось Сергею, немного испуганно спросил парень.

— Прохожий, — ответил Сергей, — Мне в гостиницу надо...

— А че ты на этом стоишь?.. — непонимающе спросил парень, указывая на транспортер.

— Это запрещено? — осведомился Сергей. — Понимаешь, я нездешний... Я ищу гостиницу.

— А ты тут откуда? — продолжал глупо тарашиться парень.

— Ну как сказать... — Сергей озадаченно пожал плечами. Он начинал мерзнуть.

— Так ты оттуда, что ли, пришел?! — вдруг воскликнул парень и махнул рукой в сторону перекрестка.

— Ну да, — сказал Сергей. — А что, собственно, в этом такого? Я же говорю: заблудился...

Парень издал нечленораздельный звук и стал озираться по сторонам. Сонливое выражение в одно мгновение исчезло с его небритого лица.

— А ты чего стоишь-то? — проговорил парень каким-то странным, замирающим тоном. — Ты иди сюда... Вот ведь, елки-палки... Слезай давай...

Сергей прошагал по транспортеру и спрыгнул на землю.

— Скажи только, как добраться до гостиницы, — сказал Сергей, — и я пойду себе дальше.

Парень лихорадочно замотал головой и открыл дверцу будки.

— Зайди, это самое... согрейся, что ли! — забормотал он. — Я сейчас... Я расскажу... Проходи!

Сергею не хотелось спорить с этим странным типом, и он покорно ввалился в будку.

— Ты меня подожди, я сейчас... — сказал парень приглушенно у него за спиной. — Садись, не стесняйся.

— Ты куда, друг? — обернулся Сергей.

Парень стоял в проеме, придерживая дверь, и переминался с ноги на ногу.

— Да я это... На секунду! — нетерпеливо обронил он, косясь куда-то в сторону. — Приду и все объясню, ага? Обожди чуток, мне надо...

Прежде чем Сергей успел что-либо ответить, парень исчез, и дверь, скрипнув, захлопнулась.

Сергей недоуменно пожал плечами и осмотрел будку. Половину ее занимал обшарпанный стол, на котором валялась замушенная колода карт, книга учета в картонных корках, обрывки газет с пищевыми крошками и грязный, залепанный стакан. Вплотную к столу примыкала широкая скамья, одновременно служившая, видимо, и кроватью. На нее был брошен старый ободраный матрац. Под столом гудел мощный строительный обогреватель. В будке было тепло.

Цокнув языком, Сергей уселся на матрац. Снаружи не доносились никаких звуков, кроме порывов ветра. Он помассировал руками шею и зевнул.

Прошло еще несколько минут. Он встал и выглянул из будки. В лицо ему недружелюбно ударил ветер. Парня в сумерках нигде не было видно. Нырнув обратно, Сергей опять сел на скамью и привалился спиной к стене.

— Ну? — изрек он в пустоту. — Что дальше?

Он уже согрелся, и страшно не хотелось опять выходить в эту промозглую темноту. Прошло еще минут пять, а может, десять. Парень и не думал появляться. Тепло разморило Сергея не на шутку, и его стало упорно клонить в сон. Потом он обнаружил, что уже лежит на матраце, что у него уже нет никакого желания с него вставать, и что там происходит сейчас в мире и произойдет дальше, его совершенно не касается. Ему было тепло, ему было мягко, а все остальное казалось уже абсолютно несущественным. Он даже не успел подумать, что случится, когда обитатель будки вернется, ибо это была слишком сложная мысль для его меркнувшего сознания.

Часть первая

РЕЗЕРВАЦИЯ

Пойми значение сменяющихся дней.

Чем ты внимательней, тем речи их слышней.

Все, что случается, поистине похоже

На то, что видел мир, когда он был моложе

Абу-ль-Аля аль-Маарри.

Его разбудил шум снаружи. Открыв глаза, Сергей увидел потолок, покрытый облупленной краской, и прямо над собой — широкую пыльную полосу света, бившую из грязного окна будки. Никого, кроме него, в будке не было. Он пошевелил затекшей шеей и прислушался к звукам. Кто-то что-то выкрикивал в отдалении, перемежая слова матом. Где-то совсем рядом надрывно, с интервалом в несколько секунд, сигнализала машина.

Сергей взглянул на часы. Под десятого утра. Опасаясь резких движений, он сел. Самочувствие на первый взгляд было ничего, не считая, конечно, сухости во рту и тупой толкающей в затылок боли. Он отметил, что могло бы быть и хуже. «Романтик хренов», — буркнул он и стал растирать лицо ладонями.

За пределами будки произошло оживление. Кто-то смачно свистнул, а потом заорал: «Яшка, заводи шарманку!» Машина издала еще один протяжный гудок. Забуксали шаги, и в будку заглянул какой-то небритый тип в засаленной кепке, брезентовой штормовке и с сигаретой в зубах.

— Яшка где?! — выпалил тип хрипло. — Отпускать машину — надо!..

— Понятия не имею, — медленно проговорил Сергей и пожал плечами.

Тип сматерился, хотел было выйти, но потом пристально посмотрел на Сергея, не переставая дымить сигаретой.

— А ты вообще кто? — почему-то спросил он с сомнением на лице. — Конторский, что ли?

— Я не конторский, — сказал Сергей, зевнув.

— А кто? — опять спросил тип. В этот момент машина снова засигналила. — Тьфу ты, мать твою!.. — выпалил он. — Куда Яшка-то подевался? Почему этого гада нет на месте?

Плюясь и ругаясь, он выскочил из будки. Забавно, подумал Сергей. Похоже, что парень, приютивший его, так и исчез куда-то.

Он осмотрел свой наряд: брюки и плащ, разумеется, были измяты. Сергей извлек из внутреннего кармана плаща расческу и причесался. Пить хотелось все сильнее. Итак, первым делом надо добраться до гостиницы, привести себя в порядок, выпить таблеточку... Хватит расслаживаться, сказал он себе, встал, потянулся, хрустнув суставами, опять зевнул и вышел из будки.

В противовес нескольким последним серым и слякотным дням светило солнце. Ветер смилостивился и стих.

Выяснилось, что будка и транспортер располагались прямо у дороги, тянувшейся сюда с самого перекрестка. На противоположной ее стороне, чуть поодаль, сиротливо стояла собранная из бетонных плит автобусная остановка. Разбудивший Сергея грузовик стоял перед самой будкой. Кабина с распахнутой дверцей пустовала, а задний борт был откинут. Возле него сучили в ожидании две фигуры. По другую сторону изгороди, у конца транспортера ждал фургон.

Сергей опять удивился, зачем и кому это понадобилось — создавать себе дополнительные проблемы и перегораживать металлической сеткой дорогу, по которой, без всякого сомнения, когда-то ходил городской транспорт. Высотный дом, который он приметил ночью, теперь, при дневном свете оказался жилым и никак не походил на гостиницу. Это слегка огорчило Сергея. Утешало лишь то обстоятельство, что он не пошел к нему ночью. Вот был бы номер!

Он неторопливо приблизился к машине без водителя и обогнул ее. Метрах в пятидесяти он увидел светло-желтое двух-

этажное административное здание. В некотором отдалении от него стояли двое. Один из них, высокий молодой парень, был в милицмейской форме, второй — тот самый небритый тип в штормовке, который заглядывал в будку. Тип в штормовке что-то эмоционально объяснял человеку в форме и по очереди показывал рукой то на будку, то на машину за ограждением. Сергей решил, что представитель правопорядка есть наилучший консультант в деле поиска гостиницы, и медленно направился к ним. Пока он приближался, тип в штормовке махнул рукой, отстал от милиционера и промчался мимо Сергея, бросив на него по пути подозрительный взгляд. Видок у меня, должно быть, что надо, подумал Сергей, ощупывая щетину.

Ростом милиционер оказался чуть выше Сергея; был он темноволосый, коротко стриженный, и на вид ему было около тридцати лет. На боку висела кобура с пистолетом и рация, но почему-то не было никаких лычек на погонах серой форменной куртки.

— Здравствуйте... — сказал Сергей, останавливаясь перед ним.

Милиционер коротко кивнул в ответ. Он очень уж пристально стал осматривать его с ног до головы, отчего Сергей почувствовал себя немного неуютно.

— Не подскажите, как добраться до гостиницы? — осведомился он.

— До гостиницы? — слегка удивленно переспросил милиционер, приподняв брови. У него были живые карие глаза, и они смотрели на Сергея как-то странно.

— Я первый раз в вашем городе, — пояснил Сергей. — Понимаете... Мне бы в гостиницу надо.

— То-то я смотрю — лицо незнакомое... — проговорил милиционер и задумчиво нахмурился.

— А вы знаете в лицо всех в городе? — осторожно поинтересовался Сергей.

Милиционер пропустил его вопрос мимо ушей. Он оглянулся по сторонам, затем снова впери в Сергея внимательный взгляд. Лицо его уже не было хмурым, оно было серьезно-сосредоточенным.

— Ничего не понимаю, — произнес он медленно. — Как же вы проникли на нашу территорию?

— На какую это — вашу? — не понял Сергей. — В каком смысле?

— Вы попали на территорию резервации, — пояснил милиционер. — Вы что, сетку не видели? Вы откуда что, сквозь нее прошли?

— Почему — сквозь?.. По транспортеру, — озадаченно сказал Сергей. — Я же говорю, что я приезжий... Ночью искал гостиницу. Думал, может, этот вот дом и есть... Погодите... Какая еще резервация? — спросил он.

— Ах, по транспортеру, — удивился милиционер. — Невзирая, понимаешь, на ограждение. — Он сокрушенно покачал головой. — По транспортеру! — повторил он, вздохнув. — Это ж надо, а! Нарочно не придумаешь.

Сергею все это уже начинало не нравиться.

— Вы сказали: «резервация»... — начал было он.

— Погодите, погодите, — поспешно перебил его милиционер. — Сначала расскажите все по порядку.

Сергей растерянно пожал плечами и стал рассказывать. Пока он говорил, лицо милиционера становилось все серьезнее и сумрачнее. Он уже глядел не на Сергея, а куда-то вдаль, в сторону перекрестка, и все время покусывал нижнюю губу. Когда Сергей закончил, он снова вздохнул и произнес:

— Теперь все понятно.

— Что понятно? — спросил Сергей, — Мне, например, ничего непонятно.

— Все, — повторил милиционер и посмотрел на Сергея с сочувствием. — Даже прямо не знаю... Хоть смейся, хоть плачь. А почему вас никто не предупредил?

— О чем?
— О том, что в городе существует резервация?
— Не знаю... — протянул Сергей хмуро. — Пойдите... Я понять не могу... Что значит — резервация?
— Вы в первый раз слышите о резервациях? — удивленно вскинул брови милиционер.

Возникла некоторая пауза. В голове Сергея торопливо заворачивались мысли. Милиционер продолжал пристально изучать его.

— Это о каких резервациях?.. — обмирая, вымолвил Сергей. — Это о которых писали...

— Да, да, — проговорил милиционер. — О них. Много писали в свое время. Вспомнили?

— Но как же... — ошеломленно выдохнул Сергей. — Пойдите...

В памяти его лихорадочно стали всплывать обрывочные сведения прошлых лет на эту тему, полученные из газет, телевидения... Стремительно начало нарастать в груди волнение.

— Нет, я, конечно, помню, — пробормотал он. — Много шумихи тогда было... Но... Сейчас же, вроде, молчат!.. Сколько лет-то прошло!

— Сейчас, конечно, молчат, — кивнул милиционер. — Но резервации от этого, к сожалению, не исчезли. Просто про них забыли. Привыкли...

— Минутку, минутку... — Мысли были сбивчивыми и лезли одна на другую. — Нет, я раньше наверняка слышал, что тут что-то такое есть... Но я как-то не предполагал... Да вчера, если признаться, мне это просто в голову не пришло! Даже и не думал...

— Вот видите, как получилось, — сказал милиционер. — Не думали, а угодили.

— Так... — сказал Сергей и умолк, пытаясь собраться с мыслями.

Это получалось плохо. Сердце стало гулко колотиться, где-то внутри разрастался мерзкий противный холодок.

— Стало быть, я в резервации? — проговорил Сергей.

— Угу, — сказал милиционер.

— Стало быть, я не смогу отсюда выйти?

— Угу, — снова сказал он и на лице его опять возник оттенок сочувствия.

— Почему... не смогу?! — выдавил Сергей, пытаясь сохранить спокойствие.

— Такой, понимаешь, закон, — ответил милиционер, пожимая плечами. — «Принцип четности» называется.

— Принцип четности... — повторил Сергей и облизнул губы. Во рту было сухо. — Как это понять — закон?

— Ну, правило такое. Понимаете?

— Правило... — пробормотал Сергей. — Ничего я не понимаю... Погодите!.. Ладно... А что мне может помешать? — взволнованно спросил он. — Ну, выйти отсюда... Или — кто?

— Оболочка не пропустит, — ответил милиционер невозмутимо.

— Оболочка? — переспросил Сергей, нахмурившись. — И где же она?

— По периметру резервации, — ответил милиционер. — Где же она еще может быть?

— Она что, невидима?

— Разумеется. Была бы она видимой — на кой бы ляд тогда ограждение поставили? Логично?

— Логично, — упавшим голосом сказал Сергей, — Все равно ни черта не понимаю!.. Как я тогда сюда зашел? Нормально ведь зашел! Без всяких Оболочек!

— Сюда — да, — кивнул милиционер. — Сюда зайти проблем нет! А вот обратно... В этом и есть фокус-покус. На то она и резервация.

— Бред какой-то, — сказал Сергей. — Что же это выходит?.. Значит, сюда зайти можно, отсюда выйти — нет?

— Совершенно верно, — подтвердил милиционер.

Сергей стоял в полном ошеломлении. Он ничего не понимал. То, что он узнал, не умещалось в его голове. Никаким образом не укладывалось. Просто не хотело, не желало укладываться. Все у него внутри сопротивлялось этому, кричало и недоумевало. Милиционер извлек из кармана пачку сигарет, жестом предложил Сергею. Он отказался. Милиционер неторопливо закурил, задумчиво глядя в сторону транспор-

тера, где продолжали ждать две машины. Затем он проговорил:

— Давно у нас ничего такого не было. Чтобы кто-то вот так случайно попался... Ну, местные-то все знают, не первый год кувыркаемся... Специально сетки протянули, специально!.. Транспортёр это вообще, по идее, единственное место, где можно зайти. Ведь надо же, а! Просто роковое стечение обстоятельств.

— Роковое стечение... роковое стечение... — зашептал Сергей. Он не знал, что делать. Его стало охватывать отчаяние. — Слушай! — Он схватил милиционера за рукав. — Ты это все серьезно? — От волнения он не заметил, что перешел на «ты». — Ты не шутишь?

Милиционер не удивился глупому вопросу. Он положил руку Сергею на плечо и участливо поинтересовался:

— Тебя как звать?

— Сергей, — выдавил Сергей уныло.

— Меня Кирилл, — сказал милиционер. — Будем знакомы. — Он сделал паузу, потом сказал, опустив глаза:

— Я не шучу, Сергей. Какие тут могут быть шутки? Многие хотели бы, чтобы это были шутки...

Видимо, на лице Сергея было написано сомнение, потому что Кирилл спросил:

— Не веришь?

Сергей не ответил. У него не было слов.

— Можешь проверить, — сказал Кирилл спокойно. — Все сомнения отпадут сразу. Хочешь проверить?

— Хочу, — сдавлено сказал Сергей.

— Тогда пошли на транспортёр, — решительно сказал Кирилл. — Попробуй выйти обратно. Сам увидишь.

Сергей молча развернулся и решительно двинулся к транспортёру. Кирилл последовал за ним.

— Я только хочу предупредить, — торопливо говорил он, идя рядом. — Ты должен знать. Во-первых, ты не дойдешь до сетки. Это потому, что граница находится ближе, где-то посередине транспортёра. Во-вторых, это будут очень неприятные ощущения...

Сергей хранил молчание. Лицо Кирилла приобрело очень серьезный вид.

— Слышишь меня, Сергей? — переспросил он. — Иди медленно и будь осторожен. Ты понял?

— Понял, — обронил Сергей. От этого деловито-рассудительного тона Кирилла на душе у него стало еще противнее.

Возле транспортёра уже суетились трое мужиков, включая небритого типа в штормовке. Подойдя к транспортёру вплотную, Сергей ненадолго замешкался, оглянулся на Кирилла. Тот слегка кивнул. Сергей запрыгнул на поверхность транспортёра. Конструкция, скрипнув, слегка качнулась под ногами.

— Эй-эй, ты чего?! — выпалил один из мужиков. — Сдурел, что ли?!

Не обращая на него внимания, Сергей сделал несколько шагов.

— Куда ты?! — полетело ему в спину. — Нажрался с утра?!

— Михалыч, это вообще кто такой?..

Послышались успокаивающие слова Кирилла, и через несколько мгновений мужики притихли.

На том конце транспортёра, возле крытого фургона, тоже молча и с любопытством наблюдали происходящее.

— Сергей, я рядом, — послышался участливый голос Кирилла. — Когда станет совсем плохо, сразу возвращайся, слышишь? С этим нельзя шутить!

Мелкими неторопливыми шагами Сергей продолжал идти по резиновой ленте, прогибающейся под каждым его шагом. Он почти уже достиг середины транспортёра, но не чувствовал ничего необычного. Только на душе стало вдруг тревожно. Он хотел уже было обрадоваться, что ничего не происходит, что этот парень в милицмейской форме ошибся, или, может, ему просто сейчас повезет, он дойдет до конца транспортёра и прыгнет... Но по мере продвижения вперед чувство тревоги вдруг странным образом переросло в ощущение печали, и с каждым шагом эта печаль разрасталась внутри Сергея как снежный ком. На секунду он, ничего не понимая, объяснял этим чувством, ошарашено замер. Потом робко сделал еще шаг и еще... Теперь это была уже не печаль, а безудержная тоска, хлынувшая в душу и заполонившая все его существо. Он по-

чувствовал неимоверную тяжесть в груди, застонал, пошатнулся и застыл на полушаге... Ему стало плохо, ему стало отвратительно и гадостно на душе настолько, что захотелось изо всех сил взвыть, зареветь, заскулить, застонать... Это была не просто тоска, это была вселенская тоска, смертная и жуткая, на части раздиравшая душу и лишающая его воли. «Господи, что же это...» — еле смог прошептать он в отчаянии и схватился правой рукой за грудь. С усилием он заставил себя сделать еще шаг. Ему показалось, что сердце сейчас разорвется, ноги подкосились, и Сергей упал на одно колено, упершись в резину свободной левой рукой. К горлу подступил комок, дыхание перехватило и на глаза навернулись слезы. Он уже ничего не видел и не слышал; ничего не существовало в мире кроме этой всепоглощающей тоски. Она заполнила каждую его клеточку, она рвалась наружу, она кричала в нем... Все вокруг было совершенно неважно и никчемно, и не хотелось жить с ней, с этой тоской, совсем не хотелось жить. Хотелось умереть, лишь бы избавиться от этого мучительного и невыносимого чувства... Он уже лежал, подтянув ноги к животу, обхватив руками голову, и стонал. Казалось, только тонкая неувловимая грань отделяет его от потери сознания. Как через ватное одеяло, словно из другого мира то пробивались, то вновь пропадали гулкие слова. Чей-то голос настойчиво повторял: «Назад... назад... назад...» Он плохо понимал потом, как ему удалось найти остатки сил, животных инстинктов, чтобы в полубессознательном состоянии каким-то образом откатиться, отползти на несколько шагов назад. Он смутно помнил, как затем его схватили за ноги и потащили, и чьи-то руки сняли его с транспортера и не дали ему упасть на землю...

Когда он окончательно пришел в себя, то обнаружил, что сидит на скамейке в полумраке заброшенной автобусной остановки. Напротив, через дорогу, виднелась будка и грузовик. Там уже вовсю кипела работа. Транспортер скрежетал и тархтел. По нему двигались какие-то большие деревянные ящики. Туда-сюда сновали фигуры грузчиков. Рядом сидел Кирилл и молча курил, наблюдая за их работой. Заметив, что Сергей пошевелился, Кирилл повернулся к нему и спросил:

— Ну ты как? Отошел?

Сергей ничего не ответил, подтянул ноги под скамейку и дотронулся ладонями до лица. Оно было мокрое от слез, и он стал размазывать их по щекам. Все кошмарные ощущения исчезли, осталось лишь чувство полнейшей опустошенности и легкой слабости внутри. Голова болела еще больше, чем раньше, и пить хотелось еще сильнее. На какое-то время им овладело чувство полного безразличия к себе и своей дальнейшей судьбе. Сейчас он был рад и тому, что кончился весь этот ужас, который он только что испытал.

— Скоро пройдет, — заверил Кирилл. — Потерпи еще немного.

Они молчали около минуты, потом Сергей сипло спросил, тяжело ворочая языком в пересохшем рту:

— Что это было, а?

— Оболочка, — ответил Кирилл. — Она тебя не пропустила, как я и предупреждал. Хорошо, что мы были рядом, а то провалился бы там дольше — потом отлеживался бы день или два... А то и вообще мог бы концы отдать.

Сергей наклонился и закрыл лицо руками.

— За что мне это?... — прошептал он.

— Тебе просто сильно не повезло, — сказал Кирилл сочувственно. — Чистая случайность.

Господи, думал отрешенно Сергей, ну чем я пред тобой провинился? Почему мне никто ничего не сказал? Ни одна сволочь вчера не сказала... Хотя.. Сам же слинял по-английски, сам! Стало быть, сам и виноват. Они, может быть, только и ждали, когда ты пойдешь, чтоб начать предупреждать и объяснять, что туда ходи, сюда не ходи... Маразм. Идиотизм. Но Игорь-то! Неужели и он ничего не знал? Или тоже вылетело из головы?... Под водочку, под джинчик, знаете ли, многое может вылететь... А собственно, какая теперь разница, подумал он вяло, кто виноват, да почему так, а не эдак? Сейчас надо думать, что делать...

Он медленно отнял руки от лица и посмотрел на Кирилла. Тот затоптал окурки и поправил кепку.

— Скажи... э-э, Кирилл, — проговорил Сергей уныло. — Вот что мне теперь делать?

— Главное, ты успокойся, — ответил Кирилл. — Не пори, понимаешь, горячку. Теперь ты понял, что отсюда нет выхода? Понял. Это происходит, кстати, не только на транспортере. Это в любом месте, где ты попытаешься пройти через Оболочку. Картина везде одна и та же.

— Спасибо на добром слове, — хрипло обронил Сергей.

— У тебя был один-единственный шанс вернуться, — вдруг сказал Кирилл. — Это сразу же, как только ты вошел.

Сергей резко выпрямился и развернулся к нему.

— Это как? — спросил он хмуро.

— А так, — сказал Кирилл. — Тоже такое правило. Понимаешь, когда ты прошел оттуда через Оболочку, в ней образовался Проход. Временный, понимаешь? Ненадолго. Как дырка... Кто-то через него может выйти. Но один! Потом Проход закрывается. Если бы ты сразу вернулся, то ты бы вернулся, и все! Ничего бы не было. Но через него ушел Яшка, Проход закрылся, а ты остался.

— Вот же сукин сын, — вымолвил Сергей мрачно.

— Яшка всегда был дерьмо, — сказал Кирилл. — Я давно его знаю. Теперь, наверное, считает себя самым везучим в мире. Говорил я им: уберите вы его, блин, от транспортера! Ведь дожидетесь, что спорет какую-нибудь лажу... Вот и пожалуйте ста.

— Но почему так? — угрюмо спросил Сергей.

— Ты о чем?

— Почему только один может через Проход выйти?

— Ну вот не знаю, — развел руками Кирилл. — Принцип четности, вот и все. Это не мы придумали. Только, ради бога, не спрашивай — кто! На это тебе никто не ответит.

— Да я и не спрашиваю... — тяжело вздохнул Сергей и откинулся на холодную каменную стену. — Я вот не знаю, что мне теперь делать и куда бежать.

— Бежать тебе, по идее, некуда, — заверил его Кирилл. — Тебе сейчас надо привыкнуть, обжиться и так далее... Ты здесь надолго, понимаешь?

— На сколько? — тихо вымолвил Сергей.

— Этого тоже никто не знает, — сказал Кирилл, помолчал и добавил:

— Сергей, тут у нас в резервации очень много всяких дуростей... Мы сейчас знаем как поступим? Я тебя сейчас в мэрию провожу, все равно тебе туда надо сперва. На учет встать и остальное...

— Куда? — спросил Сергей. — В мэрию?

— Ну да, — сказал Кирилл. — Вот она, — он показал пальцем через дорогу на желтое административное здание. — Это мэрия нашей резервации. Объяснишь, значит, там все, расскажешь про себя, ну и так далее... Ты как себя чувствуешь? Идти можешь уже?

— Могу, — Сергей поднялся. — Башка только болит и пить хочется страшно.

— Тогда идем, — вскочил Кирилл.

Они зашагали к желтому зданию. Сергей напарил в кармане плаща жевательную резинку и сунул в рот. Он еще не совсем отошел от шока и все происходящее воспринимал слегка отстранено. Главное для него сейчас было — не замкнуться на собственных мыслях.

— Кирилл, а ты кто? — угрюмо поинтересовался он по дороге.

— Здешний полицейский, — ответил Кирилл.

— Полицейский? — повторил Сергей немного недоуменно. — Значит, у вас полиция? Почему полиция, а не милиция?

— Не знаю. Так вот порешили когда-то, и все. Какая разница-то?

Они поднялись по выщербленным ступеням парадного входа и вошли в прохладное помещение, освещенное лампами дневного света. Из вестибюля влево и вправо уходили коридоры, в центре, напротив входа, широкая лестница вела на второй этаж. Группа подростков с шумом сбежала по ней и, прошмыгнув мимо Сергея и Кирилла, выскочила на улицу. Кирилл увлек Сергея в левый коридор. Перед третьей или четвертой дверью с самодельной табличкой «Мэр» они остановились. Сергей вытащил жвачку изо рта и пробормотал:

— Я в таком виде...

— Ничего, я все ему объясню, — успокоил Кирилл. — Мэр у нас мужик что надо. Ты подожди пока здесь минуту.

Он постучался и тут же скользнул в кабинет, закрыв за собой дверь. Оставшись в коридоре один, Сергей прислонился лбом к прохладной крашеной стене. Ужасно хотелось пить. Ведь это ж надо в такое дерьмо вляпаться, тоскливо подумал он. Уму ж непостижимо. Он попытался отогнать надвигающиеся черной тучей тяжелые мысли, решив переключить внимание на поиски воды. Он знал, что это временно, что эти думы еще овладеют им, и душевные муки еще впереди... Но только не сейчас, думал он, только не надо об этом сейчас... Сейчас бы только воды. Стакан, а лучше два или три... Такой тепловатой, хлорированной, пахнущей ржавчиной, но зато мокрой, очень мокрой, просто фантастически мокрой и фантастически жидкой воды... Сергей поплелся по коридору в надежде найти туалет, поглядывая на двери, оснащенные такими же, как на двери мэра, самодельными табличками. «Отдел снабжения» — гласила табличка на одной из дверей, на другой — «Кадровый отдел», еще дальше — «Транспортный отдел». Сергей почти дошел до окна в самом конце коридора, как за спиной раздался голос Кирилла:

— Иди сюда!

Сергей вернулся. Кирилл вышел в коридор, прикрыл дверь и торопливо заговорил:

— Значит, поговоришь с ним, расскажешь о себе... Я предварительно его ввел в курс. Он тебе объяснит, что делать. Мне надо срочно бежать, так что ты давай дальше сам... Не падай духом, ладно? — Кирилл заглянул ему в глаза. — Сергей, слышишь?

— Постараюсь, — хмуро ответил Сергей.

— Это ведь еще не конец, — сказал Кирилл. — Правильно? Сергей взялся за ручку двери.

— В общем, я ушел, — бросил Кирилл и подмигнул Сергею. — Пока.

Он почти бегом устремился по коридору и пропал. Сергей глубоко вздохнул и зашел в кабинет.

Большую его часть занимало несколько столов, классически расставленных буквой «Т», с аккуратно задвинутыми стульями. Мэр, как и положено, сидел за центральным столом. Это был коренастый мужчина в черном костюме, лет пятидесяти, с седеющими, зачесанными назад густыми волосами и задумчивым взглядом. На столе, кроме огромного количества бумаг и папок, находились еще настольная лампа, телефон и перекидной календарь.

— Здравствуйте, — охрипшим голосом проговорил Сергей.

— Здравствуйте, — сказал мэр и указал рукой на место за столом перед собой. — Присаживайтесь, пожалуйста.

Сергей прошел, сел за стол и сложил перед собой руки. Мэр несколько секунд изучающе осматривал его, а потом сказал:

— Давайте знакомиться. Меня зовут Илья Максимович Посаженнов. Я являюсь здесь высшим должностным лицом. — Он сделал небольшую паузу. — Кирилл в общих чертах обрисовал вашу ситуацию. Расскажите подробнее: кто вы и откуда.

Сергей облизнул пересохшие губы.

— Шепилов Сергей Иванович, — сказал он, и мэр тут же записал на календаре. — В ваш город приехал в командировку. Вчера утром. Мы с моим начальником остановились в гостинице... «Заря», кажется... Есть ведь такая? — спросил он. Мэр утвердительно кивнул.

И Сергей второй раз за сегодняшнее утро рассказал о своих приключениях, опустив только недавний эпизод с транспортом. Мэр внимательно слушал его и изредка кивал. Когда Сергей замолчал, спросил:

— Семья есть?

— Есть жена и дочь, но я с ними сейчас не живу.

— А родители?

— Родители есть, оба на пенсии.

— Понятно, — задумчиво проговорил мэр, снова делая какие-то пометки на календаре. — Видите ли, мы должны сообщить о вас. Давайте я запишу адрес — родителей или...

— Нет-нет! — поспешно сказал Сергей, — Ничего родителям сообщать не надо, я прошу. И жене тоже. Только начальнику, он мой друг, я с ним переговорю, и все. Этого будет достаточно. Только надо узнать телефон гостиницы или вашего парка культуры. Он сейчас уже должен быть там.

— Ничего не получится, — произнес мэр с сожалением. — С телефоном ничего не получится.

— Почему? — не понял Сергей.

— Отсюда нельзя позвонить. И сюда тоже. Связи резервации с внешним миром по телефону не существует. Такие, в некотором роде, правила игры.

— Какие еще «правила игры»? — недоуменно сказал Сергей. Снова возник неприятный холодок внутри. — Опять какие-то правила! А зачем у вас тогда телефон на столе?

— Это внутренняя связь, — пояснил мэр, — В пределах резервации. Мы ее сами тянули, когда поняли, что внешняя не работает и никогда не заработает. Пришлось повозиться со всей этой коммутацией. Так что, Сергей Иванович, с внешним миром общение у нас только почтовое.

— Хорошенькое дело... — проговорил Сергей. — Становится все интереснее и интереснее.

— Вы человек у нас новый, — сказал мэр, — вам ко многому еще предстоит привыкнуть. У нас в резервации хватает, так сказать, местных особенностей и достопримечательностей.

— Это их вы называете правилами игры? — спросил Сергей.

— Не совсем так, — качнул головой мэр. — Правила — это то, что от нас не зависит, то что нам дадено, так сказать, изначально. Их, вообще говоря, немного. Но дело в том, что на основе немногих правил появился уклад жизни многих людей. Со многими особенностями. Особенностей гораздо больше, чем правил. Понимаете?

Сергей не ответил. Он ничего не понимал и снова начал волноваться.

— Но кто это придумал такое идиотское правило, согласно которому я не могу покинуть вашу резервацию?

— Никто не может, к сожалению. Вы теперь всего лишь стали одним из многих.

— Но зачем?! — выпалил Сергей, — Зачем и кому это надо?! Вы можете ответить?

— Не могу, — сказал мэр, — Я ведь только мэр, а не господь бог. Я могу лишь помочь вам жить здесь. Могу помочь сделать вашу жизнь как можно более достойной на тот период, который вам отпущен. В рамках возможного, разумеется. Вот моя обязанность.

— А какой период мне отпущен? — тихо проговорил Сергей. — Насколько я тут застрял?

— К сожалению, этого никто не знает, — сказал мэр, пожав плечами, и грустно улыбнулся. — Я прекрасно понимаю ваше состояние. У вас сейчас масса вопросов. У меня мало времени, и я просто не смогу ответить даже на малую их часть. Давайте мы с вами решим насущные житейские проблемы. Итак, говорите координаты вашего начальника.

Сергей продиктовал. Мэр записал, несколько секунд молча что-то обдумывал, затем сказал:

— Значит, вам сейчас необходимо решить два основных вопроса. Первый — жилье, второй — трудоустройство. Без этого никак нельзя. Вы меня понимаете?

— Да... — не сразу ответил Сергей. Он тупо рассматривал царапины на полированной поверхности стола.

— Сначала вам придется зарегистрироваться, — продолжил деловито мэр. — Такой у нас порядок. Поднимитесь на второй этаж. Крыло на эту же сторону, не перепутайте — в противоположном у нас школа. Найдете «Отдел особого назначения». Начальника отдела зовут Кравец Владимир Николаевич. Он определит вас на жительство, поставит на учет, заполните у него анкету... Кравец объяснит вам наши принципы, на вопросы ответит. Теперь с работой. Вам надо будет подойти к нашему кадровику, на этом же этаже, только чуть подальше. Вы кто по специальности?

— Инженер, — сдавленно ответил Сергей. — Технический уклон.

— Понятно, — кивнул мэр. — В общем, переговорите с ним и определитесь.

— Скажите, — сказал Сергей уныло, — у вас здесь существуют товарно-денежные отношения?

— А как же, — поднял брови мэр. — Правда, цены на некоторые категории товаров могут отличаться от цен во внешнем мире, уж такого местная специфика... Сейчас поднимаетесь к Кравцу на второй этаж. Я предупрежу его, пока вы идете. Давайте устраивайтесь и не падайте духом.

Сергей тяжело и медленно поднялся и задвинул стул.

— Спасибо, — еще раз сказал он с вздохом. — Где тут туалет, не подскажете?

— В другом крыле, — ответил мэр, — Кстати, если дальше по коридору пойдете и свернете налево, то там будет наша столовая. Можете пообедать.

Выйдя в коридор и оставшись наедине со своими мыслями, Сергей снова чуть было не впал в беспросветное уныние. Лишь методичные тупые толчки боли в затылке да неимоверная сухость во рту как-то отвлекали от мрачных дум. Терпеть жажду больше не было никаких сил. Организм нещадно требовал воды, и Сергей поплелся в противоположное крыло, где, по словам мэра, находился туалет. В туалете он жадно напился тепловатой воды, отдающей ржавчиной, и прислонился к стене.

Ну что, родной, сказал он себе. Что теперь делать будешь? Кому побежишь морду бить, на кого в суд будешь подавать, а? Похоже, в такие командировки ты еще не ездил. Похоже, если и бывают на свете феноменальные невезения, так это одно из них... Ладно, еще рано вить, сказал он себе твердо. Еще ничего не известно, я ничего толком не знаю. Главное сейчас — это во всем разобраться... Не может быть, чтобы отсюда не было выхода! Раз эта сволочь Яшка вышел одним способом, значит, вполне могут быть и другие!.. Должны быть, со злостью подумал он. Нет, так просто я вам не дамся. Я выберусь отсюда, черт подери!

Сергей выпрямился и вытер с лица капли воды.

— Ну что ж... — хрипло выговорил он, ощущая в себе зачатки решимости. — Едемте.

Он закрыл булькающий кран, вышел из туалета и направился на второй этаж. На лестнице его обогнали два пацана с тетрадями под мышкой. Левый коридор оказался заполнен детьми всех возрастов. Поначалу Сергей удивился было, но потом вспомнил, что мэр говорил что-то о школе. Он направился в правое крыло и сразу же наткнулся на нужную дверь. «Отдел особого назначения при мэрии» — гласила надпись. Стукнув для приличия два раза кулаком в дверь, Сергей вошел.

Этот кабинет был несколько меньше по размерам, чем у мэра, и содержал всего три стола. Хозяин кабинета был под стать мэру, тоже лет пятидесяти, худощав и высок, что было заметно, несмотря на то, что человек сидел. Редкие седые волосы уже стали исчезать с макушки его головы. Одет он был в темно-серый костюм с отливом и на носу имел очки в тонкой никелированной оправе.

— Проходите, молодой человек, садитесь, — произнес человек, глядя на Сергея поверх очков. — Это вы Сергей? А меня зовут Владимир Николаевич, фамилия — Кравец.

— Мне нужно вам рассказывать о причинах моего появления? — осторожно поинтересовался Сергей. Ему очень не хотелось делать это в третий раз.

— Разумеется, — сказал Кравец. — Расскажите, потом я вам дам анкету, вы там опишете в том числе и эти события. Вкратце. Такой порядок. У нас каждый человек в резервации подлежит учету.

— Ради бога, — изрек Сергей. — Раз надо...

Он собрался с духом и в очередной раз поведал свою историю. Кравец очень внимательно слушал, поблескивая линзами, и иногда задавал вопросы уточняющего характера. Когда Сергей закончил, он произнес: «Хорошо», открыл один из ящиков стола и стал там рыться.

— Честно говоря, их еще надо найти... — прокряхтел он, склоняясь и заглядывая куда-то внутрь. — Давненько у меня никто анкет не заполнял. Вроде здесь были... Ага, вот, — он вытащил какие-то бланки. — Возьмите, молодой человек. Пока вы заполняете, я посмотрю, куда бы вас поселить.

Сергей перебрался за стол рядом и рассмотрел бланк анкеты. Он назывался: «Анкета проживающего на территории резервации». Под заголовком стояла графа «Регистрационный номер», далее шли всевозможные вопросы: Ф.И.О., год и место рождения, прежнее место жительства, паспортные данные, подробное семейное положение, состояние здоровья, прежнее место работы, полный перечень родственников, их возрастов и мест проживания...

Сергей покосился на Кравца. Начальник отдела особого назначения внимательно изучал содержимое одной из папок на своем столе и при этом бубнил себе под нос: «Так, так, так...» Вопросы в анкете оказались далеко не шуточными. Видимо, от-

дел особого назначения — штука серьезная, подумал Сергей. Круто он берется за учет населения, с размахом... Вздыхнув, он стал заполнять графы. Когда он дошел до серии вопросов: «Имеете ли вы тяжелые формы заболеваний?», «Имеет ли кто-либо из ваших родственников тяжелые формы заболеваний?», «Употребляете ли вы наркотики?», «Состояли ли вы на учете в наркодиспансере?», то перестал писать и слегка озадаченно спросил:

— Тут вот ряд вопросов медицинского характера. Про родственников зачем-то... На них обязательно отвечать?

— Отвечать обязательно на все вопросы, — с расстановкой сказал Кравец, не отрываясь от изучения содержимого папки.

Сергей пожал плечами. Ладно, подумал он, напишем. Не имел... Насколько мне известно, никто из родни тоже... Не употреблял... Не состоял... Что там дальше у нас? «Имеете ли вы психические заболевания; состояли ли вы на учете в психодиспансере?», «Имеете ли вы склонность к насилию?», «Имеете ли вы склонность к самоубийству?» Сергей негромко хмыкнул. Однако, подумал он слегка удивленно. А впрочем, ваше дело спросить, наше дело ответить... Последними были вопросы о судимостях, связях с криминальными структурами, конфликтах с законом, пребывании за границей, а равно и в других городах России. В самом конце анкеты была довольно обширная графа «Причины попадания на территорию резервации». Сергей коротко, в несколько фраз обрисовал свою историю, затем поставил дату и подпись.

— Пожалуйста, — сказал он, подходя к столу Кравца и протягивая ему бумагу.

С минуту тот молчаливо изучал ее содержимое, затем отложил анкету в сторону и воззрился на Сергея.

— Хорошо, — произнес он и в свою очередь протянул Сергею маленький блокнотный листок. — Возьмите, здесь адрес.

Сергей взял у него листок, на котором было написано: «пер. Солдатова, 6 — 17, Галушко».

— Жить будете у них. Семья — три человека. Двухкомнатная квартира. Они дадут вам одну комнату.

Сергей растерялся.

— А как же... — пробормотал он. — Я не понимаю...

— Да вы не переживайте, — успокаивающе заговорил Кравец. — Это все официально и в порядке вещей. Видите ли, в резервации очень много таких, как вы, поселенцев. То есть людей, которые квартируют. Все об этом знают, все все прекрасно понимают. Потому что людям надо где-то жить... Мы подселением их по возможности к тем, у кого жилплощадь побольше. Это вынужденная мера, и они обязаны вас пустить. Никакой специальной бумаги для этого от меня не требуется. Я сегодня позвоню кому-нибудь из хозяев и предупрежу. Ну, вы и сами тоже объясните.

— Как же просто... — проронил Сергей.

— А в данном случае ничего усложнять не надо, — заверил Кравец. — Понимаете, молодой человек, резервация не такая уж большая, и все друг друга знают. Поэтому ненужных вопросов, как правило, не возникает. У Галушко вторая комната приличная, вы особо их не стесните. Они давно были кандидатами на подселение. Пока им везло, но теперь куда денешься? У нас ведь многие подселенцы живут по двое и трое в комнате. Сами понимаете, не ахти... Я Галушко в свое время предупреждал, чтобы были готовы. Так что здесь никаких проблем быть не должно. Все ясно с этим вопросом?

— Вполне, — ответил Сергей, кусая губу.

— Идем далее, — продолжил Кравец. — В ближайшие дни вы должны пройти полный и тщательный медосмотр в нашей больнице. Это строго обязательно для всех. Поэтому с медосмотром не тяните. Ну, и с работой, наверное, тоже. Вам Илья Максимович говорил?

— Да.

— Вы же должны зарабатывать себе на жизнь. Или, может, у вас есть снаружи кто-нибудь, кто может вас материально содержать?

— Где, где? — не понял Сергей.

— Во внешнем мире, — пояснил Кравец. — За пределами резервации.

— Нет никого, — вздохнул Сергей. — Да я и не привык ничего не делать.

— Тогда не оттягивайте. Зайдете к Губину, это начальник

кадрового отдела. Он куда-нибудь пристроит. Ну что, ясны ближайшие планы? — спросил Кравец.

— Планы — то ясны, — сказал Сергей, — зато ничего другого не ясно.

— Сейчас будем разбираться, — Кравец хлопнул одну из папок и убрал ее в стол. Потом он раскрыл какой-то журнал, пододвинул анкету Сергея и что-то списал с нее в журнал. Сергей также заметил, что Кравец в графе анкеты «Регистрационный номер» поставил число 312.

— Итак, м-м, Сергей Иванович Шепилов... — произнес он. — Данные ваши я занес в журнал учета. Ваш регистрационный номер — триста двенадцать. Запомните или запишите.

— А что это за номер? — спросил Сергей.

— Об этом немного позже, — сказал Кравец. — Итак, вы что-нибудь знаете о нашей резервации? — осведомился он.

— Нет, — ответил Сергей. — Я приезжий.

— Понятно. — Кравец сделал небольшую паузу и посмотрел в окно.

— Почему я не могу выйти отсюда?! — не дожидаясь конца паузы, спросил Сергей. — Я только и слышу о каких-то правилах! Объясните, пожалуйста.

— Конечно, конечно, — Кравец снова повернул голову к Сергею. Авторучка вновь закрутилась в его тонких пальцах. — Скажите, раньше вы не интересовались темой резерваций? Ну, когда о них еще писали в газетах?

— Очень поверхностно, — замялся Сергей. — Можно сказать, что не интересовался.

— Видите ли, — начал Кравец, — любая резервация существует согласно своим собственным законам. Индивидуальным. Можно называть эти законы правилами, нормами или еще как угодно. Мы, например, привыкли называть их принципами. Не знаю, почему, но так уж повелось. Их пять штук. Первый — принцип четности, — Он стал загибать пальцы у себя на руке. — Второй — принцип полупроводимости, третий...

— Пойдите, пойдите... — выпалил Сергей. — Я так не запомню. Все сразу...

— Хорошо, давайте я вам запишу, — произнес Кравец.

Он взял второй блокнотный листок и стал торопливо на нем писать. Затем он протянул листок Сергею. Там Сергей прочел следующее: «1. Принцип четности. 2. Принцип полупроводимости. 3. Принцип перпендикулярности. 4. Принцип разумности. 5. Принцип однократности».

— Вы видите, что их пять. Замечу, — Кравец поднял вверх авторучку. — Пять известных нам на сегодняшний день принципов. Не исключено, что их больше, просто мы о них ничего не знаем. Так вот: принципов пять, но главный один. Он — основа основ нашей жизни. Остальные являются как бы вспомогательными... А главный — принцип четности. Суть его, в общих чертах, заключается в том, что резервация сохраняет свою стабильность только при условии, что число людей на ее территории является четным. Это, так сказать, фундамент своего рода.

Кравец умолк, словно ожидая вопроса, или специально для того, чтобы Сергей смог осмыслить то, что он сказал.

— Число людей... четным... — повторил озадаченно Сергей. — А зачем?

— Что? — не понял Кравец.

— Зачем это нужно, — сказал Сергей, — чтобы число людей в резервации было четным?

— Я же говорю — стабильность. Это такое условие. Вот, допустим, ваш же случай... До вашего появления здесь число человек в резервации было четным, а если точно — тысяча четыреста сорок два человека. С вашим появлением четность нарушилась и ситуация стала нестабильна. Понимаете?

— Честно говоря, не очень.

— Ну, так заложено в основе принципа четности! Если четно, то стабильно. Все хорошо. Все прекрасно, проблем нет. Как только число человек становится нечетным — стабильность исчезает.

— Почему?

— Давайте не будем спрашивать, почему. Будем считать, что так хочется резервации...

— Ах, да, — сказал Сергей. — Такое правило игры.

— Конечно, — кивнул Кравец. — Это просто реальность, с которой мы вынуждены считаться. Нравится нам это или не нравится...

— Ну, ладно, — сказал Сергей. — Исчезла стабильность... Что из этого следует?

— Вы ведь уже слышали, наверное, о Проходе? Не могли не слышать.

— В общем, да... Ваш мил... э-э... полицейский говорил что-то...

— Появление Прохода как раз и связано со стабильностью. Что означает нестабильность любой системы? — спросил Кравец. — Из физики, вспомните... Что происходит, когда нарушается равновесие? Любая система в этом случае старается вернуться в равновесие, старается вернуть стабильность, понимаете мысль? То есть нестабильность в основе своей не может продолжаться долго. Это временное явление. Вот в чем вся штука.

— Стало быть, резервация сама вернет состояние четности? — предположил Сергей.

— Правильно понимаете, молодой человек, — сказал Кравец, вновь подняв вверх авторучку. — В этом все и дело! Резервация сама вернет состояние четности, — подчеркнул он. — И сделает она это довольно быстро. Несколько часов — и все.

— С помощью Прохода, да? — тут же спросил Сергей. — Резервация образует этот самый Проход, чтобы восстановить четность, я правильно понимаю? Она дает возможность кому-нибудь выйти?

— Не совсем так, — сказал Кравец. — Проход образует не резервация, а тот, кто в нее вошел. Вот вы вошли и нарушили четность резервации. При этом мы получили два явления. Первое: нестабильное состояние в резервации, а второе: появление Прохода в Оболочке. Но резервация с помощью Прохода все-навсего дает нам шанс. Она, к сожалению, не может заставить никого выйти через Проход или каким-либо образом оповестить об этом.

— Значит, стоит только кому-то выйти через Проход, как он исчезает?

— Потому что восстанавливается четность. Эту ситуацию Оболочка отслеживает мгновенно. Еще ни разу никому не удавалось выйти через один Проход вдвоем. Кононов воспользовался вашим Проходом и ушел наружу, — продолжил Кравец. — Четность восстановилась, Проход закрылся, и все вернулось на круги своя. Понимаете?

— Кое-что... — пробормотал Сергей. — А если бы Кононов не ушел? Ну, не видел бы он меня, что тогда? Вы же говорите, что резервация восстановит четность... Тогда я не пойму — каким образом?

— Вот мы и подошли к самому тяжелому вопросу, — с вздохом произнес Кравец. — Это и является самым худшим вариантом, когда резервация сама восстанавливает четность. Просто кто-нибудь в резервации умирает.

— Просто умирает?... — повторил Сергей недоуменно. — Вот так вот просто берет и умирает?!

— Именно так, — подтвердил Кравец. — Видите ли, принцип четности распространяется только на живых людей. Резервации, видимо, проще восстановить четность путем умерщвления кого-нибудь. Дешево и сердито. Вам, может быть, кажется странным, что я говорю об этом так спокойно? Мы привыкли к такому, это наша реальность. Вам тоже придется привыкнуть, и не только к этому, поверьте... Теперь вам ясно, чем плохо состояние нечетности? — спросил он. — Это для нас вопрос жизни и смерти. Для каждого из нас!

Сергей молчал в полном потрясении.

— То, что кто-то при этом умирает — это еще не вся беда, — сказал Кравец с грустью. — Страшно то, что резервация сама решает, кому предстоит умереть.

— Как это — сама?! — ошеломленно сказал Сергей.

— А вот так! — Кравец развел руками. — На свое усмотрение. Как она делает свой выбор, мы не знаем. Тайна сия великая есть...

— Что, еще одно правило?

— Скорее — еще одна данность... Это не правило, ибо мы не можем его исполнять. Здесь от нас ничего не зависит. Правило тут другое: не допускать нечетности! Чтoб тем самым не испускать резервацию. Вот и все.

— Хорошенькое дело... — выдавил Сергей пораженно.

— Чувствуете мерзость ситуации? — сказал Кравец. — Лотерея, одним словом... — Причем, человек умирает без види-

мых причин, — продолжил Кравец. — Неожиданно и мгновенно. Перестает жить и все. Конечно, при определенной статистике, может быть, и можно было бы вычислить, каким критерием она руководствуется. Или же, наоборот, доказать, что это происходит абсолютно случайно. Но вы понимаете, мы же все-таки стараемся не допустить, чтобы такая статистика накапливалась. Все, что угодно, только не это! В этом и заключается главная задача, — значительным тоном заключил он, — в меру сил и возможностей самим контролировать свою четность, не дожидаясь, пока это сделает резервация. Я хотел бы, чтобы вы это хорошо уяснили. Потому что вам тоже предстоит жить в этих невеселых условиях.

Он замолчал, не переставая теревить свою авторучку. Сергей сидел в оцепенении. Вопросы несметным числом рвались из него, лезли друг на друга, мешали друг другу, и это только сбивало с толку. Он даже не мог сообразить, о чем узнать в первую очередь, и только рассеянно хлопал глазами.

— Поэтому, с одной стороны, — прервал молчание Кравец, — это даже хорошо, что транспортёрщик оказался рядом и воспользовался случаем. По отношению к вам он поступил, разумеется, по-свински. Иначе, если бы ни он и ни вы не покинули резервацию, то кто-нибудь из резервистов наверняка не дожидаясь бы до утра. А это было бы значительно хуже, как вы понимаете... Плюс ко всему получился бы серьезный скандал. Подобных случаев не было уже давненько. Все-таки не первый год живем. Вроде более или менее научились ситуацию контролировать. Теперь вы понимаете, почему так опасны в резервации всякого рода незапланированные гости?

— Теперь — да... — произнес Сергей. — Постойте, Владимир э-э... Николаевич, да?.. Вы хотите сказать... в смысле, получается так, что если я... Это чисто теоретически! — поспешно заметил он. — Что если я возьму, к примеру, и кого-нибудь убью, да?.. то смогу выйти отсюда?

— Сможете, — не сразу ответил Кравец и пристально взглянул на Сергея. — Вы это действительно теоретически? — вдруг спросил он.

— А вы что, думаете, я серьезно?! — удивленно выпалил Сергей. — Вы могли такое подумать?

— А как вы считаете, мог я так подумать или нет? — неожиданно сказал Кравец и поглядел на него поверх очков.

Эта фраза сбивала Сергея с толку и он замялся в растерянности.

— Понимаете, дорогой мой, — произнес Кравец с оттенком грусти, — В анкете не зря есть вопросы про тяжелые заболевания, склонность к самоубийству, насилию и так далее. Вы должны четко уяснить для себя, что здесь смерть — это нечто большее, чем смерть. Любая смерть — это нарушение четности, нарушение стабильности со всеми вытекающими отсюда последствиями. И поэтому смерть здесь не принадлежит одному человеку — она принадлежит всей резервации. И отношение к смерти здесь уже иное. Если бы у нашей резервации были входные ворота, как у ада, и если бы это было в моей власти, я бы высек над ними надпись: «И жизнь твоя и смерть твоя принадлежат обществу».

— Но это же жутко!.. — сказал Сергей приглушенно. — Жестоко...

— Что поделаешь, — сказал Кравец и отложил, наконец, авторучку. — Кстати, это спорный вопрос: можно ли применять в данном случае нравственные категории. Мы имеем дело неизвестно с чем.

— Ну да... — поморщился Сергей. — Такие правила... Все время забываю.

— Ничего, привыкнете, — сказал Кравец. — Ну что, голова еще не идет кругом?

— Начинает, — признался Сергей.

— Хорошо, — сказал Кравец. — С принципом четности разобрались. Идем далее. Принцип полупроводимости. Его вы уже ощутили на своей, так сказать, шкуре. Суть в следующем. В резервацию зайти можно, обратно — нет. Принципом полупроводимости это явление назвал в свое время, кажется, кто-то из конторских. Видимо, по аналогии с электроникой. Называют его еще принципом «ниппеля». Кому как нравится.

— Я так понимаю, — сказал Сергей, — сюда могло хоть двое, хоть десять человек зайти, да?

— Хоть сто, — согласился Кравец, — Не имеет значения.

Вы правы: войти сюда может хоть сколько человек. Это не существенно. Существенно лишь одно: четно число вошедших или нет. Если четно, стабильность не нарушится. В любом случае в резервации станет на сто несчастливцев больше. Только и всего.

— Но почему так? — сказал Сергей с вздохом. — Зачем?!

Кравец слегка недоуменно поднял брови.

— Вы так говорите, молодой человек, — сказал он, — словно это все я придумал.

— Извините, это непроизвольно... — проронил сдавленно Сергей.

— Это же не я согнал сюда ни в чем не повинных людей, — сдержанно продолжал Кравец. — Не я заставил их приспособливаться к новым условиям жизни. Сам бы все отдал, чтоб узнать, зачем и кому все это надо.

Он вздохнул и сцепил пальцы рук в замок.

— Но не может же быть, чтоб из резервации никак нельзя было выбраться? — проговорил Сергей. — Неужели нет способов?

— Ну, один способ вы уже назвали, — медленно произнес Кравец.

— Я имею в виду приемлемые способы... Разве все так безнадежно?

— Стопроцентной безнадежности никогда не бывает, — ответил он. — И надежда, как известно, умирает последней. Ладно, не будем отвлекаться... Что там дальше?

— «Принцип перпендикулярности», — прочитал Сергей.

В этот момент неожиданно резко заверещал телефон на столе Кравца.

— Одну минуту, — сказал Кравец и снял трубку. — Да. Да... Было слышно, как в трубке клокочет взволнованная и торопливая речь. Лицо Кравца постепенно приобретало все более озабоченный вид. — Хорошо, — сухо произнес он. — Разумеется, немедленно.

Послышались короткие гудки и Кравец бросил трубку.

— Прошу прощения, молодой человек, — деловым тоном сказал он, — я должен срочно уходить.

Он выскочил из-за стола, на ходу застегивая пиджак, прошел к шкафу с одеждой и стал надевать плащ. Сергей торопливо, с некоторым замешательством поднялся со стула.

— Давайте отложим до другого раза, — поспешно сказал Кравец. — Мне, к сожалению, сейчас некогда. Зайдите на днях. Завтра или послезавтра. Если еще будет необходимость... Суть вы уже знаете, а остальное по ходу поймете. Среди людей ведь будете, они все расскажут. Но тем не менее, если что-то будет неясно, то приходите.

Вместе они быстро спустились по лестнице и вышли на улицу. Недалеко от парадного входа Сергей увидел Кирилла и еще одного грузного пожилого мужчину с одутловатым лицом в такой же серой униформе. На ступенях Кравец торопливо сказал Сергею:

— Идите сейчас на квартиру, может, кто-то есть дома. В общем, устраивайтесь и привыкайте.

Быстро спустившись по лестнице, он крикнул в сторону полицейских:

— Пойдите, Алексей Петрович!

Грузный мужчина сдвинулся с места, они вместе с Кравцом быстро завернули за угол мэрии и исчезли из виду.

В некоторой растерянности Сергей стоял и держал в руке два листочка: с адресом и с перечнем принципов. Он беспомощно осмотрелся вокруг. Ничего не отличало эти места от любых других в городе. Те же дома, те же улицы и переулки, те же люди, стучащие туда-сюда по своим делам... Со стороны перекрестка с транспортером выехал уже знакомый грузовик и свернул куда-то между ближайшими домами. То же солнце светило над головой, те же лужи сверкали отблесками — все было тем же самым. И от всего этого становилось совсем жутко, словно ты с головой окунулся в фантастическое видение, в кошмарный сон, и никак не можешь проснуться... «Боже мой, — почти беззвучно простонал Сергей, — за что, а?..» Решимость, возникшая было в нем в те минуты, пока он стоял в туалете, куда-то растворилась, вновь уступив место тупому отчаянию, начинавшему медленно, но верно, нарастать изнутри. Надо было что-то делать, куда-то идти, как-то отвлечься, чтоб не дать этому отчаянию завладеть собой. Сергей

глубоко вздохнул, спустился по ступеням и подошел к Кириллу.

— Что-то ты бледный, — сказал Кирилл, внимательно оглядев его. — Поговорил с Кравцом? Он тебе все растолковал?

— Вопросов больше, чем ответов, — невесело отозвался Сергей.

— Ничего, — сказал Кирилл. — Ответы — дело наживное. Разберешься. Это у тебя что? — Он кивнул на листки. — А-а, Галушко... Пойдем, я провожу.

Он увлек за собой Сергея и они стали пересекать дорогу.

— Стой, — вдруг сказал Кирилл, когда они были посередине дороги, и они остановились. — Ты же не знаешь границ резервации. Я тебе покажу, отсюда просто виднее...

— Показывай, — покорно сказал Сергей.

— Короче, — деловито сказал Кирилл. — Резервация — это почти квадрат. По идее, прямоугольник, но разница в сторонах небольшая... Вот смотри, его стороны... — Кирилл вытянул шею, озираясь. — Значит, первая сторона — вон она... — Он выбросил руку в сторону перекрестка. — Это улица Магистральная, ну по которой ты ночью шел, понял? Грань идет прямо вдоль этой улицы. Это юг. Южная сторона. Уяснил?

— Угу, — сказал Сергей.

— Дальше... Вторая грань идет вон там! — Кирилл махнул рукой в сторону домов, к которым они направлялись. — Параллельно южной. Это, значит — что? Северная сторона. Там у нас железная дорога. Оболочка идет вдоль полотна. Так, теперь две другие стороны. За остановкой несколько трехэтажек видишь? Сразу за ними, чуть ли не под окнами и идет она, родимая. Видимо, потому что там тоже улица проходит.

— В смысле? — не понял Сергей. — Кто идет?

— Да Оболочка же!.. Проходит тоже вдоль улицы.

— Почему? — спросил Сергей. — Почему обязательно — вдоль улиц?..

— Слушай, — сказал Кирилл сокрушенно, — ты таких вопросов не задавай. Ты на ус наматывай!

— Ладно, — проговорил Сергей. — Валей дальше.

— Значит, восток у нас находится между Магистральной и железной дорогой. Сразу за домами, перпендикулярно им. — Кирилл развернулся. — Теперь запад. Тоже — между железной дорогой и улицей Магистральной, но подальше отсюда. Во-он там... — Он указал рукой в ту сторону, куда вела дорога, на которой они стояли. — Там сразу за Оболочкой — пустырь, за пустырем — лог. Вот тебе и вся картина... — Он повернулся к Сергею. — Резервация наша невелика по размерам, особенно не разгуляешься. А центр находится как раз там, где стоит вон то здание.

Он показал на серое трехэтажное здание метрах в ста от них и вытащил пачку сигарет.

— Ты, кажется, не куришь? — уточнил он. Сергей кивнул. Кирилл закурил и, глядя на серое здание, со значительностью произнес: — Это наша контора и есть.

— Какая контора?

— А тебе Кравец не рассказывал?

— Не успел он... Убежал куда-то срочно.

— А-а... Ну, узнаешь еще. Пойдем, что ли?

Они перешли через дорогу и двинулись в сторону виднеющихся вдали домов, за которыми, по словам Кирилла, проходила железная дорога. По пути они обогнули приземистое одноэтажное строение, на стене которого висела выцветшая вывеска «Магазин».

— Это наш магазинчик, — сказал Кирилл. — Продуктовый.

За магазинчиком оказался крохотный переулок. На одной из сторон переулочка стояло три дома: прямо — два пятиэтажных, и один четырнадцатизэтажный виднелся чуть дальше и левее. Они направились к пятиэтажкам.

— Здесь не заблудишься, — пояснил Кирилл. — Жилых домов всего семь штук, не считая частного сектора. А частный сектор там, ближе к логу, на западе.

— А что-за контора все-таки? — осведомился Сергей.

— Какое-то конструкторское бюро. Ты думаешь, из-за чего все проблемы-то с этим подселением, расселением? Из-за нее миленькой, из-за конторы! Вот не повезло людям... Когда образовалась резервация, все это бюро и пролетело. Вместе со своими сотрудниками. Люди же здесь на работе были! Предста-

вляешь, такая куча народу без всего осталась? Без семей, без жилья, ну, без всего... Пришлось их тогда всех расселять, куда деваться — люди ведь. Они же не виноваты. Да им, прикинь, во много раз хуже, чем местным приходится. — Кирилл сделал паузу. — Так что вот такие дела, Сергей. Если подумать, так не окажись здесь конторы, половинки наших проблем не было бы.

Они свернули во двор крайней слева пятиэтажки.

— Вот и пришли, — сказал Кирилл и выстрелил окурком в кусты. — А в этом доме я живу. — Он показал на соседний.

Возле второго подъезда Сергей замаялся и попросил Кирилла:

— Может ты меня, так сказать, официально... Не могу я так сразу, пойми...

Они вошли в подъезд. Семнадцатая квартира оказалась на первом этаже. Им открыла невысокая худая женщина в домашнем халатике не первой свежести. Далеко не юный возраст, зачесанные назад волосы с проседью, узкое бледное лицо.

— Квартира Галушко, — констатировал Кирилл.

— Да. — Выражение лица женщины имело оттенок какой-то бесконечной усталости и покорности.

— Позвольте войти? — вежливо спросил Кирилл.

— Пожалуйста, — безразлично произнесла женщина и посторонилась, пропуская их в квартиру.

Они оказались в крохотной прихожей. Кирилл негромко прокашлялся и спросил ее:

— Как звать, хозяйка?

Она лишь на долю мгновения удивленно шевельнула бровями, а затем все так же безразлично и тихо ответила:

— Кира Семеновна.

— Очень хорошо, — сказал Кирилл, — Кира Семеновна, принимайте гостей.

— Вон оно что, — произнесла она, бросив мимолетный взгляд на Сергея. — На жительство?

Хозяйка посмотрела на Сергея, и он опустил взгляд. Ему хотелось провалиться сквозь пол.

— Что ж... — устало вздохнула женщина, — Значит, все-таки...

— Мы бы, может, вас, Кира Семеновна, не потревожили, — сказал Кирилл, — но случай, понимаешь, неординарный. Человек к нам попал по нелепой случайности.

— А я думаю: «временщик», что ли? — проговорила она после некоторого молчания. Голос у нее был какой-то бесцветный. — Значит, надолго.

— Так что, примите человека, хозяйка, — сказал Кирилл и ободряюще подмигнул Сергею. — Любите его и жалуйте. Он человек хороший. Зовут Сергеем.

— Ну что ж... — снова произнесла женщина с покорностью. — Проходите.

— Ты проходи, — сказал Кирилл Сергею, — а я побег. Дела, дела... Еще увидимся.

Когда дверь за ним закрылась, Сергей тяжело вздохнул и поднял на Киру Семеновну глаза.

— Вы пожалуйста, извините... — выдавил он из себя глухо.

— Мне так неудобно перед вами... из-за меня...

— Чего уж там, — обронила Кира Семеновна. — Раздевайтесь. Проходите в комнату.

— Спасибо, — сказал Сергей и стал расстегивать плащ.

Она прошла в комнату, сильно сутулясь и шаркая ногами. Раздевшись, Сергей робко последовал за ней. Убранство большой комнаты оказалось небогатым. Старенький диван, стенка, телевизор, пара стульев и вытертый палас на полу. Дверь во вторую комнату была прикрыта. Сергей присел на край дивана и втянул голову в плечи. Он не знал, что сказать этой женщине. Спрашивать ее ни о чем не хотелось. Он стал тупо разглядывать цветастый узор на обоях.

— Мне сейчас нужно идти в больницу, — заговорила она. — Я вас тут одного оставлю. Потом к мужу на гаражи зайду, предупрежу и вообще... Вечером надо будет комнату освободить, вещи уберем кое-какие. Раскладушка у нас есть, вы на это уж не тратьтесь, нам она все равно ни к чему. Надо будет только вам со Славкой кровать Сашкину вытащить из комнаты. Да стол еще письменный... Сам-то муж не раньше четырех придет с работы.

— Мне правда неловко, что так получилось... — начал было Сергей угрюмо.

— Ох, да не извиняйтесь уж вы! — негромко перебила его Кира Семеновна все тем же бесцветным тоном. — Вы то ведь тоже, небось, не виноваты... Как же вас к нам угораздило?

— Чистая случайность, — пробормотал он. — Ночью... темно... — Он вздохнул. — Сам до сих пор поверить не могу. По-дурячки все вышло...

— Я поначалу подумала, что вы по договору...

— Не понимаю, — сказал Сергей. — Это еще как?

Она не ответила, помолчала немного, затем, покачав головой, сказала:

— Я пойду переоденусь, мне в больницу сходить надо. Спи-на что-то опять разболелась.

Она стала собираться, снуя туда-сюда по квартире, периодически скрываясь за дверями второй комнаты. Сергей неподвижно сидел на диване. Рассматривать обои надоело, и он стал глядеть сквозь окно в небо. Голова раскалывалась.

Перед уходом Кира Семеновна разъяснила ему, где находится туалет, ванная, и холодильник. Можно, если хотите, включить телевизор, а если куда пойдете, то просто захлопните двери... Он поблагодарил ее и попросил таблетку анальгина.

Когда она ушла, Сергей подумал, что сегодня все, с кем он встречается, почему-то куда-то спешат и исчезают, словно связанные между собой неким тайным сговором. Будто бы все так и норовят оставить его наедине со своими томлениями и терзаниями. Настенные часы показывали пятнадцать минут двенадцатого. Время в это утро тянулось ужасно медленно.

Сергей подошел к окну, присел на подоконник и уперся лбом в стекло. Перед домом в песочнице объявилась молоденькая мама с мальчиком лет четырех. Малыш возился с песочными формочками и ведерками, а женщина сидела неподвижно и безразлично смотрела вдоль улицы, покручивая в руках совков. Все было тихо, мирно и спокойно. Господи, подумал Сергей, они же здесь все к этому привыкли! И никому из них не будет дела до моего положения, и тем более, до моего состояния. «Как же вы так, батенька, невнимательно? Ай-яй-яй... Не повезло вам, молодой человек, но не отчаивайтесь. А у нас тут вот видите как. Несладко, конечно, но жить можно. Видите, живем же, так сказать, плюхаемся — чего и вам желаем. Так что привыкайте, утрите нос и плюхайтесь, молодой человек. Плюхайтесь с нами, плюхайтесь как мы, плюхайтесь лучше нас»... «Мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться...» Так, что ли? Эх, Гамлет, Гамлет, твоя правда...

Откуда-то появилась муха и стала биться о стекло возле самого его уха. Она предпринимала героические попытки вырваться, она отчаянно жужжала и неизменно, раз за разом, наткнулась на стеклянную невидимую преграду. Сергею это показалось настолько символичным, что он криво ухмыльнулся. Неужели это ты, родной, сказал он себе, слушая периодические мушинные взвизги и щелчки о стекло. Очень похоже, но ведь должна же, черт возьми, существовать разница! Я же, в конце концов, не муха! Этому глупому созданию не хватает чего-то в организме, чтоб подумать, отлететь, осмотреться... Она будет целую вечность долбиться башкой об это стекло, до самого своего конца, хотя открытая форточка совсем рядом. Но нет, она будет делать одно и то же раз за разом, даже не пытаясь эту форточку искать и наивно полагая, что все изменится само собой в один прекрасный миг. Но ведь я же не муха, снова подумал он, и его вдруг на некоторое время охватила злость. Я же чем-то отличаюсь! Вернее, должен отличаться. Должен... Я пока почти ничего не знаю об этой вашей чертовой резервации, но я узнаю! Я все узнаю и выберусь отсюда. Я так просто не сдаюсь. Это они сдались, они смирились, они привыкли... Но только не я. Я буду бороться, буду... Я не верю, что отсюда нельзя выбраться. И я найду свою форточку, черт бы ее побрал! Где бы она ни находилась и чего бы мне это не стоило...

Потом злость схлынула, ушла. Постепенно Сергей впал в состояние протрации. Он отрешенно глядел на листву за окном, отключившись от мыслей. Он просто сидел и слушал похожие на удары метронома бесчисленные мушинные попытки пробить непробиваемое, а время медленно растворялось и теряло свой ход.

Около трех часов дня с пакетом в руках он вышел из пром-

товарного магазина, что находился на южной стороне резервации, в первом этаже дома, выходящего окнами прямо на улицу Магистральную. В пакете лежали комплект постельного белья, полотенце и прочие туалетные принадлежности. Настроение у него было унылое. Совсем недалеко отсюда располагался злополучный транспортер и будка.

Сергей стоял, и снова перед ним была она — эта треклятая сетка, простершаяся вдоль дороги всего в каких-то двух десятках метров от магазина. Она была всюду, и справа, и слева, она будоражила своим присутствием, от нее нельзя было отмахнуться, про нее нельзя было забыть, казалось, она и стоит тут больше для того, чтоб постоянно напоминать здешним обитателям о навалившемся на них катаклизме. Неожиданно для самого себя Сергей вдруг двинулся прямо на сетку, стиснув зубы и кулаки. Может быть, где-то в глубине души он надеялся, что сейчас произойдет чудо, и дьявольская Оболочка исчезнет, чары развеются, и резервация выпустит его из своих объятий. Ну, вдруг что-нибудь такое там сработает, переключится, отменится... Вдруг... Но чуда не случилось. Примерно на полпути к проволочному ограждению его снова, как утром, охватила беспричинная тревога, очень быстро сменившаяся страхом. Сергей сжал в руках пакет с тряпьем и сделал еще пару шагов. И опять, словно в приоткрывшуюся дверь, мощным потоком хлынуло в душу щемящее уныние и стало быстро заполнять все его существо. Ноги задрожали, и он чуть не выронил свои покупки. Заскрежетав зубами, он медленно отступил на шаг. Потом еще на один. Жуткая волна схлынула, откатилась и затаилась, готовая в любой момент наброситься снова. Сердце гулко колотило в груди, в ушах шумело, а под коленками ощущалась противная слабость.

— Будь ты проклята, тварь!.. — прорычал бессильно Сергей и задрал голову к небу, словно ища там утешения или ответа. Но в небе беспечно, будто издеваясь, светило майское солнце.

Как же, должно быть, паскудно жить вот в этом, к примеру, доме с окнами на сетку, мрачно думал он по дороге. По несколько раз в день видеть бьющую ключом чужую жизнь совсем рядом, в каких-то двух шагах, и понимать, что эта жизнь не для тебя. Изо дня в день наблюдать окружающий мир через эту идиотскую проволоку. Они же здесь, в резервации, как звери в зоопарке. Только зверям гораздо лучше, звери не так разумны, а следовательно, не так страдают...

Эта его вторая встреча с Оболочкой, хотя и была кратковременной, все же оставила после себя след. Несмотря на то, что сердце успокоилось и дрожь в конечностях унялась, настроение полностью пропало. Он опять был раздавлен, размазан... Он брел совершенно машинально, опустив взгляд под ноги, не глядя по сторонам и не понимая, куда идет. Внимания хватало только на то, чтоб кое-как поправлять под мышкой пакет, так и норовивший выскользнуть и шлепнуться в ближайшую лужицу. Когда он в очередной раз попытался вывалиться, и Сергей, пресекая эту попытку, едва не растянулся на асфальте, он, наконец, поднял глаза и обнаружил себя вблизи от какого-то заведения. Над его раскрытой дверью болталась вывеска «Бар «Мирок». У входа никого не было. Из недр заведения доносились приятная музыка. Бар располагался с торца старого трехэтажного кирпичного дома. Прямо через дорогу, метрах в ста виднелось уже знакомое здание мэрии. На этот раз на ступенях парадного входа мэрии и рядом переминалась, перекуривала и гомонила довольно разношерстная и значительная масса народа. Здесь были и люди в спецодежде, и люди без спецодежды, и какие-то чиновники, очевидно, из мэрии, и очень много детей. Сергей пересек дорогу и приблизился к толпе.

Люди говорили о самом разном: о долгожданных переменах в погоде, о том, что в магазин привезли новую партию товаров, но с тем же самым осточертевшим ассортиментом, об очередном сворачивании какого-то заказа, о том, что кого-то ограбили на днях вечером у подъезда, и это не первый случай в этом году, о том, что введение какого-то нового налога ударит прежде всего по конторским, что бюджет резервации — не резиновый, как бы страстно этого кое-кому не хотелось, что некоторые фигуры в руководстве резервации очень прохладно относятся к предстоящим выборам, о том, что надо поднять вопрос о недопустимости входящей в моду в последнее время привычке отключать электроэнергию во время показа фильма, о том, что пора бы столовским работникам перестать так явно и не-

прикрыто приворачивать, словно на них нет управы... и еще о многих, многих прочих вещах, часть из которых Сергей понимал не до конца, а некоторые — и вовсе... Он, впрочем, особенно и не старался вникнуть в смысл того, что доносилось до его ушей, слушал с некоторым безразличием, и все время в голове крутилась мысль: «Неужели все эти проблемы станут скоро моими? И я, так же, как они, буду приходить сюда в обеденный перерыв, и перемывать кому-нибудь кости? Изо дня в день?..» Потом в голову вдруг пришла мысль о баре. Надраться, что ли, подумал он. От такого решения его предостерегали последствия вчерашнего возлияния да то обстоятельство, что вечером еще предстоит утряска дел с семейством Галушко. Однако возвращаться на квартиру сейчас у него не было ни малейшего желания. Зайти, подумал он, посидеть, музыку послушать... Музыка всегда помогала ему отвлечься от мрачных мыслей. Не выгонят небось... Будем считать это продолжением экскурсии.

В баре оказалось довольно уютно и ухожено. Сразу было видно, что здесь есть хозяин. По всей видимости, раньше тут располагались служебные помещения, но потом кто-то заботливо произвел перепланировку, сделал капремонт — словом, приложил руку. И это получилось у него очень даже недурно. Внутреннее убранство бара «Мирок» имело свой стиль и было исполнено со вкусом. Стены были оклеены обоями «под дерево», с потолка свисали две люстры в деревянной отделке, в зале располагались несколько квадратных столиков, тоже в деревянном исполнении. Правда, стулья возле столов были самые обычные, но их обивка была подобрана под цвет, и они не нарушали целостности картины. Напротив стены с окнами, выходящими на мэрию, простерлась длинная стойка, за которой находилось все то, что должно быть за стойкой.

Бар оказался пустым. Даже за стойкой бармена никого не было. Медленно и негромко лилась откуда-то успокаивающая музыка. Пахло выпечкой.

Сергей, озираясь, прошествовал через зал к одному из столиков в углу. Там он устало опустился на стул и зачихнул под него пакет с бельем. Будем слушать музыку и созерцать интерьер, подумал он, а то так и с ума недолго сойти со всеми этими делами. Он облокотился на стол и стал рассматривать его коричневую шероховатую поверхность. Через несколько минут, когда стихла мелодия и наступила пауза, он случайно поднял глаза. Из-за стойки за ним внимательно наблюдал человек.

— Добрый день, — тихо произнес Сергей, выпрямляясь на стуле. Человек за стойкой слегка шевельнулся. — Ничего, что я зашел к вам посидеть?

— Станный вопрос, — не сразу отозвался человек. — Зачем существует бар, как ты думаешь? — Он сделал паузу и бросил вопросительный взгляд на Сергея. — Разве не для того, чтоб в него можно было зайти и посидеть?

Против этого трудно было возразить, и Сергей смолчал. Человек тем временем вышел из-за стойки и приблизился к его столику. Это оказался высокий широкоплечий мужчина с аккуратной бородкой, усами и баками, тронутыми сединой. С виду ему было сорок с небольшим. Выпуклый лоб был густо изоброжден морщинами, а светло-серые глаза смотрели не то с грустью, не то с усталостью. На нем были джинсы и белая трикотажная рубашка с короткими рукавами. Он отодвинул стул, сел напротив Сергея и положил перед собой увесистые кулаки. Когда он садился, Сергей заметил на его макушке легкую лысину.

— Меня зовут Сергей, — представился человек. — Фамилия — Барков. Но фамилия не нужна. Я хозяин этого заведения. Точнее, я и моя жена.

— Очень приятно, — отозвался Сергей. — Меня тоже.

— Что — тоже? — вскинул брови хозяин заведения.

— Зовут Сергеем.

— А-а... Это я одобряю, — произнес Барков значительно. У него был красивый баритон.

— Уютно тут у вас, — признался Сергей. — Только почему пусто?

— Вообще-то в это время у нас мертвый час. Не так давно обед был... Хотя бывает, и это время народ ходит. Ты давно в резервации? — вдруг спросил Барков.

— Совсем недавно, — начал Сергей со вздохом. — У меня к вам большая просьба...

— Нет-нет! — хозяин заведения покачал пальцем. — Не надо называть меня на «вы». Договорились, Сергей? Мы же тезки! Это во-первых. А во-вторых, это у нас вообще не принято. Наверное, эффект замкнутого сообщества. Есть, правда, некоторые исключения, кое-какие должности там... Но ко мне это не относится. Ну, что ты хотел? Говори.

— Значит, просьба такая, — сказал Сергей. — Не спрашивай меня сейчас, ладно? Я от этих расспросов уже устал. У вас всего несколько часов, а только и объясняю всем... Тоже эффект замкнутого сообщества, видимо. Надоело.

— Ради бога, — согласился Барков. — Ты расскажешь о себе, когда сам того захочешь. Только по твоему потерянному виду я заключаю, что ты попал к нам не по своей воле.

Сергей с непониманием взглянул на него.

— Разве сюда можно попасть по своей воле? — недоуменно проговорил он.

— Сюда можно все, — заявил Барков, ухмыльнувшись в усы. — Итак, — объявил он после некоторой паузы. — Хочешь есть? Выпить? Тебе, как вновь прибывшему, да к тому же моему тезке — за счет заведения. Наверняка же голоден.

Сергей молча помотал головой.

— Ну, выпей.

— Да не полезет...

— Слушай, тезка, — участливо сказал Барков, — Я дам тебе совет. Бесплатно... Хочешь? Прощу прощения. — Он внезапно поднялся.

В баре появились двое посетителей. Хозяин заведения торопливо отправился к своей стойке. Посетители забубнили что-то про кофе, коньяк, пирожки и тому подобное. Один из них громко похохатывал и называл хозяина Сержем. Сам Барков деловито позвякивал чем-то за стойкой, тоже что-то бормотал, затем музыка стала звучать чуть громче. Запахло сигаретным дымом. Вскоре в заведение вошел еще один человек. Чтобы больше не ловить на себе надоевшие любопытствующие взгляды, Сергей опять облокотился на стол, уткнулся лицом в ладони и стал слушать музыку. Похоже было, что звучала какая-то насквозь музыкальная радиостанция. Мелодии поплыли друг за другом — одна, вторая, третья... Они сменяли друг друга без всяких пауз и объявлений. Сергей постарался расслабиться и раствориться в музыке. Благо, гомон посетителей был не так громок и не отвлекал. Музыка все-таки смогла увести его за собой на какое-то время, и они остались с ней одни — только он и звуки... Он довольно давно выработал у себя эту способность отключаться от окружающего мира с помощью музыки, и она в очередной раз выручила его. Изредка он поглядывал на то, что происходило в баре, совсем, впрочем, отстранено и безучастно. Кто-то приходил, гомонил, уходил, подсаживался к столикам, вставал из-за них, но лиц не существовало, как не существовало и голосов. Он даже не обратил бы внимания, если бы кто-то подсел к нему за столик — но этого не произошло. Так миновало, наверное, около часа. К действительности его вернул хозяин бара. Он возник рядом, похлопал Сергея по плечу и поинтересовался:

— Не спишь, братец? Медитируешь? На вот, возьми, — Барков поставил перед ним широкий и низкий бокал, в котором плескалась янтарная жидкость, а рядом выложил крупное желтое яблоко.

Сергей в раздумье перевел взгляд на бокал.

— Пей, — повелительно сказал Барков. — Это коньяк. Хороший. Только на пользу. Разглаживает морщины в душе.

Да и черт с ним, безразлично подумал Сергей. Стараясь не вдыхать запах, он в два глотка осушил бокал, потом откусил яблоко и стал медленно жевать. Жгучая теплота стала быстро спускаться по пищеводу. Барков удовлетворительно кивнул.

— Ты только музыку не выключай, — попросил Сергей. — И не меняй станцию... Очень хорошо идет.

— Конечно, — понимающе произнес Барков в усы. — Главное — не оттаивайся, Серега. Сначала, естественно, тяжко... Но привыкнешь. Хочешь — принесу пирожков? Я угощаю.

— Не надо пока...

Было в этом человеке что-то притягивающее. Он словно излучал волны доброжелательности.

— Гляди, — сказал Барков, пожимая плечами. — Если что — подходи.

Он снова удалился, подмигнул Сергею из-за стойки и еще

немного прибавил звук. Так прошло еще довольно много времени. Пару раз кто-то невидимый и далекий, ощущаемый лишь по голосу, доносившемуся словно из другой комнаты, интересовался чем-то у Сергея, но он не реагировал и даже не открывал глаз. Справедливости ради надо заметить, что назойливости ни с чьей стороны он не ощутил, даже чье-то участливое легкое прикосновение, также оставшееся без всякого внимания, немедленно растворилось в небытии. Но ничто не длится вечно, и в какой-то момент музыка стала заметно стихать, а гром в баре — усиливаться. Тогда Сергей открыл глаза.

Посетителей прибавилось, соответственно прибавилось работы у бармена. Теперь рядом с ним уже мелькала женщина средних лет. Помещение неумолимо заполнялось запахом табачного дыма и чего-то жареного. Сергей тяжело поднялся из-за столика. Пора было возвращаться в новообретенный дом. Он вытащил пакет с покупками, сунул его под мышку и вышел на улицу.

Времени было около пяти. Не хотелось больше ничего ни у кого спрашивать и выяснять. По крайней мере сегодня. Хотелось лишь забыться. И еще очень хотелось очнуться вдруг, спустя некоторое время, без этого мерзкого ощущения безысходности и тоски, без этих парализующих разум эмоций, мешающих трезво мыслить и анализировать ситуацию непредвзято. Глубоко вздохнув, Сергей обхватил пакет, и, потупившись, побрел на улицу Солдатова, дом шесть, квартира семнадцать.

Хозяин семейства Галушко оказался таким же ссохшимся и маленьким, как его жена. Он предстал перед Сергеем в потрепанном трико и выдавшей виды рубашке, имел всклокоченный и небритый вид, к тому же от него здорово несло водкой и луком.

Они познакомились, обменявшись несколькими неуклюжими фразами. В течение ближайших полутора часов они почти молча переносили вещи из маленькой комнаты в большую. Нетронутыми остались ковровая дорожка ядовито-зеленого цвета, книжная полка на стене да трехстворчатый шифоньер у самой двери по причине своей фундаментальной громоздкости и отсутствия места во второй комнате.

— Вы уж нас поймите, — слегка сконфужено пояснила Кира Семеновна. — Если хотите, может, какую занавеску сделать, чтоб вас не беспокоить? Да мы, вообще-то, не часто в шифоньер-то лазаем... Сами видите — некуда его приткнуть.

— Пустяки, — проговорил Сергей. — Не обращайтесь на меня внимания.

Они стояли посередине опустевшей комнаты и молчали. После некоторого задумчивого оглядывания Кира Семеновна сказала:

— Славка, стул один оставим ему, наверное? Хоть будет на что одежду сложить, так ведь?

Галушко без колебаний согласился и тут же приволок один из стульев обратно. Затем Кира Семеновна загнала его в чулан, что находилась где-то в прихожей, и он некоторое время там чем-то громыхал, но, наконец, вернулся обратно с видом победителя и драной раскладушкой в руках.

— Во! — сказал он радостно. — Жить можно!

Потом они, кряхтя, долго передвигали и расставляли вынесенную мебель в другой комнате и распахивали по углам и закуткам хозяйское барахло. Когда они закончили, Сергей ушел теперь уже в свою комнату, прикрыл дверь и разложил скрипучую и дряхлую раскладушку.

Никаких шумов, кроме приглушенного звука телевизора из соседней комнаты, не доносилось. Несколько секунд Сергей прислушивался, потом разделся, сложив одежду на стуле, и выключил свет. Хватит с меня, кажется, на сегодня, подумал он решительно. Завтра. Все остальное завтра...

Раскладушка опять жалобно застонала, когда он забирался под одеяло. Ну вот, родной, сказал он себе. Вот так тебе, романтик. Похоже, что вторая ночь в этом городе ничуть не менее романтична, чем первая. Он еще несколько минут поиздевался над собой, потом глаза стали слипаться, и Сергей провалился в пучину сна. День номер один, проведенный им в резервации, закончился.

(Продолжение в следующем номере.)

У ИСТОКОВ УРАЛЬСКОЙ ФАНТАСТИКИ

заметки библиофила

ТАЙНА ПСЕВДОНИМА

Уроженец Чусового Юрий Михайлович Курочкин, умерший в январе 1994-го в возрасте 81 года, так и не открыл никому тайну своего псевдонима «Р. Онцевер», которым была подписана его фантастическая повесть «Короткое замыкание» («Техника — смене», 1938, №№ 5–8). Я думал поначалу, что он, как ни странно (у Юрия Михайловича была удивительно цепкая память) подзабыл обстоятельства появления этого псевдонима.

Но после нескольких бесед с престарелым уже писателем пришел к выводу, что он скорее стесняется этого своего «псевдо». Дело в том, что в середине 1941-го, когда он собирался на фронт, пришли энкаведешники за соседом и, не обнаружив того (отбыл в другой город), для счета, — и у них ведь был план, показатели, — арестовали Ю. М. Курочкина. Без суда и следствия, без предъявления обвинения Юрий Михайлович получил 10 лет и вряд ли смог бы их «протянуть» в северных лагерях, если бы ему не повезло: потребовались геодезисты на прокладку железной дороги в Закавказье, начальство вспомнило о недоучившемся студенте-горняке и направило его на эти работы. Полувольная жизнь, более мягкий климат, фрукты помогли Курочкину выжить.

Но даже освобожденный в 1951-м, он был лишен права жить в больших городах, работал в различных строительных организациях Нижнего Тагила прорабом, геодезистом и... готовился к ссылке навечно в Сибирь, о чем его уже предупредили в МГБ.

И только смерть «великого вождя» принесла в 1953-м окончательную реабилитацию и возможность вернуться к любимой литературной работе. Но, очевидно, после перенесенных мытарств, ему не очень-то хотелось расшифровывать анаграмму «Р. Онцевер», которая, скорее всего, происходила от слова «революционер».

Пропало желание и фантазировать, «вглядываться в будущее». И Юрий Михайлович, обратившись к прошлому, стал известным краеведом.

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ОЛЬШВАНГ (1874–1943)

Повесть «Крепость», опубликованная в 1938-м в свердловском журнале «Техника — смене» (№№ 2 и 3), пожалуй, самое серьезное и объемное научно-фантастическое произведение, опубликованное на Урале в 30-е годы, когда фантастика — научная, и особенно ненаучная — впади в немилость у людей, определяющих, что надо читать советскому гражданину.

Именно поэтому меня заинтересовала личность автора, не только осмелившегося нарушить неписанное табу, но и сумевшего опубликовать свое творение. Кто же такой был этот А. Ольшванг?

Просмотрев периодику 30-х годов, я обнаружил, что очень многие научно-популярные очерки подписаны этой фамилией. В журнале «Техника — смене» даже оказался портрет пожилого человека явно интеллигентного облика. Там же я вычитал краткие биографические данные о нем. Физик. В 1896-м окончил электротехнический институт, 42 года работал на производстве. С 1911-го — преподавал. С 1919-го жил в Екатеринбурге. В адресной книге за один из дореволюционных годов обнаружил, что Алексей Владимирович жил на улице Уктусской, ныне 8 марта, в доме № 20 и работал на электростанции. В 1939-м защитил докторскую. Преподавал в Индустриальном (затем Политехническом) институте. Его научные интересы ле-

жали в области рентгенологии и начертательной геометрии. Человек энциклопедических знаний, он не мог не делиться ими с окружающими. Отсюда множество научно-популярных очерков и научно-фантастическая повесть. Поэтому он и вошел в редколлегия журнала «Техника — смене».

Но куда же делся Александр Владимирович? Я обратился к знакомым преподавателям УПИ, но они ничем не смогли мне помочь. И тогда я обратился к институтской многотиражке, благо подшивки газеты «За индустриальные кадры» сохранились в фондах библиотеки им. Белинского. И узнал, что умер Александр Владимирович 16 июля 1943 года в 10 утра в областной больнице, проведя последние годы в постели, прикованным к ней тяжелым сердечным недугом. Несмотря на болезнь, он время от времени, преодолевая слабость, добирался до института, читал лекции, делал доклады.

ДЯДЯ ЛИСТАР

Он приехал на Урал в качестве агента саратовской фирмы «Талер и Бюрц», занимавшейся продажей колесной мази и скупкой и вывозом в Германию бараньих кишок. Родился Петр Николаевич Галин не в Саратове, а в Петербурге, 20 декабря 1835 года. Семья, когда он был еще ребенком, переехала в Саратовскую губернию, где его отец управлял крупным имением. В 1851 году П. Галин окончил московскую земледельческую школу и 22 года управлял имением князей Четвертинских. В начале 1880-х годов стал сотрудничать в саратовских газетах — писал фельетоны и рассказы. Переехавшись в Екатеринбург, П. Галин вскоре продажу мази сдал на комиссию какой-то мелкой компании, а дело с кишками передоверил сыну Александру, жившему в Челябинске. У Галина образовалось много свободного времени. Энергичная галинская натура требовала деятельности, а стремление к наживе вкупе с определенной писательской репутацией подсадили ему план предприятия. Человек бесшабашный, склонный к кутежам, остро слов и балагур, П. Галин быстро сделался своим человеком в «высшем» екатеринбургском обществе. Сдружившись с богатым мукомолом и городским головой И. Саминовым, он увлек его идеей выгод издательской деятельности. Однако уговорить И. Саминова приобрести газету «Екатеринбургская неделя» и типографию не удалось. Но вместе они подбили на это родственника И. Саминова — В. Симонова. Мечта Галина сбылась! Он стал практически руководителем единственной екатеринбургской газеты! В те годы П. Галин был бойким человеком, знавшим великое множество анекдотов, увлекательным и остроумным рассказчиком, к тому же любившим выпить и вкусно поесть...

Став соредактором газеты, Галин получал 100 рублей жалованья и двойной гонорар за свои публикации. Однако еще два года газета давала убыток, и только после того, как она взяла более прогрессивный курс, ее тираж с 400 экземпляров возрос до 1800.

В «Екатеринбургской неделе» П. Галин вскоре ввел рубрику «Мелочи всенедельной жизни», в которой помещал свои бесчисленные фельетоны, бичевавшие дикость и бескультуру в виде комментариев дяди Листара к событиям, происшедшим на Урале в те дни. Как утверждали современники, «его сатиры провинциальные самодуры и хищники боялись как огня». Первоначально свои фельетоны Галин подписывал анаграммой «Нил А-г», но вскоре остановился на псевдониме «дядя Листар». Цензура порой вынуждала его прибегать к эзопову языку, но всем все было понятно, даже если описывались события

в мифическом городе Брандахлысте, ведь это были всем известные события, поданные едко и нелюбезно. Были и недруги, называвшие Галина «балаганным дедом», но нужно признать, что деятельность Галина-фельетониста была прогрессивной.

Среди бесчисленных пестрых по исполнению и тематике фельетонов дяди Листара попадались по современным понятиям подлинно фантастические новеллы.

3 мая 1887 года в «Екатеринбургской неделе» был помещен фельетон «Фантазмагория»: собравшийся в Саратов дядя Листар по дороге на вокзал встретил на Вознесенской улице похоронную процессию. Полюбопытствовал у зевак, кого же хоронят? Оказывается, его, дядю Листара, «опосля состоявшегося при газете в писарях». А после похорон обещали «...нищую братию какими-то филитонами оделять»... «должно из платья старого...». И тут толпа узнала дядю Листара: «вот он, из гроба убер! Тащи, клади в домовину! Тысячи рук потянулись к Листару... и он проснулся».

В том же году появился еще один рассказ Нила А-га «Призрак» («Екатеринбургская неделя», 20 декабря, № 50), впоследствии включенный в сборник рассказов П. Галина, вышедших в издании «Екатеринбургской недели» в 1891 году. В основе сюжета — некое паранормальное явление. Приехавший в маленькую зауральскую деревушку герой рассказа, некий Николай Петрович, остановившийся на ночлег у своего старинного знакомого, во время ужина неожиданно обнаруживает между собой и хозяйном девушку лет 18–19. Она что-то говорила, но Николай Петрович не мог уловить ни звука. «Что она говорит?» — спросил он хозяина. Однако тот никого не видел. Да и девица куда-то запропастилась. Очнувшись Николай Петрович в соседней комнате — оказывается, он сомлел во время всей этой истории. А через три года, получив должность управяющего имением в центральной России и направляясь к месту новой службы, Николай Петрович встретил ту девушку в вагоне. Она ехала вместе с отцом-старичком и направлялась в это же имение. Из разговора выяснилось, что три года назад во время болезни Женя тоже видела Николая Петровича за столом вместе с каким-то мужчиной и пыталась ответить на его немой вопрос. Вскоре взаимная симпатия переросла в любовь. Но свадьба не состоялась — Женя утонула.

П. Н. Галин не часто обращался к фантастике, разве что в «Мелочах повседневной жизни». Здесь в 1891 году появился «Древний манускрипт» («Екатеринбургская неделя», 22. 09, № 37), а в 1894-м — «Новогодняя фантазия» («Екатеринбургская неделя», 02.01, № 1). В «Древнем манускрипте» описана находка папируса времен странствований древних евреев в Синайской пустыне. Свиток этот длиной в 261 локоть, на древнехалдейском языке, сочинен был якобы неким ребе Хацкалом бен Иегудой и повествует о древних нравах забытого ныне народа. Описывалось, как должников принуждали в период «адартса» трудиться на тучных нивах землевладельцев. А не желающих работать — в Абракадабру и — розгами...

В «Новогодней фантазии» дядя Листар отправляется на новогодний маскарад. И по дороге неожиданно обнаруживает, что в городе повсюду уже аккуратные плитчатые тротуары, скверы с фонтанами каслинского литья, масса зеленых насаждений. В городе уже действует водопровод! В домах — электричество. И вода, и электричество — бесплатные. Улицы — без ухабов, и тоже освещены электричеством. Кучера и извозчики на столяках читают газеты из общественной городской библиотеки. В буфете никто не берет водку — такую действенную пропаганду развернуло Общество трезвости. Вот уж действительно фантастика ближнего прицела, но так и не сбывшаяся до конца.

Последним по времени, но уже «квазифантастическим» рассказом Галина стал святочный рассказ «Привидение» («Екатеринбургская неделя», 1895, № 1). Все случившееся с героем «таинственные невероятности» — блуждание вокруг заколдованного озера, встреча с привидением и все такое прочее — в конце объяснены автором вполне прозаически, даже «научно» — туманом, круглой формой озера, развешенными сетями рыбаков возле места ночевки героя и так далее.

П. Галин был начитанным человеком, умелым и даже незаурядным редактором. И в то же время был невероятно скуп и мелочен. Когда В. Симонов решил продать свою газету и типографию, Галин, вместо того, чтобы купить ее самому, решил приобрести ее малыми затратами. Он сговорил бывшего чиновника, проходимца В. Чекана купить газету, ссудив ему для этих целей 14000 рублей. Надеялся, потребовав у Чекана долг, получить и типографию, и газету «задаром». Однако жизнь рассудила иначе.

Когда Галин потребовал вернуть долг, Чекан неожиданно быстро согласился и тотчас вернул всю сумму (занятую для этого у другого лица). После чего постарался избавиться от П. Галина. Нет, он не выгонял редактора. Просто отменял почти все его распоряжения, создав для самолюбивого Галина невыносимые условия работы. П. Галин ушел. У него на всю оставшуюся жизнь осталась судорожная зоологическая ненависть к В. Г. Чекану.

Несколько попыток Галина возобновить свою деятельность фельетониста в газете «Уральская жизнь» успеха не имели. Его новые «Мелочи повседневной жизни» потускнели, измельчали, потеряли прежнюю раскованность. Это было нечто вымученное, старомодное, малоинтересное... И, кстати, без намека на некогда остроумные фантазии — нечто сугубо приземленное. Успеха фельетоны не имели и Галин замолчал окончательно. Многие жалели его, но, судя по некоторым сохранившимся воспоминаниям современников, далеко не все. Может, поэтому имеет смысл остановиться на некоторых чертах Галина как человека. Это был мелочный и необычайно вспыльчивый человек, тем не менее очень приятный в общении — остроты, анекдоты так и сыпались из него, легко и естественно, скрепленные его собственными непринужденными шутками. Правда, он любил и прихвастнуть, наивно и простодушно, чем тоже веселил знакомых. «Смех излечивает печень», — утверждал Галин, всегда заботившийся о своем здоровье.

Самовластный, желчный, скупой и трусливый, он никогда не имел искренних друзей, окружали его только собутыльники. В старости он осознал это, говоря: «Сколько знакомых было, и ни одна собака не забежит!» Между тем он всю жизнь с кем-нибудь ссорился — с Д. Н. Маминым-Сибиряком, В. С. Мутных, Ф. Ф. Филимоновым, — все это отражалось на редактируемой им газете, но не вразумляло строптивого П. Галина.

Разбогатец, П. Н. Галин купил себе дом на углу улиц Клубной и Водочной (ныне Мамина-Сибиряка и Первомайской) под № 21. Здесь хозяйничала его жена Валентина Петровна Демидова. От безделья Галин организовал так называемые Демидовские меблированные комнаты, стал пайщиком типографии Алексея и Ершова.

В последние годы жизни это был уже лысый высокий старик с длинной бородой лопатой и густыми, нависшими над глазами бровями, большим мясистым носом, с выцветшими выпуклыми глазами за золотым пенсне на шнурке. В. Весновский писал в воспоминаниях, что и в облике и в характере Галина было что-то семитское, хотя в родословной его «инородческих» примесей вроде и не было. Говорил Галин, подчеркивая букву «р», и был глух, так что собеседнику приходилось кричать, чтобы быть услышанным.

С годами у него образовалось множество причуд: гость должен был съесть все, что положено ему на тарелку, встав, задвинуть под стол стул, и уйти до десяти часов вечера — времени, когда Галин неизменно ложился спать... У Галина была большая библиотека, на дверцах книжных шкафов красовалась надпись: «Ради бога! Не берите у меня книг!».

Брюзжанье Галина надоело в конце концов даже его жене Демидовой, которая после многих лет совместной жизни ушла от него, не выдержав бесконечных сварливых придирок. И даже взрослый сын Александр, у которого в 1906–1907 гг. жил Галин, измучился от причуд отца.

Умер Петр Николаевич Галин в 1908 году... Но долго еще бытовала легенда, что он всю жизнь сокрушался, что не знал ранее, будто в бараньих кишках фирма «Талер и Бюрц» вывозила из России контрабандное золото...

НОВОГОДНЯЯ ФАНТАЗИЯ

31 ДЕКАБРЯ теперь уже канувшего в вечность 1893 года я получил приглашение пообедать у одного моего доброго знакомого, с тем, чтобы вечером направиться в театральные маскарады, где и встретить новый год. Я с радостью принял это любезное приглашение, потому что во все особенно выдающиеся праздники, как то Рождество, Новый год, Пасха, одиночество действует на меня угнетающе и я бываю бесконечно рад, если мне удастся эти исключительные дни провести среди своих знакомых, чтобы забыться от тоски одинокой безотрадной старости, наложившей на меня свою властную и неотразимую руку.

Около трех часов дня я вышел из дома и остановился с изумлением, протирая глаза. Начиная Клубной улицей, на которой стоит моя «хижина бедная», я увидел прекрасные тротуары из тесаного плитового камня, чисто выметенные и посыпанные песком, такие же тротуары тянулись по обеим сторонам всех пройденных мною улиц, площади, через которые мне приходилось проходить, как, например, Дровяная, Сенная, Щепная, все были засажены множеством деревьев и кустарников, украшены выкрашенными в зеленую краску скамьями и садовыми диванчиками, и таким образом превращены в скверы, дорожки, прихотливо вившиеся в разных направлениях, были все чисто выметены и также усыпаны песком. На возвышенных местах красовались чугунные фигуры прекрасного каслинского литья, изображающие дельфинов и иных морских чудовищ.

Множество детей с разбуряющимися от легкого мороза личиками под присмотром своих нянюшек резвились по дорожкам скверов.

— Это что же такое, любезный? — спросил я сторожа, стоявшего у ворот решетчатой ограды, которой были обнесены скверы, указывая на одного из левиафанов.

— Фанталы, сударь, к примеру сказать как бы вроде водометов, — отвечал он мне.

— Да откуда же воду для них станут брать? — снова спросил я его.

— Да вы, сударь, должно полагать, не здешний? У нас теперича везде водопроводы действуют, ну, стало быть, и к фанталам водопроводы приспособлены: как, значит, отвернешь крант, так вода и ударит в это самое место! И-и, боже ты мой, как высоко вверх берет.

— А вода-то откуда, из Малахова ключа, что ли, проведена?

— Куда тебе Малахов ключ! В ем, умные люди рассказывают, вода самая что ни на есть не подходящая, потому в ей доктора какую-то разрыв-траву нашли, а у нас вода проведена из ключа, что на третьей версте отседова разыскали — хрусталь вода, одно слово!..

Смеркалось, когда я добрался до своего знакомого и поспел как раз к обеду, и где был до крайности удивлен тем обстоятельством, что лишь только мы сели за стол, хозяин нажал скрытую в стене кнопку, и вся комната мгновенно была залита мягким, но сильным электрическим светом.

— Что это такое? — невольно спросил я, зная ограниченные средства моего знакомого. — Откуда у тебя взялось электричество?

— Разве ты из Воронежа приехал и не знаешь, что теперь весь город освещается электричеством. Оно и водопроводы, благодаря городскому управлению, проведены в каждый дом. «Общество электро-водоснабжения» орудует...

— И дорого стоит иметь воду и свет?

— Ни копейки! Это все от города «в знак подарка».

Я только ахал и восхищался.

Отправляясь в театр, мы ехали по освещенным электричеством улицам, гладким и ровным, как паркет: ни одного ухаба, ни одной выбоины — прелесть.

— Что брат, хорошо? — улыбался приятель, видя мое

удовольствие. — И заметь, с обывателей никаких сборов и налогов не полагается...

— Как так?

— Да уж и не знаю как, а только никаких складных листов городская управа нам не присылает...

Было около одиннадцати часов, когда мы подъехали к театру. Множество экипажей загрохотало почти всю Воскресенскую улицу, но, несмотря на такой наплыв кучеров и извозчиков, царил образцовый порядок: тишина полнейшая, даже слышно было, как падали на землю редкие снежинки. Извозчики, сидя на козлах, читали «Гражданина», а кучера «Луч» г. Окрейца.

— Смотри, смотри, — толкнул меня приятель, — это все вновь устроенная городская общественная библиотека, конечно, бесплатно снабжает их газетами. Да, брат, хорошо теперь!..

Когда мы подошли к кассе и, взявши билеты, вошли в зал, то маскарад был уже в полном блеске. Множество изящных и остроумно составленных костюмов останавливали на себе внимание.

При нашем входе несколько пар, одетых в пейзажные костюмы, плясали.

— Славно пляшут, — заметил я своему спутнику, — не знаешь, кто это такие, не из купеческих ли?

— Совсем нет! Это обыкновенные крестьяне, приехавшие из уезда, называемого «житницей Пермской губернии», того самого уезда, о котором их местный бард г. А. Б-шов пишет: «Здесь на площади обширной покупались хлеба на миллион пудов». Урожай нынче баснословный, долги и недоимки все уплачены, вот они и веселятся.

Кончилась пляска, восхищенные зрители повели пейзаж в буфет, где им было предложено по стакану лапинской воды и бутерброду со стразбургским пирогом, так как они наотрез отказались от водки.

— Почему у нас опчество трезвости и мы теперича эвтого самого зелья — ни боже мой, — сказал один из них, — ништо когда с похмелья чарочку-другую опрокинем, а то ни в жизнь!

Время близилось к 12-ти часам, и началось обычное новогоднее шествие.

Впереди шел сам антрепренер и раздавал свои фотографические карточки столпившейся вокруг него публике.

— Господа! — говорил он. — Ваше участие и любовь к театру, выразившиеся в его частых посещениях, не только дали мне возможность по примеру прежних семи лет моей антрепренерской деятельности честно расплатиться с господами артистами, но и себе отложить малую толику на черный день. Скрывать не стану: у меня теперь в эмпирически-фигтивном банке положено на текущий счет до сорока тысяч рублей, благодарю вас, господа, и прошу принять на память мой портрет.

Публика горячо приветствовала г. Медведева и говорила:

— Не стоит благодарности, и напередки рады стараться.

За ними длинной вереницей тянулись все артисты и артистки его оперетно-драматической труппы и также раздавали свои портреты, приговаривая:

— И от нас примите сей скромный знак благодарности за вашу симпатию к нашим стремлениям доставить вам удовольствие.

Публика приветствовала и господ артистов.

В этот момент часовая стрелка указала на циферблате давножданное число XII и появился Новый год, щедрой рукой раздавая всевозможные подарки. Давка сделалась невообразимая, вся масса публики кинулась к нему, стараясь что-нибудь получить, задние ряды напирала на передние, эти отталкивали наступающих, меня сжали до такой степени, что я, собравшись с силами, крикнул:

— Пропустите ради Христа!

И... проснулся.

Дядя Листар.
(«Екатеринбургская неделя», 1894, № 1).

«Лавка Фантастики» № 1

Андрей Дворник. Отруби по локоть. Романы. («Звездный лабиринт»). М., АСТ; СПб, Terra Fantastica. 1997.

Столичный издательский колосс при поддержке изощренной в фантастике петербургской фирмы издал увеселительный «кирпич» пермского автора. В томе — целых два романа, причем первый, давший название книге, уже годика два назад неисповедимыми путями опубликовался в Волгограде и удостоился рецензии в «Лавке фантастики». Суть рецензии напомним: молодой автор написал игривый несерьезный роман, книжку о вкусной и здоровой порнографической фантастике с мордобоем, пальбой, монстрами и магией. Рецензент патерналистически посоветовал начинающему беллетристу расширить круг идей и обогатить палитру художественных изобразительных средств. Молодой беллетрист и ухом не повел. Действие нового романа, продолжения «Отруби по локоть», начинается сразу же с того момента, каким закончился первый. Этак, знаете, в духах бесконечной книжной саги «Звездных войн», каждый из романов которой начинается упоминанием конкретной временной привязки к событиям культового фильма. Например: через шесть часов после событий, отраженных в «Возвращении джедая». Вот и Дворник возвращается, планируя, видимо, бесконечный сериал о похождениях коми-пермяцкого косморазведчика, ефрейтора с «говорящей» фамилией Порнов.

Ах, смогут ли оценить российские читатели всю прелесть пермских топонимов и знаковых явлений ноосферы Прикамья? На галактических просторах Порнов мечтает об отдохновенных минутах на камском берегу, а главный земной космический линкор носит гордое имя «Заря Урала». Для тех, кто не в курсе: так назывался с изрядным треском лопнувший пермский банк.

Образ Порнова выкристаллизовался, оброс плотью и наполнился живыми пульсами только к концу романа «Отруби по локоть!». Начинаешь читать «Голому рубашка» — и с ужасом понимаешь, что герой уже не просто художественно полиоценен. Он сам стал мифическим героем земли коми-пермячской, он обязательно войдет в студенческий фольклор, он бессмертен и всемогущ, он и культурный герой, и трикстер, и пацан из соседнего двора.

Уберите из романа весь фантастический антураж, все звездолеты, фазеры (если есть лазеры и мазеры, почему бы системам-бразерам не пострелять?) замените на финки — и роман выживет, потому что основан на архетипе легенды о короле Артуре (см. статью Сапковского в предыдущем номере). Родовая структура фэнтези такова: некий инкогнито в компании соратников и с волшебным артефактом предпринимает опасное путешествие, в котором ему помогают волшебники, чтобы в финале вернуть себе принадлежащий по праву, но отнятый узурпатором престол.

В то же время романы Дворника — абсолютные антифэнтези. Изгнанница — принцесса созвездия Серебряных Струн, обладающая ментальными (читай — магическими) способностями Хьюз Мич Том Третья отнюдь не является героиней романов. Злорадно хохоча (так видится рецензенту) над светлыми идеями феминистской фэнтези, автор использует гордую девушку по большей части весьма утилитарно — так, как поступают с дамами в цикле романов Джона Нормана о планете Гор. «Порнов обратил на оргазм подруги мало внимания; разве что ненадолго ослабил напор, чтобы уже через минуту обрушить на девушку новые удары своего горячего молодого тела, грохочущую орудийную канонаду; подвластный одному лишь Эросу, он ваял из женского тела те скульптуры, которые только мог придумать его взбесившийся разум; час сменялся часом, а он продолжал брать ее сверху и снизу, стоя и сидя. Как столляр-краснодеревщик видит в простой дощечке будущий шедевр, так он различал в отдающемся ему теле все новые и новые горизонты; стальной рубанок неумоимо вгрызался в мякоть и ходил взад-вперед, вырывая из горла Мич все новые и новые стоны». Стиль довольно-таки изысканный, образный, не правда ли? Только вот точек с запятой многовато... И хоть А. Дворник не стремится показать, что ему ведомы открытия литера-

туры XX века вроде «многоглазия» или работы не только на зрительных, но и на обонятельных и тактильных уровнях передачи ощущений, все же свежачком бьет по ноздрям после душевной литературщины обвешанных призами и премиями Лазарчука — Столярова — Рыбакова.

Принцесса — потенциальная харизматическая героиня, но антигерой Порнов отбирает у нее законные функции. Забывает и о своих: жертвенно защищать героиню. Вот после аварии при посадке на незнакомую планету он не отправляется принцессу искать-спасать, а усаживается изготавливать из подручных материалов ложку, потому что хочет жрать.

Романы А. Дворника, кроме того, волнующе антиинтеллектуальны. С таким сладострастием герой произносит иностранное хайтекное слово «хардваре!» Как он хамит компьютерам, как обманывает тупую автоматику звездолетов — и как эффектно размахивает нунчаками-«ибахоба» и палит из электропулемета!

Романы Андрея Дворника представляют собой пример литературы глубоко народной и партийной. Порнов — народный герой. Он сочетает в себе лучшие национальные черты советского человека. Ему снятся только эротические сны. Он побеждает всех врагов не потому, что он такой сильный или умный, а потому, что ему везет. Он неуничтожим никаким дустом (магией, вервольфами-зомби, ядерными взрывами) и победно несет от страницы к странице оптимистические идеалы: «Где наша не пропадала» и «На фига на небе волны».

Кот МАТРОСКИН.

Кирилл Королев. Мифические существа. Энциклопедия. («Век Дракона»). М., АСТ; СПб, Terra Fantastica. 1997.

Ряному фэну книга придется ко двору — как всякое издание о фантастике (а изданий «о» заметно меньше, чем публикаций собственно нф-прозы). В утилитарном смысле книга достаточно бесполезна, вряд ли кто-нибудь из серьезных отечественных литераторов примется сочинять фэнтези, населенное эндемичными персонажами европейского фольклора, редкостными «пуками» или «груагахами». Уж больно филологичное фэнтези получится, реализуемый тираж выйдет раз в 20 меньше, чем собственно «Энциклопедия». Видимо, поэтому К. Королев и камуфлирует свой труд под литературную игру и заявляет, что сия рукопись была найдена в Сарагосе и принадлежит перу магистра архивной магии Граллона Исского.

«Энциклопедия» посвящена обитателям волшебной страны, обобщенно — фейри. Пусть. Русский аналог, «нелюдь», уж как-то спаялось в нашем сознании с такими фигурами, как Гиммлер или Ю. Петухов... Открытием можно считать разыскание Королевым фольклорных корней хоббитов. Их вовсе не Дж. Р. Р. толкая придумал, как сам утверждал. Они, оказывается, поминались в неких «Дэнхемских списках».

Имеются в энциклопедии и «grousaiki», поскольку сия нелюдь славянского генезиса эксплуатировалась англоязычными сочинителями фэнтези. Собственно, в наших палестинах уместнее было бы составить и издать энциклопедию существ из славянских мифов и верований, причем не обязательно на одной лишь основе Афанасьева: одна только региональная демонология предоставила бы роскошный материал. Но эта задача оказалась бы много труднее, хоть и естественнее для российского фэна.

Аркадий АЛЕФ.

Евгений Лукин. Катали мы ваше солнце. («Заклятые миры»). М., АСТ; СПб, Terra Fantastica. 1997.

Железным катком по нашим представлениям о допетровской России прокатился знаменитый роман Алексея Толстого. Разве можно теперь, сочиняя очередную «велесову фэнтези», обойтись без нечесаных голов, редких бородепок, икания, рыгания и прочих антигигиенических примет родной истории. Салтыков-Щедрин вот еще уверил нас «Историей одного горо-

да», что персонафицирующие идею народности литературные русичи-пейзаны дебильны до изумления. Сатирику-то забавным показалось конструировать глуповцев путем овеществления заключенных в русских народных поговорках метафор, не менее абсурдных, чем предоставляемые лимериками. Но таперица герой славянского фэнтези зарезаться может только огурцом.

Страна берендеев Евгения Лукина в этом смысле более чем традиционна. А фабула держится на допущении, что солнце — это громадный, величиной аж с двухэтажный дом железный шар, который, набив под завязку дровами и запалив, ежеутрене пускают катапульти в небеса. Самые затянутые страницы этой повести посвящены как раз технологии «катания» солнышка.

Вялые сатирические аналогии с развалом СССР просматриваются в разделении страны берендеев междуособствующими братьями-князьями, отчего каждое независимое княжество вынуждено самостоятельно обеспечивать себе привычную космогонию, поставляя сырьевые ресурсы в обмен на греческую технологию. Персонажи, все эти Кудыки и Докуки, традиционно кудлатые и чумазы, чем и исчерпываются усилия автора по живописанию характеров. Повесть заметно уступает публи-

кующемуся в этом же томе давнему произведению Лукина «Там, за Ахероном». Начало буквально каждой главки повествования о сбежавшем из ада доне Жуане швыряет интригу по совершенно неожиданным координатам, неподрастаченная авторская фантазия заставляет душу легендарного сластолюбца воспользоваться подвернувшимся в спешке дамским телом, адские реалии уморительно пародируют быт лагерных эзков, а литературный блеск отливается в описание генеральской прически: «В негустую и рыжеватую его шевелюру с флангов врубались две глубокие залысины, норовя повторить знаменитый маневр Ганнибала». Увы, в повести, давшей название книге, этот блеск потускнел до хохмаческого обращения к летописцу: «Эй, ты! Писец всему!»

Книга предоставляет также возможность вновь, уже в который раз, перечитать «Пятеро в лодке, не считая Седьмых», и завершается не имеющим никакого отношения к фантастике глумливо-газетным эссе «Манифест партии национал-лингвистов».

Что ж... Как говаривал В. Букур, «никто не киборг по выпечке одних только гениальных произведений».

Аркадий АЛЕФ.

Блуждающая маска

ФИЛЬМЫ В ПРОИЗВОДСТВЕ

СОЗДАТЕЛЬ «Вавилона-5» Дж. Майкл Стражински начал снимать новый сериал — «Крестовый поход», посвященный рейнджерам. Сериал выйдет на американские телеэкраны в конце 1998 года.

***

Голливуд собирается предложить нам новую версию «Человека — невидимки» Герберта Уэллса. В главной роли нового сериала от компании «Двадцатый век Фокс» звезда «Твин Пикса» Кайл Маклохлан, а сам сериал будет слегка напоминать «Секретные материалы».

***

«Армагеддон» — так называется новый фантастический фильм с участием Брюса Уиллиса и Лив Тайлер. В очередной раз Земле угрожает астероид, а герой на все времена Уиллис отправляется спасать планету (видать, во вкус вошел).

***

Стивен Кинг дарит нам еще одно «Отчаяние» (оригинальные названия фильмов различаются, но на русский переводятся одинаково). Кинг уже работает над сценарием по собственному бестселлеру 1996 года. Кроме того он запросил 17 (!) миллионов долларов за свой новый роман «Мешок с костями», который наверняка тоже очень скоро станет фильмом. Кстати, предыдущий рекорд гонорара, выплаченного за одну книгу, принадлежит Тому Клэнси, но составляет всего 3 миллиона.

***

Фильм «Фантастическое путешествие» задумывался как римейк одноименной ленты 1966 года (нашим зрителям уже знакома одна версия этой истории под названием «Внутренний космос»). Сперва нам собирались предложить вместе с бригадой врачей посетить тело умирающего инопланетянина, чей корабль разбился в пустыне. Затем сценарий был несколько переработан, теперь действие фильма будет происходить не в наши дни, а в 2014 году, а две военные группы (одна из них — «Морские коты») будут внедрены в тело президента США. Скорее всего, американцам понравится концовка, когда из президента полезут «Морские коты».

***

«Пятидневный прогноз погоды» снимается сейчас на киностудии «Двадцатый век Фокс». Как видно из названия, речь пойдет о погоде. Вернее, об эксперименте, во время которого что-то пошло не так. «Фокс» заплатил огромный гонорар сценаристам и обещает чертовски хорошее зрелище.

***

«Я проснулся рано в день, когда я умер» (по последнему сценарию признанного худшего режиссера всех времен и народов — Эда Вуда) — этот фильм тоже находится в производстве. Билл Зейн, продюсер фильма, обещал звездный состав и сдержал слово: Кристина Риччи, Розанна Аркетт и Аманда Платте — в главных ролях, а речь пойдет, скорее всего, о вампирах.

Композитор Дэнни Эльфман («Бэтмен», «Люди в черном», «Эдвард-Рукиножницы», «Битлджус» и др.) станет режиссером. Он уже подписал контракт на несколько режиссерских работ. Первой из них, видимо, станут «Дьяволята» — о трех очень непослушных детишках. Естественно, саундтрек фильма будет напоминать музыку из «Кошмаров перед Рождеством».

***

«Эффект Меркурия» — история попытки завоевания Земли разумными шимпанзе, которые были посланы в космос в ходе программы «Меркурий 6» и вернулись на Землю 35 лет спустя, чтобы начать крестовый поход против рода людского.

***

Сандра Баллок сыграет ведьму в фильме «Практическая магия» по роману Элис Хоффман.

***

«Свидание с Рамой» — вы не обознались, это действительно роман Артура Кларка, а фильм по нему снимает Дэвид Финчер, режиссер «Чужого 3» и «Семь».

***

«Сейлор мун» на киноэкране! Любители японского анимационного сериала «Сейлор мун» порадуются (а может, и нет) художественному фильму, в котором роль королевы Берис исполнит Джина Дэвис.

***

«Супермена» с Николасом Кейджем в главной роли снимает Тим Бэртон. Интересно, а Кейдж застраховал свою жизнь от несчастного случая? Ведь известно, что всех актеров, игравших Супермена, поджидали какие-нибудь несчастья. В любом случае, фильм Тима Бэртон — это всегда зрелище.

***

Рассел Малкахи («Горец») решил на этот раз снять ужастик про мумию. А я уже решила, что мумии больше не в моде. Участие Кристофера Ли, который отмечает в этом году двойной юбилей (50 лет актерской карьеры и 40 лет с тех пор, как он впервые снялся в фильме «Мумия» компании «Хаммер»), предполагает соответствующую обстановку. В других ролях: Шелли Дюволл («Сияние»), Лизетт Энтони и Джейсон Скотт Ли.

***

Недавно общавшаяся с прессой агент актера Дэвида Духовны заявила, что Дэвид не покинет сериала по крайней мере еще год. Таким образом, нас ждет шестой и еще седьмой сезоны суперпопулярного сериала. Причем седьмой сезон будет сниматься независимо от того, согласятся Джиллиан и Дэвид участвовать в нем или нет. По требованию актеров съемки сериала перенесены из Ванкувера в Лос-Анджелес, где актеры могут обзавестись, наконец, перманентным жилищем.

Надежда МАРКАЛОВА.

«Лавка Фантастики» № 1

НОВАЯ ГАЛАКТИКА НА НАШЕМ ЭКРАНЕ

НАКОНЕЦ-ТО отечественные телезрители могут смотреть сериал, хотя бы отдаленно напоминающий знаменитый «Звездный путь». Это многосерийный цикл «Вавилон-5».

«Вавилон-5» — это космическая станция, этакое космическое столпотворение, где можно встретить представителей всех рас и народов, населяющих Галактику. Главный персонаж первого сезона сериала — командор станции Синклер. Его преследуют кошмарные видения войны. Кроме того, у него есть своя загадка: из памяти выпало несколько часов жизни. Именно в этих «пропавших» часах кроется объяснение неожиданной капитуляции минбарцев в войне с Земным Содружеством. «Я пытался показать Синклера с разных сторон, — говорит актер Майкл О'ХАРА. — Его самая главная проблема — это комплекс вины. Когда ты командир, ты отвечаешь за своих подчиненных, поэтому ему нелегко справиться с фактом гибели всего батальона, которым он командовал во время конфликта минбарцев и землян. Эти воспоминания возвращаются к нему и причиняют боль». Кроме того, О'Хара признается, что до участия в «Вавилоне-5» совершенно ничего не знал о жанре научной фантастики. «Я — театральный актер и никогда не имел дел со спецэффектами, — говорит он. — Поэтому первые 22 серии я просто «изучал» этот процесс. У меня есть приемный сын Бен, который знает о фантастике и спецэффектах все, что только можно. Я приглашал его смотреть отснятый материал и слушал его замечания. Он очень умный ребенок и иногда давал мне стоящие советы».

К концу первого сезона сериала Синклер все-таки выясняет, куда делись те «пропавшие» из его памяти часы. Во втором сезоне место командора Синклера занимает другой лидер — новый командор станции Джон Шеридан в исполнении актера Брюса БОКСЛЕЙТНЕРА. Брюс стал известен поклонникам научной фантастики после своего участия в фильме «Трон». Югославская актриса МИРА ФЕРЛАН, играющая посла Минбара — Делени, очень знаменита в своей стране. «Она потрясающая актриса, — говорит Майкл О'Хара. — У себя на родине ее называют

югославской Мэрил Стрип. Ее персонаж очень сложен. Делени сама не знает, кто она и каково ее предназначение. Она часто борется сама с собой».

Мира Ферлан родилась в Загребе (Хорватия), там же окончила актерскую академию. Мира — обладательница многих европейских призов за свои актерские работы в театре и кино, включая приз «Золотая арена» (югославский «Оскар»). Фильм с ее участием «Когда папа был в командировке» даже получил Гран при в Каннах. Когда в стране начались катаклизмы на национальной почве, ее выгнали из театра и даже устроили открытое гонение в прессе. Она эмигрировала в США вместе со своим мужем-режиссером.

«Я жила в Хорватии, а мой муж — в Сербии, — говорит Мира. — Мы попытались остаться непричастными к конфликту, но людям это не понравилось. Когда мы приехали в Америку, нам тоже было сложно — другой язык, и потом, я долго не могла получить работу, несмотря на самые лучшие рекомендации. Делени — это моя первая роль здесь, и я ею горжусь».

На прослушивании ей сразу сказали, что ее персонаж будет сильно загримирован. Тогда она не знала, что имеется в виду. «Я никогда не играла в маске раньше, но это интересно, грим помогает перевоплощаться в нечто совершенно другое». За время съемок первого эпизода ей пришлось просидеть в кресле гримера 27 часов. Кстати, в первом эпизоде Мира играла персонаж мужского пола и ее голос был изменен с помощью компьютера. Потом пришло время долгого ожидания: три месяца студия гадала, утвердить сериал или нет. Мире даже удалось за короткий промежуток между пилотным эпизодом и дальнейшими съемками сделать небольшой театральный дебют. «Я — театральная актриса, и сцена была для меня как родной дом, — делится впечатлениями Мира. — Театр везде одинаков». Потом пришло сразу несколько хороших известий: во-первых, сериал получил-таки «зеленый свет», а во-вторых, персонаж Миры, Делени, превратился в существо женского пола, а это означало — никакого компьютерного озвучивания.

«Из актеров, с которыми мне пришлось работать, — говорит Мира, — мне больше всех нравится Билл Мьюми. Он очень милый человек, добрый, с ним легко работать».

Действительно, самым известным актером в составе съемоч-

ной группы «Вавилон-5» является, пожалуй, Билл МЬЮМИ (диктор почему-то произносит его фамилию, как «Мамми»). Этот актер, большой поклонник фантастики и комиксов, прославился еще будучи ребенком. В то время он играл Уилла Робинсона, младшего члена потерявшейся в космосе семьи. Это очень популярный и до сих пор любимый американцами сериал так и называется: «Потерянные в космосе». «Это было странное время, — вспоминает Мьюми. — Я снимал несколько дублей, давал автографы ожидавшим меня у

дверей студии поклонникам, а потом шел в свой трейлер и «про-

валивался» на экзамене по географии».

Этот достаточно молодой еще актер умудрился много сделать за свою жизнь: пофлиртовать с Брижит Бардо, получить режиссерские распоряжения от великого Хичкока и прославиться, будучи 10 лет от роду: когда его однолетки читали «Приключения Тома Сойера», он учил сценарий «Потерянных в космосе». Сейчас Билл и его приятели по этому давнему сериалу пишут сценарий для фильма-сиквела.

«Когда мне предложили роль в «Вавилоне-5», я сразу согласился, поскольку думал, что это «гостевая» роль, так, на пару эпизодов, — вспоминает Билл. — Когда сериал утвердили, меня превратили из «гостя» в «регуляра», а жена мне долго пеняла, что мы опять остались без отпуска. Но все обошлось. В конце концов, моя жена тоже любит фантастику».

В его послужном списке появления в таких сериалах, как «Сумеречная зона», «Случай в космосе», «Флэш», «Супермальчик», а также в фильме «Капитан Америка». Он озвучил несколько мультфильмов, в том числе «Приключения Бэтмена». Сейчас Билл Мьюми также известен как музыкант и писатель. В сериале «Вавилон-5» он играет минбарца, помощника Делени — Линира.

Биллу редко приходится появляться на экране без какого-нибудь экзотического грима. Можем сообщить, что в жизни он рыжий и веснушчатый.

«Я ненавижу этот грим, — признается Билл. — Я в нем, как в резиновой шапочке для плавания, ничего не слышу. Когда во втором сезоне с Делени происходили значительные изменения и ее грим изменился на более человекоподобный, я ей так завидовал! Я долго ходил за продюсером и канючил: «Ну пожалуйста, сделайте то же самое с Линиром, пусть он чем-нибудь заболит и у него отвалятся уши». Ничего у меня не получилось, пришлось дальше носить резиновую шапочку». У Билла подрастает сынишка, который уже дебютировал в одном из детских фильмов.

Между прочим, Билл чуть было не снялся в «Звездных вой-

нах» в роли Люка Скайуокера. Мьюми уже почти был утвержден на эту роль, но ему перешел дорожку Марк Хэмилл. Тем не менее актеры продолжают оставаться лучшими друзьями.

Джерри ДОЙЛ (Майкл Гарибальди) и Андреа ТОМПСОН (Талия Винтерс) — эта супружеская пара любит работать вместе. «До того, как я появилась в «Вавилоне-5», мы виделись только несколько часов в выходные, — говорит Андреа. — Сейчас мы видимся на работе. Я обожаю свою профессию.

Я общаюсь с симпатичными, умными людьми. Иногда приходится снимать постельные сцены с милыми мальчиками, которых я совсем не знаю. И мне за это много платят. Просто здорово!»

«Не-е-е, я не снимаюсь в постели с девушками, — говорит Джерри Дойл. — Я гоняюсь за инопланетянами».

Андреа Томпсон провела свое детство в Мельбурне. Родительский дом стоял прямо на берегу моря. «Мне приходилось ходить в школу пешком несколько километров туда и обратно. Я все еще люблю Австралию. Когда мои родители решили вернуться в Штаты, я устроила скандал».

Чтобы сыграть Гарибальди, Джерри Дойлу пришлось изучать работу начальника охраны, это довольно просто, а вот что же пришлось изучать Андреа для того, чтобы сыграть телепатку? «Я попыталась представить, что чувствует телепат, влезть в его шкуру, — говорит Андреа. — Получилась просто жуткая картина: ты не можешь иметь близких друзей, потому что ты постоянно читаешь их мысли, а это запрещено. Ты не можешь дотрагиваться до кого-либо рукой, ты абсолютно одинок. Тебя не понимают окружающие. Такие люди всегда встревожены до глубины души, это нормальное состояние для телепата. Наш консультант, Харлан Эллисон, дал мне несколько своих произведений и несколько статей из журнала «Омни». Я думаю, что

рейтинг самоубийств среди таких людей был бы очень высок. Ну, например, куда поехать телепату в отпуск, чтобы расслабиться? В джунгли?».

Андреа очень нравится ее персонаж. «Я думаю, что все персонажи женского пола (кстати, их в сериале всего трое) внесли что-то свое в сюжет, — говорит Андреа. — Все они сильные, мужественные женщины. И Талия одна из них, хотя она всего лишь жертва обстоятельств, ей так и не дали разобраться в них. Талия всегда проста и откровенна со всеми. Хотя та Талия, которую мы знаем, больше не существует. Вы скоро узнаете, что она — предатель. Так что я тоже не знаю теперь, кто она на самом деле».

Талия Винтерс исчезает из сериала в конце второго сезона. Самым загадочным в истории Талии так и остался тот эпизод, в котором посол Кош крал ее эмоции. Зачем это ему было нужно? Это осталось тайной даже для самой актрисы.

«Нам не всегда все объясняют, — говорит Джерри. — Нам говорят, что персонаж собой представляет, что он любит или не любит и так далее, но не больше. Иногда им в голову приходят глупые идеи. Например, однажды по сценарию мне было предложено уложить в постель женщину, но я посчитал, что это неверно и опростововал. Да, они придумывают персонажей, вкладывают в них деньги, но люди-то потом идут к нам и говорят, что им что-то не нравится. Для зрителей мы и есть те персонажи, которых играем в сериале. Мне не хочется их разочаровывать».

Джерри и Брюс Бокслейтнер (капитан Шеридан) сами исполняют свои трюки. В конце второго сезона Джерри даже сломал руку при исполнении одного из трюков. «Мы снимали последний эпизод второго сезона, — вспоминает Джерри. — Я так и не понял, что случилось, в любом случае, несколько дублей прошли плохо. Я все время падал, а оператор не мог «поймать» меня в кадр. В конце концов я почувствовал себя плохо, оказалась, что у меня перелом. В следующем эпизоде я был в гипсе».

Патрицию ТОЛЛМАН, играющую телепатку Литу Александер, зритель чаще всего вообще не замечает, потому что она — каскадер. В фильмах она работает дублершей более известных актрис. Ее убивают всеми известными способами, одевают в костюмы инопланетян, живых трупов, заставляют прыгать в бездны и вообще выполнять самые умопомрачительные трюки. Она снималась в различных телесериалах, например, «Звездный путь: следующее поколение» и «Станция «Дальний космос девять», заменяла Лору Дерн в фильме Спилберга «Юрский парк», играла ведьму в «Зловещих мертвецах — 3» и носила костюм мертвеца в фильме «Ночь живых трупов».

«Нам пришлось идти толпой на группу стрелков, которые обстреливали нас горящими стрелами, — вспоминает Патриция. — Наши костюмы были сделаны из легковозгораемого материала и было довольно страшно. Но все обошлось. Самыми страшными были съемки «Юрского парка». Там мне пришлось прыгать на скелет динозавра, а так как героиня фильма носила шорты, никаких поролоновых прокладок подложить было нельзя, и на следующий день я вся была в синяках».

То, что в «Вавилоне — 5» меня еще не убили — это большой сюрприз. Я все время шучу, что пора бы меня уже высосать через дырочку в открытый космос. Такое я еще не играла!»

Майкл СТРАЖИНСКИ, создатель сериала, говорит, что первый сезон — это только цветочки. «Если вы считаете, что уже все видели, вы ошибаетесь. Первый сезон — это всего лишь знакомство с персонажами. Мы представили вам целый мир и лишь задели те его аспекты, которые еще получают свое развитие». Так что нас ждет немало открытий в галактике «Вавилон-5».

Надежда МАРКАЛОВА.

КОВАРСТВО НЕГУМАНОИДОВ

Кровожадные арахниды (это такие челясти о восьми ногах) запустили из глубин космоса пряником в Буэнос-Айрес астероид. 12 000 000 жертв. Космические десантники решили провести зачистку планеты арахнидов. 100 000 разодранных в клочья десантников. Стало быть, надо мстить за гуманистические ценности: сверхнебоскребы, изящные окологородные космические станции, плотные рои боевых звездолетов (навигационный кретинизм, но кинематографически эффектно), и за такой славный казарменный юмор: сержант в учебке протыкает салабону ладонь ножом: «Ты понял теперь, как помешать врагу нажать ядерную кнопку?»

То ли Америка комплексует по поводу провалов своих военных операций в Африке и в Персидском заливе, то ли всерьез готовится к роли галактического жандарма. Жаль, что череду «Дня независимости» и «Войн в космосе» (этот сериал шел по нашему НТВ) продолжил Пауль Верховен. Он вытащил на свет божий роман, написанный Робертом Хайнлайном в 1959 году — «Космический десант». На Земле гражданскими правами пользуются только военные. Планетарный герб представляет собой американского военного орла, эволюционирующего к свастике и пока задержавшегося на стадии силуэта шестимоторного бомбардировщика. Молодежь валом валит в армию, офицер на призывном пункте кивает: «Именно десант сделал меня таким, какой я есть» (из всех конечностей у него сохранилась только левая рука).

Сначала думаешь — антимилитаристская сатира. Но пушечное мясо, едва отбегав с доспехов свою и инопланетную кровь, бодро улыбается и показывает большой палец, как перед решающим броском в американском футболе. И на полном серьезе: «Хороший арахнид — мерт-

вый арахнид», «Убивайте всех, у кого больше двух ног». Уверен, этот фильм очень понравится Павлу Грачеву. Он в Чечне применял подобную гуманоидную тактику: без подготовки, в лоб, через горы трупов. А враги коварны, потому что инопланетной национальности. Вот только может смутить наслаждение, с которым браво лейтенант бьет по морде струсившего генерала. И космический маршал почему-то после первой же сотни тысяч трупов подает в отставку. Но преемник с блистательной логикой переходит к тактике ковровых бомбометаний.

Европейский менталитет и художественная достоверность в детализовке эпохи «Плоти и крови» деградировали у Верховена к «Космическому десанту» до эстетики рекламного клипа «Хочешь увидеть мир — вступай в армию». Установка идеологического отдела ЦК США, видимо, была такая: сделать из Хайнлайна американского Киплинга, воспеть бремя двуногого без перьев. Впрочем, какое там бремя! Вопрос, можно ли жертвовать сотнями ради спасения тысяч, моментально сводится к арифметике. Даже неуклюжее поползновение хоть на какой-то психологизм — элементарный любовный треугольник — схлопывается в одномерность: пользуясь дамой, которая на данный момент оказалась в пределах досягаемости. Верховенские фиги в кармане, вроде мундиров, слишком напоминающих эсэсовские, просто не воспринимаются посреди разлитого боевого задора. Компьютерные монстры отдельно от идеологических котлет еще смотрелись бы, все-таки кинофантастика во многом на антураже и спецэффектах держится. Но даже суперфантастичность этого сверхбоевика не обеспечила ему ожидаемых кассовых рекордов.

Игорь ЛЕГКОВ.

«КОНТАКТ»

Роберт Земекис решил испытать ностальгию по шестидесятым, когда не только рок-н-ролл, но и поиски внеземных цивилизаций были в моде. Как сказочник Спилберг снял «Список Шиндлера», так и его талантливый ученик решил поиграть на чужом поле, попробовать себя в серьезном жанре. За основу взята книга романтика от астрофизики Карла Сагана. Не знаю, как астрофизические концепции Сагана, а данный его роман воспринимается сегодня как реликт оптимистичной веры во множественность обитаемых миров. И является по большей части результатом греховного мезальяса ученого и сайенс фикшн, как-то чаще всего бывают слабоваты художественно. Авторитетные на иных поприщах деятели, решив побаловать фантастикой, снисходят к ней, как к волшебное негронутое королевство, где их ждут чудеса и открытия — и не замечают, что нф давно уже представляет собой испитанный задний дворик, давным-давно обжитой и захлащенный ничинными «профи».

Вряд ли российские зрители примут близко к сердцу теологичес-

кие сомнения главной героини. Едва ли для нас найдется проблема менее актуальная, чем та, что положена в философскую страту фильма: может ли лететь к звездам человек, который не верит в Бога?

Компьютерной графики в «Контакте» немного: разве что только спроектированная инопланетянами из системы Веги и построенная землянами установка для нуль-транспортировки на межзвездные расстояния порождает любителей спецэффектов. Обратите внимание: дизайн этой колоссальной установки соответствует стилю футуристических 60-х, придуманному Стенли Кубриком для его «Космической одиссеи». А компьютерные эффекты перемещения по внепространственным туннелям заставляют подозревать, что Земекис сознательно цитирует аналогичные кадры «Одиссеи».

Что касается кинорежиссуры, то тут все в порядке, фильм сколочен крепко, Джоди Фостер, как всегда, хороша. Но классикой жанра «Контакт» Земекиса не станет.

Петр ФЕДИН.

«СКВОЗЬ ГОРИЗОНТ»

Другое название — «Другой горизонт»

Начнем с того, что оба перевода оригинала названия фильма «Event Horizon» не совсем отражают его суть по двум причинам. Во-первых, дело в том, что термин «горизонт событий» означает «замкнутую поверхность, ограничивающую область вокруг черной дыры, в пределах которой силы гравитации столь велики, что никакие сигналы (фотоны, частицы) не могут выйти из-под этой поверхности и достичь внешнего наблюдателя.» (СЭС, 1989). Другими словами, горизонт событий — это граница черной дыры. Во-вторых, это название корабля, а имена собственные, как известно, не переводятся. В лучшем случае перевод должен был звучать просто «Черная дыра», ибо это отражает не только суть названия фильма/корабля, но и принцип работы последнего.

Сам же фильм скорее относится к жанру ужасов, поскольку настолько нелогичен, что причислить его к жанру научной фантастики вообще сложно. Кроме того, научного там кот наплакал. Если бы Жорж Мелльес включил в свой фильм сюжет, где человек, вышедший в открытый космос без скафандра, остался в живых, ему можно было бы это простить. Но подобный поворот сюжета в конце двадцатого века!

В чем кайф научной фантастики? Лично для меня в том, что фантастика создает другую реальность, в которую можно хоть на время окунуться и поверить, что где-то там, в будущем, подобное может слу-

читься. Но в такой фантастике обязательно должен быть здравый смысл, и если описывается будущее нашей Вселенной, где существует Земля, то должны также действовать и наши физические законы. В противном случае реальность произведения, и без того достаточно иллюзорная, разваливается, пропадает эффект правдивости. Все произведение становится фальшивым. Я не зря употребляю слово «произведение», ибо это в равной степени относится и к фильму, и к книге. Похоже, что в случае с «Горизонтом» сценарист либо сильно далек от научной фантастики вообще, либо был в школе двоечником. Как, впрочем и режиссер. Ведь без этого эпизода можно было совсем обойтись, он ничего к общей канве фильма не добавляет и смерть этого героя в результате декомпрессии была бы так же, если не более, эффектна, нежели ненаучное спасение. Кроме того, почему кораблю, который мгновенно достиг Ада, понадобилось семь лет для того, чтобы вернуться в нашу Вселенную? Если черная дыра — это Ад, тогда наша Вселенная — это Рай? Еще это подразумевает, что любая черная дыра — Ад. Можете верить в такое? Я — нет. Отличный актерский состав и прекрасные дорогие спецэффекты не спасают картину. Единственное, что в этом фильме хорошо — егф неожиданный и загадочный конец. Где очутились наши герои — снова в начале своего путешествия или все-таки в Аду? А может, их ждет и то, и другое — вечный круг страшных событий? Ради такого конца, можно выбросить на ветер два часа и посмотреть этот фильм.

«ГАТТАКА»

В обществе будущего нет места недостаткам, здесь все должно быть предельно точно выверено с помощью компьютера, даже генетический код нерожденного еще человека, вплоть до наклонностей и талантов. Главному же герою не посчастливилось, он родился незаконным способом, не проходя предварительный отбор. Поэтому сразу после рождения его поместили в список «инвалидов» и он навсегда лишился возможности занять достойное место в обществе. Он мечтал о космосе, но все, что мог себе позволить — это работа уборщиком в центре подго-

товки астронавтов. Но, оказывается, идеальные гены — еще не гарантия, что вы навсегда останетесь идеальным человеком. Судьба может быть жестока к любому, независимо от его генов. Кто-то выходит из игры, а другой, которому по рождению не суждено стать героем, занимает его место... Воплощение мечты обычного человека в мире идеальных людей. Один из тех фильмов, в которых спецэффекты не имеют значения, главное здесь — содержание. Доставит удовольствие истинному поклоннику жанра фантастики.

«КОЛЬЦА ДРАКОНА»

Выполняем обещание, данное в предыдущем номере «Лавки фантастики» — печатаем фрагменты энциклопедии костромича Романа МАСЛЕННИКОВА «Кольца дракона»

АБСОЛЮТНО ЧЕРНОЕ ТЕЛО

«В одном черном-пречерном лесу стоял черный-пречерный дуб...» (Детская страшилка).

Физическое тело, полностью поглощающее все падающее на него излучение. Естественный объект с соответствующим спектром найден внутри одного светлого газопылевого облака в районе звезды Антарес (П. Амнуэль, «Сегодня, завтра и всегда»).

Свойства А. Ч. Т. исследуются автоматами землян с помощью просвечивания волнами различных частот, обычно после того, как не помогают другие, более грубые способы.

Интересное А. Ч. Т. (более известное под названием Артефакт) запечатлено даже в живописи — на одном из старинных и малоизвестных полотен. Несколько веков изображение этого феномена дожидалось идентификации специалистов (К. Саймак, «Заповедник гоблинов»).

АЛКОГОЛЬ

«...злоупотребление алкоголем дает тяжелые последствия, для некоторых это повод объявить его вообще вне закона». И. Варшавский, «Сюжет для романа».

В фантастике, как порой и в реальной жизни, карающая рука закона обрушивается на то, что не излечивается дубинкой. Не избежали «перегибов» и высокоразвитые зеленокожие гуманоиды, отправляющие своих опустившихся любителей пьянящего зелья осваивать совершенно необитаемые планеты, зачастую — на верную гибель (Ф. Карсак, «Пришельцы ниоткуда»).

Небольшое исследование показывает, что среди фантастических персонажей охотнее всего злоупотребляют алкоголем изобретатели-одиночки, несознательные роботы и — они на первом месте, — разного рода неудачники. Очевидно, в жизни последних роковую роль играют случайности. Помноженные на безответственные и отчаянные поступки хмельных неудачников, они ведут к катастрофическим последствиям даже глобального характера, как то: нашествие непрошенных пришельцев (К. Саймак, «Поведай мне свои печали»), сорвавшееся спасение всей земной цивилизации (А. Кларк, «Завтра не наступит»). Исключение представляет обратный случай — избавление человечества от инопланетного рабства (Ф. Браун, «Важная персона»). Но образ этакого полусимпатичного пьянчужки перечеркивает рассказ Д. Моргана «Таков уж я».

Вред алкоголя более чем убедительно продемонстрирован в антиутопии О. Хаксли «О, дивный новый мир», в которой у непривилегированной части населения еще в зародышевом состоянии с помощью алкоголя высушиваются зачатки мозга. Таким образом в дальнейшем слугам-рабам ничто не мешает довольствоваться лишь совершенно убогими радостями скотского существования, и они не будут требовать большего.

Спектр средств борьбы с алкоголизмом в фантастике достаточно широк, но не все они одинаково эффективны. Административно-командные методы неизменно «пробуксовывают». В рассказе А. Гланца «Блудный сын промышленности», один из наших, увь, немалочисленных и вполне типичных выпивох многократному подорожанию спиртного успешно противопоставляет бартерный обмен на него краденных ценностей.

Диаметрально противоположный подход продемонстрировал в рассказе «Терапия» Р. Шекли. С помощью электронного алкогOLERАЗГРУЗИТЕЛЯ можно заранее установить любой из требуемых режимов интенсивности потребления спиртного: «много», «умеренно», «в компании», «для аппетита». Думается, в наших условиях вышеупомянутые изобретательные соотечественники миглом заблокируют «лишние» кнопки этого чудесного аппарата...

Светлейший ум — обосновавшийся в городе Великий Гусляр профессор Минц создал особый эликсир для временного нравственного перевоспитания местных алкоголиков. Но про-

фессор прекрасно понимает, что любые химические средства для исправления человеческих недостатков в духовной сфере будут всего лишь протезами для требуемого (К. Булычев, «Две капли на стакан вина»). И тщетно уповать на то, что на Кашинском ликеро-водочном заводе к каждой бутылке с горячительными напитками будет прилагаться заботливая берегиня (В. Орлов, «Аптекарь»).

Эх, далека еще Эра Всеобщей Трезвости! Только в призрачном идеале доживают свой век последние чепьювины и уже открыты для всех прочих первые Музеи Алкогольных Запахов. А лихие астролетчики на отдыхе требуют в современных барах некий пьянящий (но безалкогольный?) титучай.

Однако век звездолетов не несет сам по себе решения застарелых проблем. Напротив! Неземные животные тепляки, к примеру, создавая миражи питейных заведений, просто губительны для тех, кто предпочитает бары, скажем, библиотекам, музеям или театрам (Ст. Лем, «Звездные дневники Ийона Тихого»). А из всех достижений человечества представители одной из космических рас выбрали и увезли с собою почему-то крупную партию алкогольных напитков (Л. Нивен, «Четвертая профессия»).

Обобщающим заключением к статье прекрасно послужит отрывок из повести «Тогда придите и рассудим» В. Михайлова: «Алкоголь для человека скорее вреден, чем наоборот, следовательно, и для общества тоже. Для общества в большей мере чем для государства, которое изымает налоги, получает прибыль и содержит все более множущуюся стаю чиновников... Поэтому отношение государства к алкоголю можно сравнить с отношением христианской церкви к половому акту: он есть грех, однако без этого греха прекратилось бы существование человечества, а с ним и самой церкви. Следовательно, грех не только допустим, но и необходим — однако лишь в определенных рамках, нужных для очистки совести тех, кто эти рамки устанавливает, чтобы доказать себе и всему миру, что они отнюдь не капитулируют перед грехом, но лишь идут с ним на определенный компромисс и, следовательно, достойны всякого уважения».

Краткая библиография фантастики об алкоголе.

Брайдер Ю., Чадович Н. Инопланетный сюрприз. Р-з. // «Рабочая смена», № 5, 1984, с. 26-29.

Браун Ф. Важная персона. Р-з. // Пять зеленых лун. М., «Мир», 1978, с. 91-103.

Булычев К. Две капли на стакан вина. Р-з. // «Знание — сила» № 5, 1974.

Вайнфельд С. Пьяница. Р-з. // Тридцать первое июля. М., «Мир», 1968, с. 148-158.

Варшавский И. Пари. Р-з. // Варшавский И. Человек, который видел антимир. М., «Знание», 1964, с. 36-40.

Гамильтон Э. Мои бедные железные нервы. Р-з. // Гамильтон Э. Звездные корабли.

Дробиз Г. Галлюцинации. Р-з. // «Уральский следопыт» № 12, 1986, с. 41-43.

Каттнер Г. Механическое эго. Р-з. // Каттнер Г. Робот-знайка. М., «Мир».

Кларк А. Завтра не наступит. Р-з. // Трудная задача. М., «Мир», 1982.

Морган Д. Таков уж я. Р-з. // Фата-моргана 7. Н. Новгород, «Флокс», 1993, с. 208-219.

Саймак К. Поведай мне свои печали. Р-з. // Саймак К. Кольцо вокруг солнца. М., «Мир», 1983.

АЛМАЗЫ

«За короткое время он обогатил себя самыми разнообразными сведениями об алмазе». (Е. Парнов, «Третий глаз Шивы»).

Алмазы издавна привлекали внимание и будоражили воображение людей. Очень красива древнеиндийская легенда о происхождении этих камней из разных частей тела рассыпав-

шегося на кусочки зловредного демона Бала, пересказанная на страницах повести С. Ахметова «Алмаз «Шах». Кстати, сама повесть открывает целую трилогию, посвященную одному из самых удивительных камней, известному как своими редкими параметрами, так и незаурядной историей.

Жгучее желание обладать подобными природными или, как иногда выясняется, рукотворными сокровищами на протяжении веков было причиной многих драматических событий.

Когда Г. Уэллсу было всего 14 лет, мир облетела сенсационная весть: некий Хэнней изготовил с десяток искусственных алмазов. Разница между Хэннеем и персонажем одного из самых известных рассказов Уэллса заключается в том, что реальный прототип оставил указания по своим опытам; правда, они оказались сродни путаным советам алхимиков.

В 1954 году были действительно синтезированы искусственные алмазы. Для вдохновения фантастов остались только сказочные залежи алмазоносных пород там, где еще не ступала нога человека — либо какие-то аномальные характеристики монокристаллов.

Маловероятно, что на нашей планете когда-нибудь и впрямь обнаружится экземпляр, подобный тому, что дал название рассказу Ф. С. Фитцджеральда «Алмаз величиной с отел» «Риц», хотя в романе А. Кларка «2010-й: одиссея-2» предполагается, что ядро Юпитера, подверженное сверхвысоким давлениям, представляет собою алмаз, по величине сравнимый с нашей планетой.

Рубеж, установленный некогда для земных технологий (В. Журавлева, «Алмаз в 20000 каратов») превзойден в рассказе С. Гансовского «Кристалл». Здесь речь идет уже о феоназе — алмазе с особым составом примесей. Монокристалл феоназа весом в несколько тонн позволяет заглянуть в антимир.

При строительстве космического лифта получилось нечто вроде башни, на девяносто процентов состоящей из углерода с правильной кристаллической решеткой, и весом в миллиард тонн. «Амстердамская Ассоциация ювелиров сердито заявила, что, во-первых, суперволокно вовсе не алмаз, и, если уж это алмаз, то башня весит 5×10^{15} каратов» (А. Кларк, «Фонтаны рая»).

Однако чудесные свойства возможны и в совсем другой весовой категории. Крохотная алмазная пылинка стала причиной целого каскада аномальных явлений (С. Барр, «Ядро кристаллизации»). Известны в фантастике случаи использования сравнительно небольших алмазов в качестве компактных носителей информации, окуляров телескопов, наконечников стрел и... бутылок!

Мнения фантастов по поводу динамики спроса на алмазы в будущем разделились. Среди персонажей авантюрной фантастики отношение к любым драгоценностям вполне однозначное: увидел бесхозное или просто желаемое добро — хватай! Надежную защиту от посягательств особо алчных одиночек получили разве что алмазные деревья на какой-то пока неведомой планете (Дж. Стиц, «Сбалансированная экология»).

В ином свете видит перспективы пересмотра ценностей К. Саймак. В его рассказе «Ведро алмазов» эти самые камни немислимых форм, размеров и чистоты, похоже, заполняют все свалки будущего.

Д. Биленкин сделал в рассматриваемом вопросе упор на изменение человеческого сознания. В память о нелегком переходе на чужой планете один из его персонажей взял себе не горстку алмазов из местных богатейших россыпей, а кусочек совершенно уникальной застывшей магии («Сокровища Нерианы»). В другом рассказе Биленкина («Уходящих — прости») исследователи интересуют не столько алмазы сами по себе, сколько любопытные пузырьковые включения внутри них...

АНАПОД

«...бренчащие звуки, окружавшие меня, немедленно превратились в превосходно понятную речь, каре из алюминиевых кегель в конце ковровой дорожки обернулось почетным караулом». (Ст. Лем. «Звездные дневники Ийона Тихого»).

Сокращение от «анализатора аналогий, подыскивателя подобию». Техническое устройство, помогающее преодолеть ксенофобию и найти общий язык между представителями самых различных космических рас (Г. Гуревич, «В зените»). Проще говоря, А. — искуснейше сработанная на очень высоком техническом уровне универсальная маска, настраиваемая на индивидуальное восприятие собеседников по принципу «чужой — будь как свой!»

Идея А. прекрасно встраивается в «четырёхэтажную» модель родственных фантастических идей Г. Альтшуллера. В рамках исходного сочетания 1А (один анапод) найдем в фантастике аналоги рассматриваемого устройства.

С помощью Динамического Излучателя Голографического Изображения (ДИНГО) имитируется облик существ или внешний вид предметов сразу во всех диапазонах электромагнитных волн, включая и рентгеновские лучи (В. Головачев, «Консервный нож»).

По сути более совершенной модификацией А. служат Преобразователи, трансформирующие любое разумное существо в квазичеловека, обладающего достаточным словарным запасом и навыком смысловых схем (Г. Прашкевич, «Костры миров»).

Сочетание пА — массовое использование анаподов (их заменителей). В «Футурологическом конгрессе» Ст. Лема потерявшие самоконтроль люди вызывают масконами наркотические иллюзии, чтобы скрыть ими довольно жалкую реальность.

Сочетанию 1А — видимость без анапода — соответствует «метафорическая деформация», особого рода сумасшествие, вызываемое сильными нагрузками на мозг. «Этот процесс создает как бы мост между воспринятым известным и неприемлемым неизвестным, облекает неизвестное в желаемую мантию привычного... Дон Кихот считает ветряную мельницу великаном, а Санчо Панса великана — ветряной мельницей» (Р. Шекли, «Обмен разумов»).

Наконец, пА означает ненужность анаподов вообще. Это касается тех фантастических персонажей, которые могут принимать какие угодно формы просто в силу природных свойств.

Термин «А.» встречается единожды и в русском переводе романа Ф. Пота «Век нерешительности». Под ним подразумеваются меняющиеся по программе человекоподобные образы в натуральную величину, предназначенные исполнять различные роли в стереопостановках.

«ОСНОВАНИЕ» И РОССИЯ

ЭПОПЕЯ «Основание», первая часть которой вышла в свет в 1951 году, занимает особое место как в творчестве Айзека Азимова, так и в истории всей мировой литературы. Уникальность самого замечательного творения великого писателя состоит в том, что это настоящая книга пророчеств, хотя ее автор наверняка и не подозревал об этом, когда в начале сороковых годов приступал к осуществлению своего замысла. Конечно, «Основание» нельзя в полном смысле отнести к жанру научной фантастики. Скорее, это сказка, которой придана НФ-образная форма. Писатель взял за основу историю падения Римской Империи, перенес ее в далекое будущее и увеличил саму Римскую Империю до размеров Галактики. Разумеется, такой прием выглядит не особенно убедительно и, чтобы уж больше к этому не возвращаться, мне хотелось бы перечислить основные логические противоречия, встречающиеся в начальной трилогии. Я, конечно, вовсе не считаю их недостатками, но, тем не менее, рассказать о них было бы весьма интересно, тем более, что многие их не замечают.

Например, непонятно, почему человечество, овладевшее технологией межзвездных полетов, осталось таким отсталым в социальном плане и даже вернулось к такому атавизму Средневековья, как наследная монархия. Непонятно также, почему распалась, да еще с таким шумом, и сама Галактическая Империя. Ведь в отличие от своего исторического прототипа она представляла собой капиталистическое государство, в котором хоть и со скрипом, но все же соблюдались права человека и существовали основные гражданские свободы. Устами Гари Селдона Азимов говорит, что падение Империи «...предопределено растущей бюрократией, падением инициативы масс, уменьшением интереса к наукам и сотнями других факторов...», но в чем причина всех этих негативных явлений, так и остается неизвестным. И очень странно, как могли высокоразвитые и процветающие регионы Галактики всего за какие-то несколько десятиков лет дойти до такой степени деградации и превратиться в совершенно варварские государства. Неправдоподобно выглядит и то, что Основание полтора века не знало о том, что происходит в центральных областях Галактики. Если на Терminusе нельзя было принимать передачи Транторианского телевидения, то ведь вполне можно было послать на разведку в Империю звездолет, для которого королевство Анакреон преградой быть не могло, так как прыжок через гиперкосмос даже на такое большое расстояние занял бы всего одно мгновение. Галактика населена одними людьми, как будто только на Земле могла появиться разумная жизнь. Или, может быть, все инопланетяне были перебиты земными конкистадорами еще в незапамятные времена?... Да и сами люди почему-то относятся исключительно к европеоидной расе, словно в Космос отправлялись одни американцы и европейцы, а все остальные девять десятых населения планеты по неведомым причинам решили остаться дома. Трудно поверить и в то, что человечество забыло место своего возникновения. По ряду совершенно очевидных причин это было бы невозможно. К тому же в своих разговорах герои книги упоминают новозаветные тридцать сребренников, а также иезуитов в выражении «иезуитская хитрость». Значит, они помнят Иисуса Христа, а как же можно помнить Иисуса Христа и не помнить названия планеты, где он жил? Повествование ограничено пределами Галактики и это тоже выглядит очень странно. Что могло помешать людям заселить хотя бы Магеллановы Облака, расстояние до которых сравнимо с размерами самого Млечного Пути, из конца в конец которого, как видно из первой же страницы «Основания», можно попасть за долю секунды? Что касается коренных обитателей других галактик, то о них во всей трилогии упоминается всего один раз в шутильной фразе одного из героев.

Это только самые впечатляющие примеры, а более мелкие нелепости разбросаны буквально по всем страницам произведения. Однако незачем так уж сильно придирается к сказке, к тому же Азимов описывает все это с явной иронией и, надо полагать, и сам не относится серьезно к сконструированной им модели будущего. Вся история развала Империи и параллельного возвышения Основания полна гротеска и местами представляет собой веселую пародию на некие реальные события. Героев

«Основания» можно было бы отлить из пластмассы, раскрасить и повесить на новогоднюю елку. Они, как и подобает сказочным героям, довольно схематичны, но описаны автором так ярко, что кажутся живыми. Как и всякая хорошая книга, «Основание» учит нас десяти заповедям, но помимо этого в ней есть нечто, что представляет особый интерес для жителей России девяностых годов XX века. Потому что две первые части «Основания», в сущности, о нас. Азимов писал свое повествование под впечатлением истории падения Римской Империи, но, поскольку конец всех великих империй примерно одинаков, при чтении «Основания» перед глазами невольно встают прежде всего события нашего недавнего прошлого. Советский Союз представлял собой Римскую империю с ядерными ракетами, правда, начисто лишенную беломраморного величия и ослепительного внешнего золотого блеска последней. Только в американских фильмах советские солдаты выглядели так, как должны были выглядеть представители могучей сверхдержавы — вместо кирзовых сапог и галакшестерок дореволюционного образца для них вынуждены были придумывать нелепую, но зато куда более эффектную форму. Словом, о красоте и удобстве в этой мрачной стране никогда особо не заботились, но в остальном Третий Рим весьма походил на Первый и, соответственно, на Галактическую Империю из «Основания». Аналогий много и они напрашиваются сами собой. Галактическая Империя начала гнить по краям, в областях, где влияние Центра ощущалось менее всего. Периферийные провинции и раньше удавалось скреплять в единое целое лишь с помощью силы, а когда огромное галактическое государство поразил глубокий и всесторонний кризис, их правители, получившие прекрасную возможность избавиться свою власть от каких-либо ограничений, и которые заботились только о своей выгоде, стали провозглашать независимость и объявлять себя королями. Империя, бесспорно прервать этот парад суверенитетов и вернуть под свой контроль бывшие доминионы, чтобы избежать унижения и сохранить лицо, подписывала с этими новоявленными независимыми государствами договоры, пустые бумажки, создающие видимость того, будто бы она даровала им независимость по своей доброй воле. Космический флот, дислоцировавшийся на Периферии, оказался в руках этих игрушечных королевств, которые сразу же начали воевать друг с другом. Все это напоминает вовсе не Римскую империю, а нечто гораздо более близкое. И что же произошло далее с этими отколовшимися провинциями? Азимов без всякого уважения пишет о Галактической Империи, и поделом, так как она стоила того, но об этих ее обломках он пишет и вовсе с презрением и беспощадно высмеивает их глупых и жестоких правителей, которые крепко вцепились в свою мелочную власть и могут теперь выторговать со своими подданными что угодно, не боясь вышестоящего начальства. Они, вероятно, сделали свою карьеру при помощи демагогических речей о том, что во всех бедах виновата Империя и как хорошо будет без нее. Но вот Империи больше нет — а жить стало еще хуже. Периферийные королевства быстро скатились к варварству с бесконечными войнами и даже утратили секрет атомной энергии. Жизнь едва теплилась в этих крошечных разоренных государствах. Словом, на окраинах Галактики наступило Средневековье со всеми его атрибутами — дикостью, обскурантизмом и феодальными порядками. А разве не то же самое произошло после распада Советского Союза? Многие сходится просто один к одному. Что мы видели на периферии нашего бывшего государства всего несколько лет назад, а кое-где видим и сейчас? Полнейший упадок и деградация, гражданские и прочие войны, возрождение под видом национальных традиций средневековой дикости, глупые амбиции преступных правителей и страдания миллионов простых людей. Возникли бандитское государство в Чечне и новые тоталитарные режимы в Туркмении и Белоруссии. Чем, спрашивается, Джохар Дудаев или Звиад Гамсахурдия отличаются от регента Анакреона Вениса, а президент Туркмении Ниязов от Аспера Всеми Благословляемого, командора «республики» Корели? И разве не напоминает чем-то лорда Бродрига абсолютно бессовестный пройдоха Гейдар Алиев? Все эти люди словно сошли со страниц «Основания». А чем, к примеру, отличалась армяно-азербай-

жанская резня от войны Анакреона со Смирно? Империя тайно снабжала республику Корели оружием, а Россия, как недавно выяснилось, тайно продавала оружие Армении, и это еще не все совпадения. Кстати, несколько слов о научно-технической стороне произведения. «Основание» было опубликовано в годы всеобщего энтузиазма, вызванного овладением энергией атомного ядра. В Америке уже вовсю строился «Наутилус», а в СССР возводилась первая атомная электростанция. Поэтому у героев «Основания» все только атомное — атомные холодильники, атомные пылесосы, атомные посудомойки и т. д. Именно утрата атомной энергии королевствами Периферии стала главным признаком их варваризации и именно с передачей им Основанием атомных технологий началось их возрождение. Да и сама Империя, переживающая период упадка, начала терять атомные секреты. Атомщиков было не сыскать днем с огнем, из-за чего атомные энергостанции Империи находились в плачевном состоянии. На одной из планет произошел взрыв такой станции, которую плохо починили из-за отсутствия специалистов, что повлекло за собой катастрофические последствия. Вместо того, чтобы обучить новых специалистов и сделать атомные станции более надежными, правительство приняло постановление об ограничении использования атомной энергии. То же самое, можно сказать, произошло и у нас после чернойбыльской катастрофы. В конце восьмидесятых, когда антиядерная истерия достигла своего пика, атомные электростанции стали закрывать, а строительство новых было прекращено. По требованию общественности была закрыта Армянская АЭС, а несколько лет спустя российские специалисты помогали снова запускать ее, так как из-за недостатка энергии в республике не работали заводы, а население жило при свечах. Эту историю можно было бы без всяких переделок перенести в «Основание», настолько она в духе всего того, что там происходит.

В первой части трилогии Основание, используя псевдорелигиозную организацию и обожествление науки, стало оснащать атомной техникой и вооружать четыре соседних королевства. Правда, Сальвор Хардин знал, что делает, в отличие от наших нынешних правителей, которые не ведают, что творят, прода-

вая оружие Китаю и другим странам, население в которых больше, чем в России.

После развала Советского Союза и в последние годы его существования общество все больше погружалось в мистицизм. Чего стоят хотя бы различные «астрологические прогнозы» на радио и телевидении. Научно-популярный кинематограф умер, за ненужностью исчезло и большинство научно-популярных телепрограмм, а в книжных магазинах до сих пор практически отсутствует литература по естественным и техническим наукам. И такое тоже предвидел Азимов. В государстве Асконь, управляемом бандой мракобесов, обскурантизм был возведен в ранг государственной политики, так как наука и атомная энергетика стали символом ненавистной Империи и от них всеми силами избавлялись. Как тут не вспомнить борьбу наших демократов с космонавтикой, на которую якобы уходили чуть ли не все народные деньги и которая для многих в конце восьмидесятых казалась всего лишь атрибутом тоталитарного коммунистического режима, или борьбу народов Казахстана за закрытие Семипалатинского полигона. И еще об одной аналогии хотелось бы сказать напоследок. Мне кажется, что генерал Лебедь очень напоминает популярного генерала Империи Бель Риоза. Конечно, внешне они полные антиподы, но их деятельность, их карьера невероятно схожи. Лебедь, как и генерал Риоз, добыл себе славу, действуя со своей армией на далекой окраине бывшей великой империи. Он, как и его литературный прототип, был последним боевым выдающимся генералом, а не зажавшимся подхалимом, и оба эти генерала пострадали за то, что хотели стать один Императором, а другой — Президентом. Правда, по сравнению с Риозом Лебедь еще легко отделался — если Риоза отозвали и казнили, то Лебеда просто отозвали и оставили в покое, а потом даже сделали главой Совета Безопасности, но в конце концов все равно сняли с должности и отправили в отставку.

Ну и, наконец, примечательно, что казнивший Риоза Клеон Второй был, как и Ельцин, очень большим человеком — у него было плохо с сердцем.

Алексей ЖЕВЛАКОВ.

Новости

«ИНТЕРПРЕССКОН — 98»

На этой конвенции, прошедшей 4 — 8 мая в Разливе под Петербургом, вручалась премия Бориса Стругацкого «Бронзовая улитка». Ее получили: Б. Штерн за роман «Эфиоп», Е. Хаецкая за повесть «Мракобес», А. Лазарчук и М. Успенский за рассказ «Желтая подводная лодка «Комсомолец Мордовии», Е. Лукин за «Декрет об отмене глагола». Премии «Интерпресскона» достались А. Лазарчуку и М. Успенскому за роман «Посмотри в глаза чудовищ», Е. и Л. Луки-

ным за повесть «Тупапау, или Сказка о злой жене», В. Рыбакову за рассказ «Смерть Ивана Ильича», Е. Лукину за «Декрет об отмене глагола» (в номинации «критика, публицистика, литературоведение»), А. Дубовику — лучшему художнику — автору обложек 1997 г., В. Мартыненко — лучшему художнику-графику, издательству «АСТ» и, наконец, А. Легостаеву за дебютный роман «Наследник Алвиса».

СОЗВУЧИЯ ДИКОВИННЫХ ФОРМ

Дмитрий ЗЕМЛЯНИН

МОЛОДОЙ пермский художник Дмитрий Землянин рисует инопланетные формы жизни. К знатокам нф, впрочем, он себя не причисляет, поскольку читал разве что Уэллса и некоторых советских фантастов. Но отчетливо сознает, что именно в фантастике имеешь возможность соприкоснуться с миром фундаментальных идей.

— Человечество за свою историю выработало всего 102 фундаментальные идеи. Мало? Но число законов, обязательных для каждого уголка вселенной, тоже невелико. Касаются они и человеческих отношений, и такого явления, как материнство. Всюду малое находит соответствие в большом. Так что с помощью инопланетных форм я пытаюсь выразить эти фундаментальные идеи.

Обычно человеку интересно то, что напоминает ему самого себя. Когда он видит знакомые чувства в чуждых ему формах жизни, возникает некий резонанс — человек узнает себя, узнает те эмоции, которые приходилось испытывать самому.

Инопланетные формы животной жизни, которые я изображаю, мне никогда не снились. Но, бывает, перед сном, когда все как бы плывет, возникает некий мир, соответствующий придуманному животному, человекоподобному зверю. Ведь среда обитания должна соответствовать ему, он должен существовать в ней органично.

— Иван Ефремов считал, что разумные формы обязательно должны быть гуманоидными, даже если мы имеем дело с небелковой жизнью. Станислав Лем оспаривал это мнение, полагая, что в космосе нас ждут совершенно непредставимые существа.

— Я бы не противопоставлял две эти точки зрения. Мы можем встретить непредставимые формы, но они будут лишь частным случаем общего правила. Семя млекопитающих, рептилий, даже растений имеет примерно одинаковый вид. Но вырастает семя в разные формы. Отправная точка одна, так что необычность братьев по разуму окажется для нас чисто внешней.

— Говорят, человек не способен выдумать оригинальную форму жизни. Всех гиппокампов, драконов и прочих чудовищ воображение создает соединением элементов реально существующих животных или увеличением числа или размера их органов.

— Я пытался ставить эту проблему, но получалось вообще

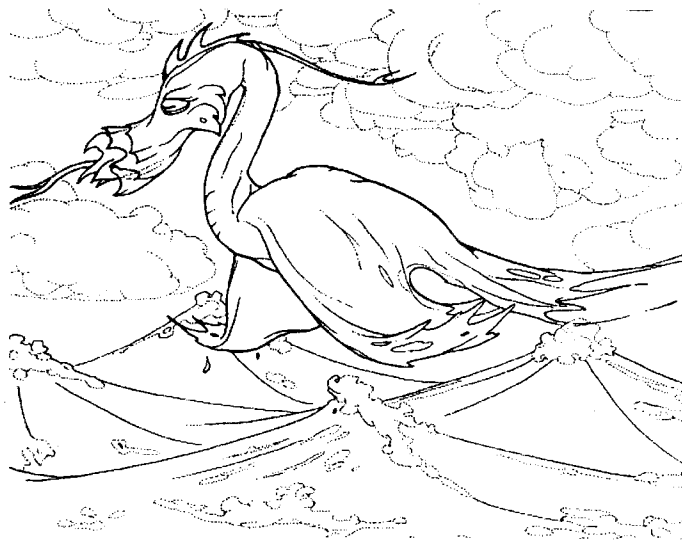

Дмитрий ЗЕМЛЯНИН

непонятно что. Отсутствие знакомых антропо- и зооморфных черт не позволяет человеку ощутить родство с изображенным. Необходимо что-то привычное: позвоночник, лапы, череп, рот, глаза, уши... А вот в каких вариациях они сочетаются друг с другом — это уже вопрос для художника.

Если просто следовать хаотическому методу, не «прослушивая» эти формы, то инопланетное создание окажется как бы нежизнеспособным. Уши должны быть созвучны голове, лапам, хвосту... Каждая сущность обязана быть гармоничной, не рассыпаться, если вдруг когда-нибудь воплотится в реальность.

Игорь ЛЕГКОВ.

МАРСИАНСКОЕ СОКРОВИЩЕ КАМЕННОГО ПОЯСА

В ЕКАТЕРИНБУРГЕ с 25 по 29 марта этого года проходил пятнадцатый фестиваль отечественной фантастики, приуроченный к очередному вручению премии «Аэлита».

Фестиваль фантастики «Аэлита» проводится с 1981 года. Организаторами его стали журнал «Уральский следопыт», Союз писателей РСФСР и Свердловский обком ВЛКСМ. Сам приз вручается за лучшую книгу российской фантастики предшествующих двух

лет. С первого же года существования «Аэлита» присуждалась с нарушением статута премии (за вклад, за переиздания, за журнальные публикации). За время ее существования лауреатами «Аэлиты» стали Аркадий и Борис СТРУГАЦКИЕ, Владислав КРАПИВИН, Сергей СНЕГОВ, Сергей ПАВЛОВ, Ольга ЛАРИОНОВА, Олег КОРАБЕЛЬНИКОВ, Василий ЗВЯГИНЦЕВ, Кир БУЛЫЧЕВ и другие популярные отечественные фантасты.

В 1995 и 1996 годах «Аэлита» не проводилась — не было средств, но в прошлом году ее возродили благодаря поддержке Ассоциации «Книжный клуб». Сам приз — произведение камнереза и ювелира Виктора Сальвина, который много лет к каждому фестивалю изготавливает его. И каждый год дизайн приза немного отличается от предыдущего, ведь это штучное произведение. Но концепция «Аэлиты» остается прежней. Приз этот всегда считался самым престижным в России. Таковым он и остается по сей день.

Нынче «Аэлита» досталась Евгению Гуляковскому, основателю жанра фантастического боевика в отечественной литературе. В 1973 году его повесть «Сезон туманов», опубликованная в «Уральском следопыте», мгновенно завоевала своего читателя. Этот автор достаточно хорошо известен поклонникам фантастики и представлять его здесь не имеет смысла.

Самый большой организационный недостаток фестиваля тот, что все мероприятия проходили в разных частях города, настолько удаленных друг от друга, что выдержать подобные перемещения способны далеко не все фэны. Возникает даже мысль, что это было сделано нарочно, дабы провести естественный отбор фэнов, этакую проверку на выживаемость — пришел на пресс-конференцию — хорошо, приехал на семинар по фантастиковедению (около часа в дороге от первого мероприятия), — молодец, посетил турнир — еще лучше, а если ты после этого еще и на карнавал успел, ты — истинный фэн. Кроме длительности переездов есть еще одна задача — найти нужный транспорт. Жители Екатеринбурга свой город знают из рук вон плохо, так что спрашивать у них бесполезно — они все в разные стороны показывают (еще хорошо, если вообще показывают). Ощущение такое, будто ходишь в пустыне и кричишь «Ау! Люди!». Транспортная система города устроена так странно, что для перемещения на 100 метров, скажем, вверх, вам сначала нужно идти вниз, садиться на троллейбус и, сделав круг по городу (этак часа полтора), прибыть на место. А не легче ли пройти пешком? Кстати, пешеходные прогулки как вид деятельности в Екатеринбурге отсутствуют вообще. Вам обязательно посоветуют проехать одну остановку на транспорте, а потом перебраться на другой. Агорафобия у них, что ли? Короче, чтобы наслаждаться «Аэлитой», вам нужно либо очень любить общественный транспорт, либо иметь опытного проводника, хорошо знакомого с городом и любящего пешие переходы.

Впрочем, это лирическое отступление. Вышеизложенная

тема стала предметом самых жарких дискуссий на заключительной пресс-конференции. Всем дружно хотелось более компактного размещения фестивальных событий.

Кроме самой «Аэлиты» здесь вручались и другие призы. «Старт» — приз за лучшую дебютную книгу достался двадцативосьмилетнему Михаилу Тырину за «Тень покровителя». Приз им. Ефремова за пропаганду фантастики получил директор книжного магазина-клуба «Стожары» (г. Москва) Александр Каширин. Мемориальный приз им. Виталия Бугрова за фантастиковедение нынче остался в «Уральском следопыте» — его вручили преемнику Бугрова Сергею Казанцеву.

Дальше были семинары, игры, тусовки. Если вы смогли пережить транспорт, то наслаждаетесь общением с остальными фэнами со всей России. Тусовка получилась отличная. Владислав Крапивин порадовал фэнов своим появлением. Было забавно и одновременно грустно видеть скучающего в одиночестве лауреата «Аэлиты-98», а чуть дальше группу молодежи, собравшуюся вокруг своего любимца Крапивина. Владислав Петрович, похоже, тоже любит своих поклонников, причем ровно настолько, насколько они любят его. Во всяком случае, с фэнами он общался с видимым удовольствием. А когда один из них, выудив его адрес в горсправке Екатеринбурга, явился к нему домой с просьбой объяснить, как попасть на «Аэлиту», Владислав Петрович нарисовал этому фэну подробный план.

Пресс-конференция с лауреатом «Аэлиты-98» Евгением Гуляковским и лауреатом приза им. Ефремова Александром Кашириным.

— Вопрос Евгению Яковлевичу: что значит для вас «Аэлита»?

— Честно говоря, я даже не знаю, что вам ответить. Лет десять назад она бы что-то для меня и значила. Для меня гораздо больше значил тот первый приз, который я получил от журнала «Уральский следопыт», когда впервые вышел «Сезон туманов».

— Почему вы обратились к фантастике, чем она вас привлекала?

— Теснота в прозе. Особенно в те годы — и духовная теснота, и теснота творческая. Я раньше писал «обычную» прозу, фантастика намного шире. Деление на жанры в фантастике чисто условно. В одной книге можно найти и элементы фэнтези, и детектива... Практически все жанры. Элементы фэнтези есть в любой фантастической книге, но фантастика должна быть строго логически выдержана, тогда это интересно. И потом, фантастика быстро стареет. Меняется обстановка и то, что было интересно нам двадцать или тридцать лет назад, уже ушло в прошлое. Например, нам сейчас трудно читать Уэллса.

— Что конкретно стареет в фантастике: герой, сюжет, обстоятельство, технические изобретения?

— Опять же все в комплексе. Вы замечаете, как сильно изменилось кино? Это очень динамичный вид искусства. Фантастика ближе к кино — по динамичности, во всяком случае. Она тоже очень быстро меняется. То есть меняется отношение читателя, и это требует изменения писателей, которые стараются идти в ногу со временем.

— Есть ли какой-то автор или книга, повлиявшая на вас и ваше творчество?

— Сложно сказать. Человек ведь тоже в комплексе складывается, здесь, скорее всего, нельзя назвать одного автора или одну книгу. Человек подвергается влиянию и семьи, и страны, и культуры. Если вы имели в виду любимых писателей, то, конечно, я могу назвать: это Лем, Хайнлайн и еще много достойных фамилий.

— В советские времена к нам с Запада попадало мало фантастики, в основном Азимов, Бредбери. Но отбиралось все старое, проверенное и действительно лучшее. Сейчас к нам хлынул поток переводной фантастики, причем огромную часть этого потока занимают книги далеко не лучшие. Не получится ли так, что нашу отечественную фантастику задавят количес-

Александр КАШИРИН (слева) и Владимир КУЛИКОВСКИЙ.

— Этот процесс происходит, и очень активно, причем не только в нашей отечественной фантастике, он вообще убивает интерес читателя к фантастике как таковой. Рынок фантастической литературы с каждым годом ухудшается, уменьшается спрос на нее, интерес к ней резко падает именно из-за этого огромного потока халтуры. На западе происходит тоже самое, что и здесь. Некоторые писатели, получив «Хьюго», потом начинают относиться к своему творчеству как к коммерческому делу и начинают писать одно за другим довольно посредственные произведения. Раньше мы не знали, что это так, но теперь, когда этот поток хлынул к нам без разбора, мы увидели отрицательные моменты. И это мешает не только молодым фантастам, но и читателям.

— Как можно с этим бороться?

— Я думаю, что противопоставить этому можно только хорошие книги и ничего другого.

Здесь вступил в разговор Александр Николаевич Каширин:

— Я хочу возразить. Сейчас резко обозначилась тенденция возвращения к отечественной фантастике, и это обусловлено одной простой причиной — отечественные реалии ближе нашему читателю, не потому, что он такой патриот, а потому, что он живет здесь и воспринимает все описанное значительно лучше, чем то, что происходит в англо-американской фантастике, основанной на их реалиях.

— Кстати, Александр Николаевич, как вы решились создать магазин, который торгует преимущественно фантастикой?

— Сначала я был просто фаном, работал специалистом по компьютерам. Потом однажды Пищенко пришел ко мне и сказал: «А давай...!» Я тоже сказал «давай». Так все и получилось. Магазин мой торгует стандартным набором вещей, канцтоварами, например, но есть там литературное кафе, где человек может выпить кружку чая и почитать фантастику. Иногда там сидит человек и за кружечкой чая читает. Я понимаю, что дохода он мне никакого не принесет, но картина уж очень приятная. Тут же и клуб есть. Когда появляются молодые новые лица, мы пытаемся их не потерять. Но сейчас у нас жизнь такая пошла, что времени ни у кого нет. Например, приходит к нам человек после долгого отсутствия, набирает свою стопку книг и снова исчезает месяца на четыре. Его спрашиваешь: «Что на клуб не приходишь?», а он говорит: «Да времени нет».

Интервью с Владиславом Крапивинным.

— Владислав Петрович, скоро у вас в «Интернете» будет своя страничка, вы про нее что-нибудь знаете?

— Да, приходил вчера ко мне Костя Гришин, показывал, что сделано.

— Как вы к этому относитесь?

— Не то, чтобы я танцевал от восторга, но по-моему дело полезное. Хуже не будет.

— Ваши произведения там появятся?

— Мы договорились, что они будут представлены фрагментарно, может, кто-то из издателей прочитает и захочет издать. Но полностью произведения мы не можем туда поместить. Издательства очень против «Интернета». Они считают, что если в «Интернете» это произведение уже появилось, то его невыгодно издавать, его уже все прочитали. А я заинтересован прежде всего в книжных изданиях. Я этим живу. Но я сам не против «Интернета». Вообще компьютером я интересуюсь как рабочим инструментом. Для набора, распечатки и редактирования. Я часто сначала пишу карандашом или ручкой, но потом перепечатаваю на компьютере. Это легче, чем на машинке — легче править и распечатывать. Раньше на машинке лишний экземпляр сделать такая морока, теперь — принтер стоит и никаких проблем. Чисто технически это удобная вещь. Но «Интернетом» и играми я совершенно не увлекаюсь.

— Как вы относитесь к изданию своих произведений на электронных носителях — компакт-дисках?

— В основном положительно. Сейчас готовят такой диск и то, что я видел, мне понравилось. Я едва ли дождусь когда-либо, чтобы напечатали мое полное собрание сочинений, а там собиравается все, даже какие-то архивные материалы. Дело близится к завершению, я надеюсь, что скоро такой диск выйдет.

— Поддерживаете ли вы отношения с «Каравеллой»?

— Да. Я ею уже не руковожу напрямую, «Каравеллой» сейчас занимается жена моего старшего сына. Но я оказываю им помощь. Прошлым летом я помог спустить три новые яхты на воду. Забегают ребята, советуются.

— Не могли бы вы рассказать о литературном опыте вашего сына, есть у него еще что-то помимо публикации в «Уральском следопыте»?

— Это не первая его публикация. У него одна вещь печаталась в Москве. Сейчас он заканчивает еще две повести. Он еще корреспондентом в «Следопыте» работает. Он отчаянно не хочет, чтобы кто-то заподозрил его в похоти на меня, он иногда увидит какую-нибудь «мою» фразу и говорит: «это «крапивизм», это мне не надо». Поэтому заподозрить его в копировании меня совершенно невозможно.

— Извините за нескромный вопрос, вы вот с палочкой, у вас как со здоровьем?

— А это ничего, у меня в 1992 году был острый приступ остеохондроза, я взял палочку, с тех пор привык. Три точки опоры лучше, чем две, и потом в трамвае место чаще уступают, а если какие-нибудь «крутые» парни к тебе подходят, то можно заштититься. Я же фехтовальщик. Очень удобно, уверенней себя чувствуешь.

— Вы сейчас больше пишете, чем раньше?

— Нет, скорее так же. Просто немного в другом жанре. Пишу мемуары, стихи. Но повесть или две в год я делаю. Писать не трудно, гораздо сложнее стало печататься.

— А поклонники-дети вам пишут?

— Да. Говорят, что дети перестали читать, но нет, читают и пишут. И взрослые пишут. Я, к сожалению, не успеваю отвечать всем и меня поэтому гложет совесть. Письма копятся, а времени нет. Я на днях переезжаю, поэтому самый надежный способ — писать в «Уральский следопыт». Мне передадут.

Надежда МАРКАЛОВА.

Фото автора.

Михаил ТЫРНИН